АВТОБІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ ЕГОРА ѲЕДОРОВИЧА ФОНЪ-БРАДКЕ.

МОИМЪ ДѢТЯМЪ.

Родъ нашъ происходитъ изъ Швеціи; мой прадѣдъ, во времена Карла XII, былъ полковникомъ и Шведскимъ комендантомъ въ Любекѣ. О древнѣйшихъ предкахъ со стороны моего отца мнѣ ничего неизвѣстно; даже не знаю, принадлежали-ли они къ дворянству, или мой прадѣдъ былъ первый возведенъ въ это достоинство, къ чему впрочемъ я былъ вполнѣ равнодушенъ.

Мой прадѣдъ имѣлъ только двухъ сыновей, которые начали свою службу въ Ольденбургскихъ или Голштинскихъ войскахъ и переселились оба въ поручьичемъ чинѣ въ Россію. Къ этому переселенію вѣроятно побудили ихъ, между прочимъ, семейныя непріятности: отецъ ихъ, вступивъ во второй бракъ съ одною вдовою, у которой была дочь отъ перваго мужа, такъ полюбилъ свою падчерицу, что предоставилъ ей все свое состояніе безъ исключенія и исходатайствовалъ у королевы Ульрики-Элеоноры мужу этой падчерицы, какому-то врачу, право принять фамилію „фонъ Брадке“ вмѣстѣ съ возведеніемъ въ дворянское достоинство. Вотъ что я знаю о моемъ прадѣдѣ. Прибавить развѣ еще, что падчерица дѣда моего не имѣла дѣтей, и стало быть въ Швеціи фамилія фонъ-Брадке вымерла. Между этою падчерицею и родными его сыновьями дальнѣйшихъ отношеній не было; она только написала имъ по кончинѣ своего вотчима весьма неласковое письмо въ тѣхъ видахъ, чтобы они не вздумали предъявлять права на наслѣдство, чего они и не предпринимали.

И такъ мой дѣдъ и братъ его вступили въ Русскую службу. Они сражались противъ Турокъ подъ начальствомъ фельдмаршала Миниха. Братъ моего дѣда дослужился до генерала-лейтенанта и былъ первымъ генералъ-квартермистромъ Русской арміи. Кажется, онъ былъ весьма значительнымъ человѣкомъ. Сыновей у него не было, а изъ трехъ дочерей одна была за адмираломъ Алексѣемъ Наумовичемъ Сенявинымъ, другая за генераломъ Гартвисомъ (Hartwiss), а третья, говорятъ, за графомъ Воронцовымъ: не знаю навѣрное *).

Дѣдъ мой, въ ранахъ и съ разстроеннымъ здоровьемъ, вышелъ въ отставку полковникомъ. Императрица Екатерина пожаловала ему

---

*) Графинею Воронцовою была не дочь генерала лейтенанта фонъ-Брадке, а внука его Екатерина Алексѣевна († въ Августѣ 1784) Сенявина, въ супружествѣ за графомъ Семеномъ Романовичемъ Воронцовымъ, сынъ котораго фельдмаршалъ князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ заявлялъ Егору Ѳедоровичу фонъ-Брадке о своемъ дальнемъ родствѣ съ нимъ. На Смоленскомъ (Нѣмецкомъ) кладбищѣ въ Петербургѣ сохранился бѣломраморный памятникъ адмиральши Сенявиной, по отцу Анны Елисаветы фонъ-Брадке (род. 14 Апр. 1733 † 16 Окт. 1776). *П. Б.*

аренду на островѣ Монѣ, въ Эзельскомъ округѣ. Въ качествѣ Шведскаго дворянина, онъ былъ принятъ въ Эзельское благородное сословіе. Женатъ онъ былъ на дѣвицѣ Адеркасъ и имѣлъ отъ нея сына (моего отца) и двухъ дочерей. Больше я о немъ ничего не знаю: онъ скончался за долго до моего рожденія. Но бабушку мою, вступившую во второй бракъ съ рентмейстеромъ Рубушемъ, я очень живо помню въ моемъ дѣтствѣ, и я былъ при ея кончинѣ ребенкомъ лѣтъ 7 — 8. Черезъ тетокъ моихъ, дочерей генерала-лейтенанта фонъ-Брадке, мы вошли въ родственныя связи съ аристократическими Русскими семействами, но отецъ мой вовсе не поддерживалъ съ ними близкихъ отношеній. Только Александръ Львовичъ Нарышкинъ, женатый на Сенявиной (одной изъ дочерей моей тетки) оказывалъ намъ всякое родственное расположеніе. Онъ ласкалъ и меня, когда мнѣ было 14—18 лѣтъ отъ роду и часто звалъ къ себѣ въ свои великолѣпныя палаты. Я иногда бывалъ у него, а генералъ-губернатору Остзейскихъ губерній, князю Суворову, однажды сказалъ въ шутку, что онъ мнѣ внукъ, такъ какъ мать его была дочерью Марьи Алексѣевны Нарышкиной, урожденной Сенявиной, — т. е. моей племянницею.

Вотъ почти все, что̀ я знаю про моихъ предковъ съ отцовской стороны. Не привожу другихъ разсказовъ и сохранившихся извѣстій, не увѣренный въ ихъ точности.

Отецъ мой *) родился и воспитывался на островѣ Эзелѣ и рано вступилъ въ военную службу. Сперва онъ былъ юнкеромъ въ Вятскомъ пѣхотномъ полку, а потомъ, будучи фронтовымъ и кадетскимъ офицеромъ, перешелъ, по настоянію А. Н. Сенявина, во флотъ, состоялъ при немъ генеральсъ-адъютантомъ, затѣмъ въ чинѣ подполковника командовалъ отдѣльнымъ егерскимъ баталіономъ, былъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ при генералъ-лейтенантѣ Нумсенѣ и при столь знаменитомъ впослѣдствіи генералѣ Суворовѣ въ Финляндіи, затѣмъ командиромъ гарнизоннаго полка своего имени въ Ригѣ, откуда, во времена Павла I, въ чинѣ генералъ-маіора, назначенъ комендантомъ г. Полоцка и шефомъ гарнизоннаго полка своего имени. Здѣсь постигла его участь столь многихъ: въ силу особаго высочайшаго повелѣнія, безъ всякихъ причинъ, его „выбросили“ изъ службы, какъ именно было и сказано. Для человѣка съ женою и дѣтьми это было тяжелымъ ударомъ; но будучи твердъ, отецъ мой отнесся къ несчастію съ смиренною покорностью, видя въ немъ Божіе указаніе. Онъ узналъ о своемъ увольненіи въ табельный день, когда у него былъ парадный обѣдъ, но ни мало не смутился и лишь на другой день объявилъ о случившемся женѣ и своимъ подчиненнымъ. Городъ Полоцкъ предложилъ ему значительный даръ для покупки имѣнія, но онъ съ благодарностью отклонилъ его. Затѣмъ онъ обратился письменно къ князю Сергію Ѳедоровичу Голицыну, съ которымъ былъ очень коротко знакомъ, прося его сообщить ему о причинахъ его увольненія, но получилъ вскорѣ отвѣтъ, что и самъ князь въ тотъ же день „былъ выброшенъ“ изъ служ-

*) Его звали Ѳедоромъ Ивановичемъ. См. въ Р. Архивѣ 1874, кн. 2-я, стр. 959 двѣ записочки къ нему имп. Павла. *П. Б.*

бы. Тогда мой отецъ собралъ небольшія крохи своего достоянія и, воспользовавшись предложенною ему его тестемъ и друзьями ссудою, купилъ сильно запущенное, на Двинѣ лежащее, имѣніе Верховье, въ 350 душъ (въ Витебской губ., въ Велижскомъ уѣздѣ).

Въ два года осмотрительной и настойчивой дѣятельности отца моего, разработаны и пущены въ ходъ всѣ силы имѣнія, доходы стали получаться въ нѣсколько тысячъ, и предстояла возможность въ непродолжительное время освободиться отъ долга, какъ вдругъ полученъ высочайшій приказъ императора Павла, чтобы отецъ мой немедленно ѣхалъ въ Петербургъ. Генералъ-адъютантъ графъ Ливенъ предложилъ ему вопросъ, за что онъ отставленъ. Отецъ отвѣчалъ, что причина отставки ему неизвѣстна. Собраны справки, и безъ его прошенія онъ допущенъ къ лицу Императора, который необыкновенно милостиво его принялъ. Разговоръ шелъ на Нѣмецкомъ языкѣ, на которомъ Государь отлично говорилъ. Отецъ отпущенъ изъ дворца шефомъ 4-го егерскаго полка. Глубоко тронутый признаніемъ своей невинности и изъявленіями монаршей милости, онъ былъ однако озабоченъ судьбою своего имѣнія, которое непремѣнно требовало личнаго его присутствія. Поэтому спрашивалъ онъ графа Ливена, не льзя ли ему просить о всемилостивѣйшемъ дозволеніи по прежнему жить въ отставкѣ. Въ отвѣтъ ему сказано, что такая просьба можетъ имѣть весьма дурныя послѣдствія, и пожалуй не придется ему и хозяйничать въ имѣніи. Такимъ образомъ отецъ мой отправился въ полкъ, стоявшій въ западныхъ губерніяхъ и, когда было можно, навѣщалъ Верховье, которымъ управляла моя матушка по его наставленіямъ.

Со восшествіемъ на престолъ государя императора Александра I-го, отецъ подалъ въ отставку и до 1807 года жилъ въ Верховьѣ, которое во всѣхъ отношеніяхъ совершенно преобразилось. Въ 1807 году, по случаю войны съ Франціею, по всей Россіи устроивалась милиція. Отецъ мой думалъ, что ему можно остаться въ сторонѣ, такъ какъ многіе генералы, старше его, желали получить званіе начальника губернской милиціи, весьма въ то время высокое. Когда къ нему обращались по этому предмету, онъ отвѣчалъ, что едва освободился изъ стѣснительныхъ обстоятельствъ и что такое назначеніе поведетъ его къ полному разоренію. Но его настоятельно просили пріѣхать на выборы, и онъ былъ единогласно выбранъ губернскимъ начальникомъ Витебской милиціи, а въ возмѣщеніе необходимо-умножавшихся отъ того расходовъ, дворянство, также единогласно, назначало ему ежегодно по 20 тыс. руб. ассигн. Его тронуло сочувствіе дворянства, и онъ не имѣлъ духа отказаться отъ должности, но деньги рѣшительно отвергнулъ. Такимъ образомъ онъ переѣхалъ въ Витебскъ и занялся образованіемъ милиціи. Дѣло пошло въ ходъ быстро и, по окончаніи войны, доставило отцу моему Анненскую ленту, многимъ дворянамъ разныя награды и всему дворянскому сословію монаршее благоволеніе. Дворянство выразило ему свою благодарность особымъ, весьма тепло-написаннымъ письмомъ. Но вслѣдствіе жизни въ Витебскѣ, гдѣ приходилось ежедневно держать

открытый столъ, накопились новые долги, и такое постоянно-неустроенное положеніе удручало отца моего. Къ умноженію издержекъ, стоявшій въ Витебскѣ главный командиръ, графъ Буксгевденъ, не заводя своего хозяйства, ежедневно со свитою своею обѣдалъ у моего отца; надо было и отвозить его домой, такъ какъ онъ не держалъ собственнаго экипажа. Буксгевденъ предлагалъ отцу поступить къ нему въ дежурные генералы, а когда это не состоялось, занять опорожнившееся мѣсто Эстляндскаго губернатора. Въ виду этого мѣста, отецъ мой продалъ свое имѣніе, свелъ счеты и со всею семьею поѣхалъ въ Петербургъ, но тамъ узналъ, что графъ Буксгевденъ уже представилъ Эстляндскимъ губернаторомъ барона Икскюля. Не знаю, что̀ побудило графа Буксгевдена къ такому вѣроломному поступку; но бывшіе друзья разошлись между собою. Уваженіе, которымъ пользовался мой отецъ, обратило на него личное вниманіе императора Александра I-го, и вскорѣ онъ получилъ мѣсто гражданскаго губернатора въ Вяткѣ съ увеличеннымъ окладомъ.

Вятская губернія, съ милліономъ богатыхъ казенныхъ крестьянъ, до тѣхъ поръ была сильно разоряема управленіемъ. До моего отца и послѣ него, чиновники, не исключая и губернаторовъ, бывали увольняемы съ преданіемъ уголовному суду. Съ свойственною ему настойчивостію возстановивъ порядокъ, батюшка управлялъ губерніею семь лѣтъ и, благодаря его личному бдительному надзору, во всѣ эти семь лѣтъ ни одинъ чиновникъ не былъ преданъ суду. Много лѣтъ послѣ его кончины, императоръ Александръ I-й, проѣзжая Вятку, увидѣлъ въ гимназіи портретъ моего отца и, узнавъ, что гимназія была имъ основана, остановился передъ портретомъ и произнесъ: „это былъ человѣкъ рѣдкой честности и настойчивости.“ При этомъ его величество изволилъ разсказать, что на пути своемъ онъ говорилъ съ крестьянами, и всѣ они, отъ мала до велика, отзывались, что, начиная съ незапамятныхъ временъ, только при отцѣ моемъ управленіе было честное и правосудное.

Утомленный служебною дѣятельностью, страдая отъ сильнаго геморроя и совершеннаго разстройства желудка, мой отецъ просилъ объ увольненіи отъ службы, но въ 1816 или въ концѣ 1815 года былъ всемилостивѣйше пожалованъ въ тайные совѣтники и Петербургскіе сенаторы. Онъ исправлялъ почти два года, въ отсутствіе барона Кампенгаузена, должность государственнаго контролера и умеръ въ началѣ 1818 г., на пожарѣ, въ Петербургѣ.

Еще живучи въ Эзелѣ, въ чинѣ артиллерійскаго капитана-лейтенанта по флоту, мой отецъ женился на дочери умершаго маіора Фонъ-Гакъ, которому по царской милости было дано въ арендное пользованіе казенное имѣніе Кергель и который былъ женатъ на дѣвицѣ Глюкъ, внучкѣ извѣстнаго Маріенбургскаго пастора Глюка. Такимъ образомъ мы происходимъ по матери отъ этого пастора Глюка, который, въ качествѣ иностранца, доставилъ людямъ, среди коихъ онъ поселился, новый неисчерпаемый источникъ благодати переводомъ Библіи на Эстонскій языкъ, и въ тоже время чрезъ его первоначальное посредство явилась въ Россіи императрица, въ лицѣ

Екатерины I. Вотъ какъ это случилось. Глюкъ однажды ѣздилъ верхомъ со святыми дарами къ одному умиравшему; на возвратномъ пути его настигла страшная гроза съ проливнымъ дождемъ, такъ что онъ долженъ былъ укрыться въ избушкѣ бѣднаго лѣснаго сторожа, принадлежавшаго къ его приходу. Тутъ онъ встрѣтилъ множество дѣтей въ самомъ бѣдственномъ положеніи и, подъ вліяніемъ возбужденнаго состраданія, предложилъ родителямъ отдать къ нему въ домъ одного изъ дѣтей по ихъ выбору. Такимъ образомъ, когда гроза кончилась, посадили къ нему на лошадь маленькую Катеньку, и онъ привезъ ее къ своей женѣ, гдѣ она примкнула къ его многимъ дочерямъ, раздѣляла съ ними ихъ учебныя занятія и въ тоже время выполняла тѣ служебныя обязанности, которыя соотвѣтствовали ея возрасту. Семейное преданіе повѣствуетъ также о ея дальнѣйшей исторіи, которая впрочемъ мнѣ только отрывочно извѣстна, и потому я считаю нужнымъ сослаться на тѣ записки, которыя составлены были по этому предмету моимъ двоюроднымъ братомъ, сенаторомъ Пейкеромъ. Когда, по взятіи Русскими Маріенбурга, пасторъ Глюкъ со всѣмъ семействомъ былъ привезенъ въ Москву, то импер. Екатерина, узнавъ о прибытіи своего пріемнаго отца, тотчасъ его навѣстила и потомъ ѣзжала къ нему по утрамъ. Петръ I употреблялъ Глюка для устройства школъ, и онъ умеръ въ большемъ почетѣ; дочери его были назначены статсъ-дамами *) къ Ея Императорскому Величеству и съ богатыми придаными выданы замужъ въ знатнѣйшія семьи Лифляндіи, которыхъ имена я не могу припомнить. Но его единственный сынъ, мой прадѣдъ, въ то время еще ребенокъ, не былъ взысканъ счастіемъ, благодаря незаботливости его сестеръ, и мнѣ ничего неизвѣстно о его дальнѣйшей судьбѣ, которая впрочемъ должна быть изложена въ вышеупомянутыхъ запискахъ сенатора Пейкера.

Я счелъ необходимымъ привести этотъ перечень фактовъ, чтобы по крайней мѣрѣ настолько сохранить внѣшнія событія нашего семейства, на сколько они мнѣ извѣстны изъ многихъ разсказовъ моихъ родителей и другихъ родственниковъ и изъ документовъ; а другимъ путемъ никто не могъ-бы доставить о нихъ никакихъ свѣдѣній. Хотя я, по свойствамъ своей души, и весьма далекъ отъ всякой дворянской и родовой спѣси, но не могу также одобрять того равнодушія, въ силу котораго многіе никогда не вспоминаютъ о судьбахъ своихъ предковъ, не отказываясь въ тоже время отъ правъ и преимуществъ, пріобрѣтенныхъ ихъ заслугами и не принимая во вниманіе, что въ гражданскомъ и государственномъ быту всюду, гдѣ есть права, существуютъ и обязанности и тамъ, гдѣ эти обязанности не выполняются, надлежало-бы по справедливости прекратиться и правамъ.

*

Когда наступало время моего рожденія **), отецъ мой былъ командиромъ егерскаго баталіона, имѣвшаго порученіе охранять пограничную таможенную линію въ западныхъ губерніяхъ, и такъ

*) Т. е. фрейлинами. *П. Б.*

**) 16 Мая 1796 года. *П. Б.*

какъ ему приходилось безпрестанно мѣнять свое мѣстопребываніе, то мои родители нашли неудобнымъ странствовать такимъ образомъ съ грудным ребенкомъ, а потому, съ согласія сестры моего отца, г-жи Мейеръ, было рѣшено, что моя мать разрѣшится отъ бремени на островѣ Эзелѣ и затѣмъ оставитъ меня у моей тетки, что̀ и было выполнено. Такимъ образомъ я, одинъ изо всей нашей семьи, родился и получилъ первоначальное воспитаніе въ Балтійскихъ провинціяхъ. У моей тетки не было дѣтей, и потому мои воспитатели всецѣло предались препорученному имъ юному существу. Они окружили меня прямо-родительскою любовью. Для того, чтобы Нѣмецкое произношеніе ребенка не было испорчено, было совершено преобразованіе въ домашнемъ быту, и единственный слуга и двѣ горничныя обязаны были говорить только понѣмецки. Эстонскій языкъ былъ совершенно изгнанъ изъ дому, а Русскому языку было предоставлено надлежащее представительство въ лицѣ слуги, который изъяснялся на немъ довольно непонятнымъ образомъ. Когда кормилицу отпустили, то моя тетушка приняла на себя уходъ за мною, въ чемъ неоднократно пособлялъ ей и ея супругъ, а прислугѣ не было дозволено прикасаться къ дитятѣ. Лишь тогда, какъ ребенокъ началъ ползать и ходить, къ нему приставили на нѣсколько часовъ во дню долговязаго слугу, который преимущественно изъяснялся съ нимъ порусски и при этомъ употреблялъ чрезвычайныя усилія, чтобы своими шутовскими пріемами довести обыкновенно-серьезнаго малютку до смѣха.

Такъ возросъ я, обожаемый всѣми домашними, составляя центръ всего дома; отъ меня исходили и радость и горе на всѣхъ окружающихъ.

По шестому году я поступилъ въ первоначальную школу г-на Казанскаго и кромѣ того бралъ Русскіе уроки у одного офицера. О первомъ я помню, что у него колотили палкою по пальцамъ. На седьмомъ году меня отдали въ уѣздное училище, гдѣ я два года учился полатини и ариѳметикѣ. Лучшимъ школьнымъ пріятелемъ моимъ былъ Карлъ Поль, впослѣдствіи директоръ канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ.

Между тѣмъ мой отецъ выражалъ желаніе имѣть меня при себѣ, и когда воспитатель мой скончался, то это несчастное событіе и послужило поводомъ моего возвращенія къ родителямъ, и мой дѣдушка Рубушъ рѣшился зимою съ 1805 на 1806 годъ предпринять со мною путешествіе въ Витебскую губернію. Страстныя изліянія никогда не проявлялись въ моемъ дѣтствѣ,, но сердце раздиралось у меня отъ горя, когда пришлось мнѣ разстаться съ моею возлюбленною тетушкою, которая старалась сохранить наружный видъ спокойствія, но не могла скрыть свою внутреннюю скорбь.

Путешествіе совершилось благополучно, и мы добрались до Верховья. Съ стѣсненнымъ чувствомъ вступилъ я въ чуждый мнѣ родительскій домъ: я зналъ его лишь по той тревогѣ, съ которою подвергалъ строгой цензурѣ каракули мои въ письмахъ къ родителямъ. Здѣсь я конечно нашелъ все несогласнымъ съ моими привычками. Боль-

шой домъ, множество прислуги, широкій образъ жизни, рѣдко прерываемый приливъ посторонних посѣтителей, которые если и не по долгу оставались, то уѣзжали лишь для того, чтобы уступить свое мѣсто другимъ: это все меня сильно озадачивало, а еще болѣе строгій видъ отца, любящаго, но отклоняющаго всякое сближеніе, равно какъ и привѣтливый, но не нѣжный пріемъ моей матери..... Ученіе было мнѣ не трудно. Въ довольно большой библіотекѣ отыскалъ я много романовъ и съ жадностью поглощалъ Лафонтена и Крамера, Грандисона и Кларису во множествѣ томовъ. Впослѣдствіи мнѣ запретили это чтеніе, но я тайкомъ продолжалъ его....

Такимъ образомъ, примѣняясь наружно къ обстоятельствамъ и не возбуждая ничьего особеннаго вниманія, таилось во мнѣ, девятилѣтнемъ ребенкѣ, внутреннее существованіе, состоявшее почти исключительно изъ безплодныхъ мечтаній, которыя могли-бы со временемъ произвести на меня нравственно-разслабляющее дѣйствіе. Одинъ мой отецъ, казалось, примѣчалъ это, не смотря на то, что при своихъ многообразныхъ занятіяхъ онъ рѣдко видѣлъ насъ: онъ часто бралъ меня съ собою въ своихъ прогулкахъ и осмотрахъ и когда примѣтилъ, что я внимательно слушаю и могу понимать его, то между нами образовались довѣрчивыя отношенія, ближе меня съ нимъ ознакомившія и послужившія основаніемъ глубокой привязанности и уваженія, которыя я питалъ къ нему съ юношескаго возраста. При этомъ мой отецъ убѣдился, что мое дальнѣйшее пребываніе въ Верховьѣ могло-бы принести мнѣ болѣе вреда, чѣмъ пользы, и потому отвезъ меня лѣтомъ 1806 г. въ Петербургъ, гдѣ, по совѣту своихъ друзей, помѣстилъ меня пенсіонеромъ въ Горный Корпусъ, почитавшійся въ то время лучшимъ и солиднѣйшимъ заведеніемъ, при чемъ мой добрый отецъ сдѣлалъ все, что только могъ, на мою пользу. Не желая лишить меня вполнѣ женскаго общества, онъ условился съ одною вдовою, полковницею Реноѳанцъ, проживавшею въ зданіи корпуса, чтобы мнѣ приходить къ ней къ утреннему и вечернему чаю. Онъ также разрѣшилъ мнѣ брать частные уроки, которыми я воспользовался отчасти для музыки и въ особенности для Французскаго языка. Въ музыкѣ я успѣвалъ плохо; я выбралъ скрипку, но недоставало терпѣнія, и я кончилъ тѣмъ, что разбилъ инструментъ, потому что онъ не хотѣлъ издавать требуемыхъ мною звуковъ.

Мое вступленіе въ корпусъ, принятое не слишкомъ благосклонно моими товарищами по причинѣ моего сквернаго Русскаго произношенія и моей неповоротливости, должно было, по тогдашнему обычаю, начаться съ испытанія моего терпѣнія. Вечеромъ, немедленно по удаленіи нашего надзирателя, кадеты погасили всѣ свѣчи въ той комнатѣ, гдѣ мы всѣ вмѣстѣ сидѣли за длиннымъ столомъ, и каждый изъ нихъ началъ колотить меня, сколько могъ. Такъ какъ я не возражалъ ни слова и не жаловался, то испытаніе было признано достаточнымъ, и меня сочли хорошимъ товарищемъ. Послѣ экзамена былъ я переведенъ въ 3-й классъ (высшій изъ младшихъ), гдѣ оказал-

ся моложе и меньше всѣхъ ростомъ, потому что всѣ мои товарищи уже достигли 12—15 лѣтняго возраста. Когда я преодолѣлъ первоначальныя затрудненія по отношенію къ языку и методу преподаванія, то уже все болѣе и болѣе пріобрѣталъ расположеніе учителей и уваженіе товарищей, постоянно былъ первымъ или однимъ изъ первыхъ въ классѣ и въ 4 года догналъ лучшихъ воспитанниковъ высшаго класса, гдѣ обыкновенное преподаваніе прекращалось, и оставались только занятія по предметамъ горнаго вѣдомства. А такъ какъ они не соотвѣтствовали ни цѣлямъ моего отца, ни моимъ желаніямъ, то я и оставилъ корпусъ въ 1810 году.

Теперь мнѣ остается только коснуться остальныхъ корпусныхъ отношеній и ихъ вліянія на мое внѣшнее и внутреннее развитіе. Пища была отвратительная, хотя и считалась лучшею, чѣмъ въ другихъ казенныхъ заведеніяхъ. Хотя мясо было хорошо, а бѣлый хлѣбъ, выдаваемый къ завтраку, былъ отличный; но масло пахло изъ третьей комнаты, супу нельзя было въ ротъ взять, а рыба и постное масло отзывались такимъ крѣпкимъ запахомъ, что я не касался ихъ никогда, и меня часто тошнило отъ одного зловонія. Двѣ чашки чаю утромъ и вечеромъ у г-жи Ренофанцъ, сопровождаемыя 4-мя сухарями, не могли утолить моего голода; а потому и употреблялись мною опредѣленные отцемъ моимъ 5 руб. ежемѣсячныхъ карманныхъ денегъ на покупку сбитня и другихъ снадобій, не весьма привлекательныхъ, но при хорошемъ аппетитѣ удобоваримыхъ; или, если этихъ денегъ недоставало, то съѣдалось извѣстное количество хлѣба съ солью. Надзоръ въ Горномъ Корпусѣ былъ весьма недостаточенъ. Мы были распредѣлены по большимъ комнатамъ, гдѣ спали и вообще проводили все свободное отъ классовъ время; въ каждой комнатѣ находился студентъ (такъ назывались воспитанники двухъ высшихъ классовъ), унтеръ-офицеръ, имѣвшій при себѣ помощника изъ 1-го высшаго или 3-го средняго класса. Имъ препоручены были всѣ дисциплинарныя взысканія, за исключеніемъ тѣлесныхъ наказаній, и лишь весьма немногіе изъ нихъ были заботливы и справедливы. Одинъ дежурный офицеръ имѣлъ общее надъ всѣмъ наблюденіе, но онъ обыкновенно сидѣлъ въ своей дежурной комнатѣ и только одинъ разъ въ день проходилъ мимо насъ. Оба начальника отдѣленій, между которыми былъ распредѣленъ надзоръ за воспитанниками, заботились развѣ только объ одеждѣ и бѣльѣ, а такъ называемый корпусный „маіоръ“, въ рукахъ котораго сосредоточивалась вся дисциплинарная власть, назначалъ тѣлесныя наказанія и появлялся лишь въ весьма важныхъ случаяхъ. Настоящимъ начальникомъ корпуса былъ его командиръ, въ то время дѣйствительный статскій совѣтникъ Казадаевъ, человѣкъ доброжелательный и отлично образованный, но державшій себя въ совершенномъ отдаленіи; надъ нимъ былъ директоръ, обыкновенно знатный сановникъ, навѣщавшій насъ, почета ради, не болѣе одного раза въ годъ. И такъ мы были почти вполнѣ предоставлены самимъ себѣ, и никто не заботился о насъ, если мы только не разбивали себѣ головъ, не производили буйства и вообще не совершалось никакого внѣшняго нарушенія порядка; для всѣхъ важнѣйшихъ проступковъ на недѣлѣ опредѣлялось наказаніе по субботамъ послѣ обѣда.

При подобномъ положеніи дѣлъ естественно, что среди слишкомъ 300 молодыхъ людей, изъ которыхъ многимъ было уже около 25 лѣтъ, нравственность находилась въ плачевномъ состояніи. Не только читались глупѣйшіе и мерзѣйшіе романы, но даже стихотворенія самаго безпутнаго и грязнаго свойства распространялись въ рукописяхъ. Въ большинствѣ этой молодежи, не имѣвшей родныхъ въ Петербургѣ и потому обреченной проводить по нѣскольку лѣтъ въ четырехъ стѣнахъ, чувственныя наклонности находились въ страшномъ возбужденіи, и при такомъ сообществѣ, не сдерживаемая никакимъ нравственнымъ вліяніемъ, эта наклонность къ пороку должна была естественно достигать до крайнихъ размѣровъ. Никакое изъ души исходящее послушаніе не могло здѣсь имѣть мѣста; но отчасти страха ради, отчасти въ силу еще господствовавшей тогда въ семьяхъ строгости, общій строй какъ-то держался. Ученье еще удавалось лучше остальнаго: трудились усиленно и часто даже основательно, помогали другъ другу, и Горный Корпусъ подготовилъ многихъ дѣльныхъ людей по разнымъ отдѣльнымъ отраслямъ. Нельзя относиться съ особенною похвалою къ тогдашнему методу преподаванія, гдѣ учитель мало напрягалъ свое вниманіе и предоставлялъ все самому ученику и гдѣ не было и рѣчи о какихъ либо педагогическихъ приспособленіяхъ; но этотъ методъ, при полнѣйшемъ отрѣшеніи отъ всякой педагогики, нынѣ столь злоупотребляемой, имѣлъ и свою полезную сторону: онъ принуждалъ учениковъ къ самостоятельной умственной дѣятельности и, при существовавшемъ между кадетами обычаѣ взаимнаго содѣйствія, облегчалъ дальнѣйшіе успѣхи слабѣйшимъ изъ нихъ, трудившимся по охотѣ или отъ страха. Церковь весьма усердно посѣщалась воспитанниками Греческаго вѣроисповѣданія, но ученики другихъ исповѣданій не были ни уговариваемы, ни побуждаемы къ тому и предавались въ это время безпрепятственно шалостямъ, такъ какъ дежурный офицеръ и унтеръ-офицеры находились въ церкви, и не было бы никакого надзора, если бы случайно не нашли унтеръ-офицера иновѣрца.

Я оставилъ Горный Корпусъ въ 1810 году 14-ти лѣтнимъ мальчикомъ, съ упорно-работающимъ разсудкомъ, съ основательными познаніями въ математическихъ и историческихъ наукахъ и въ трехъ живыхъ языкахъ (за исключеніемъ лишь навыка къ бойкой Французской рѣчи), съ самодѣльными и опытомъ добытыми правилами, которыя разумѣется не могли оставаться безъ измѣненія; съ сильно-развращеннымъ воображеніемъ и съ высокимъ о себѣ мнѣніемъ, которое впрочемъ часто и весьма глубоко измѣнялось подъ вліяніемъ совѣсти, хотя и весьма подавленной, но все-же не вполнѣ бездѣйствовавшей. Естественныя науки преподавались въ корпусѣ такимъ жалкимъ образомъ, что я, или лучше сказать, всѣ воспитанники получили къ нимъ полнѣйшее отвращеніе, которое я съ большимъ усиліемъ успѣлъ преодолѣть въ себѣ лишь тогда, когда уже былъ попечителемъ въ Кіевѣ. Древнимъ языкамъ совсѣмъ не обучали.

Отецъ мой имѣлъ намѣреніе тотчасъ помѣстить меня въ Генеральный Штабъ, при которомъ, подъ главнымъ начальствомъ из-

вѣстнаго князя Петра Михайловича Волконскаго, въ то время основывалась школа колоно-вожатыхъ для образованія офицеровъ, и въ нее поступала вся тогдашняя высшая аристократія. Но князь, узнавъ, что мнѣ только 14 лѣтъ и обративъ вниманіе на мой малый ростъ, отклонилъ мое вступленіе словами: „пусть подростетъ, и привезите его черезъ годъ“. Тогда отецъ мой рѣшился взять меня съ собою въ Вятку, гдѣ онъ былъ въ то время губернаторомъ, и употребить по возможности усилія къ довершенію моего образованія.

Въ отдаленной губерніи, населенной почти исключительно казенными, удѣльными и заводскими крестьянами, безъ дворянскаго сословія, положеніе губернатора, какъ прямаго представителя монархической власти, было весьма значительно. Даже и насъ дѣтей величали, при всякой встрѣчѣ, „превосходительства'ми“, не смотря на запрещеніе отца моего. Мы помѣщались въ каменномъ, двухъэтажномъ губернаторскомъ домѣ съ садикомъ, весьма хорошимъ по тамошнему климату.—Братъ мой (11-ти лѣтъ) бралъ уроки у гимназическихъ учителей и по два часа ежедневно писалъ въ отцовской канцеляріи; а у меня былъ отличный учитель архитектуры, который, въ теченіи моей годичной жизни въ Вяткѣ, познакомилъ меня съ разными строительными матеріалами, ихъ приготовленіемъ и употребленіемъ, для чего мы ѣздили по окрестнымъ заводамъ. Отъ другихъ учителей я отказался, такъ какъ, усвоивъ себѣ хорошо математику, я уже могъ продолжать занятія безъ руководства. По-французски, за неимѣніемъ хорошаго учителя, читалъ и переводилъ я про себя; и въ историческихъ наукахъ мнѣ не трудно было идти самому впередъ. Только не давалась мнѣ географія, потому что такова была моя особенность, что я не удерживалъ въ памяти ничего не относящагося къ разсудку и напротивъ твердо помнилъ все что̀ усвоивается умственно. Я старался помочь себѣ составленіемъ таблицъ и другими пріемами, но собственно говоря узналъ географію позднѣе, вслѣдствіе многократныхъ поѣздокъ, статистическихъ служебныхъ работъ, а также и чтенія газетъ. Кромѣ того, въ первое полугодіе я обязанъ былъ ежедневно по четыре часа работать въ канцеляріи отца моего и подъ его руководствомъ прошелъ всю лѣстницу канцелярской службы; а на второе полугодіе, за отбытіемъ секретаря его, управлялъ всею его канцеляріею. Мои учебныя занятія, разумѣется, отодвинулись назадъ, но я уже достаточно подготовился для пріемнаго экзамена въ Школу Колоновожатыхъ или въ Институтъ Водяныхъ Комуникацій. Верховой ѣздѣ училъ насъ генералъ Хитровъ, зять фельдмаршала Кутузова, но эти упражненія были безполезны.

По воскресеньямъ, за неимѣніемъ Лютеранской церкви, отецъ ѣздилъ со мною и съ братомъ въ Греческую *), и оттуда мы отправлялись къ архіерею, у котораго всегда подавали большой завтракъ. У насъ въ этотъ день обѣдало человѣкъ 15 приглашенныхъ лицъ. Въ главные праздники бывали у насъ балы или большіе обѣды, человѣкъ на сто, въ томъ числѣ приглашались и духовныя лица.

*) Эту привычку молиться въ нашей церкви Е. Ѳ. фонъ-Брадке сохранилъ и впослѣдствіи. *П. Б.*

Въ Вяткѣ происходила моя конфирмація, для чего приглашенъ былъ изъ Перми пасторъ; къ сожалѣнію, это былъ человѣкъ безъ познаній, безъ вѣры и любви.

Отецъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, какъ думаю я о своей будущности, и я выбралъ недавно открывшійся Институтъ Водяныхъ Комуникацій. Прошеніе и нужные документы отправлены въ Петербургъ. Въ началѣ лѣта 1811 года возвращалась туда генеральша Хитрова, пріѣзжавшая въ Вятку навѣстить своего мужа; я провожалъ ее въ своемъ экипажѣ.

Подвергая нынѣ строгому разбору мое пребываніе въ Вяткѣ, я начинаю думать, что оно имѣло большое вліяніе на развитіе моихъ умственныхъ способностей: путемъ научныхъ занятій, соединенныхъ съ самостоятельнымъ и напряженнымъ размышленіемъ, естественно возмужала моя умственная дѣятельность; благодаря же возложенному на меня значительному дѣловому труду, подъ руководствомъ осторожнаго и совѣстливаго человѣка, слѣдившаго кромѣ того съ теплымъ отцовскимъ чувствомъ за моимъ развитіемъ, я пріобрѣлъ сознаніе служебнаго долга и получилъ твердое направленіе, чего иначе никогда-бы не достигъ.

Тутъ пришлось мнѣ, вопреки юношескимъ мечтаніямъ, узнать на опытѣ, что въ государственной жизни форма и буква суть вещи неизбѣжныя, безъ коихъ, особливо въ большомъ кругу управленія, нѣтъ устойчивости; что, правда, буква можетъ быть помѣхою добру, но, при несовершенствѣ всѣхъ человѣческихъ отношеній, обходя ее подвергаешься опасности произвести еще болѣе тяжкія недоразумѣнія; но что въ тоже время, предоставляя буквѣ столь значительное вліяніе, никогда не слѣдуетъ забывать, что она въ сущности есть только служительница духа, помогающая охранять требованія онаго въ испорченности человѣческихъ отношеній, блюсти должныя границы внѣшности, легко переступаемыя при господствующемъ недостаткѣ въ духовномъ образованіи, и что если не держаться строго этого соотношенія, то духъ утратитъ подобающее ему значеніе, разрушится весь государственный и общественный строй, и какъ надгробная ему надпись останется одна мертвая буква. Я уразумѣлъ также смыслъ и значеніе служебной присяги и понялъ, что она, передъ лицемъ Божіимъ, обязываетъ служащаго содѣйствовать общему благу государства; что безъ того безплодны и даже часто бываютъ вредны всякія филантропическія чувства и краснорѣчивыя изъявленія.

Послѣ этого приготовительнаго направленія моего дѣтскаго возраста, отправился я, въ началѣ лѣта 1811 года, не достигнувъ еще полныхъ 15 лѣтъ, въ столицу, чтобы, предоставленный самому себѣ, безъ всякой людской помощи, вступить въ борьбу съ искушеніями и невзгодами внѣшняго міра.

Въ Казани мы останавливались въ женскомъ монастырѣ, гдѣ настоятельницею была нѣкогда знатная дама большаго свѣта, пріятельница госпожи Хитровой. Монастырь слѣдовалъ новѣйшимъ модамъ: комната игуменьи была чѣмъ-то въ родѣ Парижскаго будуара,

кушанья самыя тонкія, лакомствъ и закусокъ всякаго рода въ полномъ изобиліи. Тутъ воспитывалось множество молодыхъ дѣвушекъ изъ лучшихъ семействъ, разодѣтыхъ съ отмѣннымъ вкусомъ; онѣ пѣли на крылосахъ. Въ разговорахъ не слыхалъ я ничего монастырскаго, напротивъ царствовала полная свобода. Мы прожили тутъ нѣсколько дней, и мнѣ не хотѣлось уѣзжать. Казанскій архіерей неоднократно пытался заявить свои требованія относительно этой свѣтскости, но ничего не успѣвалъ по причинѣ важныхъ связей игуменьи. Впрочемъ, не смотря на черезъ чуръ свѣтскую обстановку, игуменья не допускала грубаго соблазна.

По прибытіи въ Петербургъ, остановились мы въ домѣ княгини (тогда еще супруги простаго генерала) Кутузовой, гдѣ для дочери ея былъ приготовленъ верхній этажъ, и тамъ же отведена мнѣ отдѣльная и весьма уютная комната. Здѣсь наступилъ для меня періодъ разочарованій. Добродѣтельнѣйшая г-жа Хитрова полюбила неудержимо вихорь свѣта и даже не трудилась скрывать этого. Она до того забыла Русскій языкъ, на которомъ очень хорошо говорила и писала въ Вяткѣ, что въ малѣйшей записочкѣ дѣлала самыя грубыя ошибки (выраженное мною въ этомъ случаѣ неожиданное удивленіе было ей непріятно). Въ бель-этажѣ шло не лучше: старушка Кутузова, почти 70-ти лѣтъ отъ роду, одѣвалась какъ молоденькая, бойкая дѣвица, между тѣмъ какъ она отъ старости уже совсѣмъ высохла. Вся обстановка дома была блестящая, но даже отъ моихъ неопытныхъ взоровъ не могло укрыться, что его посѣщали только личности нетвердой репутаціи. Дѣвица Жоржъ, г. Дюранъ играли значительную роль, и вообще Французскій театръ имѣлъ тамъ многихъ представителей, чего въ то время въ хорошихъ домахъ еще не допускалось. Старикъ Кутузовъ находился въ Турціи и далеко еще не пользовался тѣмъ значеніемъ, которое пріобрѣлъ въ 1812 году, когда многія самыя высоко-поставленныя особы за честь считали быть принятыми въ гостиной княгини.

Я имѣлъ въ Петербургѣ родственные дома генерала Адеркаса, графа Оппермана и полковника Пейкера, гдѣ былъ принятъ вполнѣ дружественно. Когда я въ первый разъ явился къ Пейкеру, состоявшему въ то время при генеральномъ штабѣ, то онъ настоятельно убѣдилъ меня поступить не въ вѣдомство путей сообщенія, но въ Школу Колоновожатыхъ, вслѣдствіе чего я поспѣшилъ взять назадъ свои документы и подалъ прошеніе князю Волконскому, который, послѣ удовлетворительно-выдержаннаго экзамена, приказалъ включить меня въ число колоно-вожатыхъ. Хотя Кутузова съ величайшею привѣтливостью выразила желаніе, чтобы я оставался жить у нея и только ходилъ въ школу и даже предлагала обратиться съ просьбою о томъ къ князю Волконскому; но пребываніе мое въ этомъ домѣ, благодаря его обстановкѣ, сдѣлалось столь непріятнымъ, что я довольно-неловкимъ образомъ отклонилъ это любезное предложеніе и съ радостью перебрался въ отведенныя колоно-вожатымъ комнаты въ зданіи Генеральнаго Штаба.

Здѣсь жили мы вмѣстѣ человѣкъ 40 молодыхъ людей, представлявшихъ собою самые разнородные элементы. Были тутъ такіе,

которые уже совершили походы и имѣли по 25 лѣтъ отъ роду; другіе прошли уже полный курсъ въ „Ecole politechnique“ въ Парижѣ (двое князей Голицыныхъ и двое Перовскихъ) и затѣмъ еще нѣкоторые, по нѣскольку лѣтъ занимавшіеся въ Германскихъ университетахъ. Остальные товарищи прибыли изъ различныхъ мѣстностей Имперіи и принадлежали почти всѣ къ знатнѣйшимъ и богатѣйшимъ семействамъ, такъ какъ эта школа, подъ покровительствомъ государева любимца, была въ большой модѣ. И здѣсь я былъ младшимъ, малорослымъ и бѣднѣйшимъ изъ всѣхъ товарищей моихъ. Школа была очень хорошо устроена, но меблировка, общій столъ и вообще всѣ наши потребности лично нами оплачивались. Она раздѣлялась на два класса, гдѣ преподавались преимущественно военныя науки и математика; но проходили весьма внимательно и всеобщую исторію, при чемъ въ особенности обращалось вниманіе на военную исторію и военную географію. Учителя были очень хороши, и вообще школа носила оттѣнокъ высшаго образовательнаго заведенія, приличествующаго возрасту большинства воспитанниковъ и предпринятой цѣли. Предоставлялась полнѣйшая свобода дѣйствій, и только въ 11 часовъ вечера всѣ обязывались быть дома. Это было какое-то странное сожительство: многіе не подходили нравами другъ къ другу, что̀ и образовало отдѣльные кружки. Въ эту распущенную эпоху нечего было и думать о проявленіи религіознаго чувства; самое научное стремленіе недостаточно выражалось; увлеченія юношескаго возраста смѣнялись дѣтскими шалостями. Мнѣ въ школѣ въ особенности посчастливилось: три брата Муравьевы преподавали въ школѣ математику и военныя науки; они вѣроятно признали во мнѣ живое стремленіе или сжалились надъ моею юностью и привлекли меня въ свое общество, а такъ какъ они также занимали въ домѣ казенную квартиру, то я могъ ежедневно и ежечасно пользоваться этимъ пріятнымъ приглашеніемъ. Они были весьма образованные и скромные молодые люди, у которыхъ почти всякій вечеръ собиралось очень пріятное общество одинаковаго съ ними направленія и проводило время въ чтеніи, въ размышленіи и въ прѣніяхъ, при чемъ разговоръ носилъ всегда печать общаго стремленія къ высшему развитію. Здѣсь проводилъ я всѣ свои свободные часы, и это знакомство, перешедшее со временемъ въ сближеніе, а съ младшимъ Муравьевымъ (нынѣ министромъ государственныхъ имуществъ) даже носившее характеръ дружбы, сохранило меня отъ многаго зла и усилило во мнѣ жажду къ дальнѣйшему образованію. Мои занятія шли хорошо и, при происходившемъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ того-же 1811 года испытаніи, я былъ представленъ въ офицеры Генеральнаго Штаба; но князь Волконскій мнѣ въ томъ отказалъ по молодости моихъ лѣтъ и слишкомъ еще краткому сроку службы. Это меня тѣмъ болѣе огорчило, что князь весьма часто выказывалъ мнѣ свое благоволеніе, и ему, казалось, доставляло большое удовольствіе, при посѣщеніи школы иностранными принцами или другими знатными особами, пускаться со мною въ долгія математическія прѣнія и вызывать къ тому другихъ.

Съ 1812-мъ годомъ наступила для нашего дорогаго отечества замѣчательнѣйшая и обильная послѣдствіями година, и нашей школѣ также суждено было принять участіе въ этихъ событіяхъ, такъ какъ, по недостатку офицеровъ Генеральнаго Штаба, колоновожатые были призваны къ выполненію ихъ обязанностей. И меня также предназначали въ армію, но капитанъ гвардіи Рахмановъ, въ то время одинъ изъ лучшихъ нашихъ математиковъ, дававшій намъ уроки въ школѣ и уже прежде сильно осуждавшій князя за его несогласіе на мое производство, теперь потребовалъ, чтобы я оставался въ Петербургѣ для продолженія моихъ математическихъ занятій, къ которымъ, по его мнѣнію, я былъ одаренъ особенными способностями. И такъ я, противъ своей воли, остался въ столицѣ и былъ прикомандированъ къ полковнику Эйхену; но вознегодовалъ такъ сильно на это непрошеное вмѣшательство въ мою судьбу, что никогда не навѣщалъ Рахманова и ничего о немъ знать не хотѣлъ. Такимъ образомъ провелъ я почти годъ въ школѣ и могу его считать по преимуществу „безумнымъ“ годомъ въ моей жизни....

Въ теченіи этого времени князь Кутузовъ былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣхъ войскъ противъ Французовъ; онъ пользовался большимъ значеніемъ и невообразимою популярностью. Такъ какъ онъ еще прежде, собственноручнымъ письмомъ, просилъ моего отца доставить ему случай на его дѣтяхъ доказать ему свою благодарность за ласки, оказанныя его зятю Хитрову, то отецъ мой прислалъ мнѣ рекомендательное письмо на его имя. Я только что получилъ это письмо и сидѣлъ передъ каминомъ, обдумывая мое завтрашнее представленіе князю, находившемуся въ то время въ Петербургѣ, когда мнѣ вдругъ пришло въ голову, что я ни разу не былъ у княгини и, при дальнѣйшемъ размышленіи, я остановился на мысли, что было бы весьма неблаговидно нынѣ, когда я нуждаюсь въ ея покровительствѣ, униженно искать его. Послѣдствіемъ этого безспорно-натянутаго умозаключенія было то, что письмо попало въ каминъ, и я на другой день князю не представлялся, за что и отецъ мой не осудилъ меня, не чувствуя расположенія къ искательству и покровительству....

Въ концѣ того-же года, былъ я посланъ, по моему желанію, въ Або, для занятій по землемѣрной части, съ каковою цѣлью уже нѣсколько лѣтъ находилась тамъ партія изъ 4 или 5 офицеровъ Генеральнаго Штаба и 10 или 15 колоновожатыхъ подъ начальствомъ полковника Хатова... Черезъ годъ, князь Волконскій поручилъ мнѣ преподавать моимъ товарищамъ (которые большею частью были старше меня) математику и военныя науки.

Почти три года провелъ я въ Финляндіи, зимою въ Або, лѣтомъ на измѣреніяхъ въ разныхъ мѣстностяхъ, и былъ сильно обрадованъ, когда, въ началѣ 1815 года, получилъ приказаніе ѣхать въ армію. Черезъ нѣсколько дней я пустился въ путь на Петербургъ, Варшаву и Вильну и очутился въ Силезіи.

Послѣ Польши, въ то время еще весьма грязной, Силезія должна была произвести весьма пріятное впечатлѣніе. Съ удоволь-

ствіемъ осмотрѣли мы на пути нашемъ Дрезденъ и отправились послѣ двухдневнаго въ немъ пребыванія далѣе черезъ Барейтъ въ Бамбергъ, куда мы прибыли въ то самое время, когда маршалъ Бертье бросился изъ окна 3-го этажа въ замкѣ и, ударившись головою о металлическій шпиль, упалъ на мостовую въ ужасномъ состояніи. Говорятъ, что какая-то переписка его съ Наполеономъ, попавшая въ руки союзниковъ, была причиною того, что, при первомъ звукѣ Русскаго барабана, онъ рѣшился избавиться отъ позора своей измѣны. Ужасъ этого событія еще усугублялся тѣмъ, что его супруга и дѣти помѣщались на той-же сторонѣ замка въ бель-этажѣ и что они, какъ говорятъ, видѣли его летящаго мимо ихъ оконъ. Такъ какъ главная квартира Русской арміи въ этотъ именно день расположилась въ Бамбергѣ, то Русскія войска сопровождали Бертье въ могилу со всѣми подобающими званію его почестями.

Мы явились въ Бамбергѣ къ начальнику штаба барону Дибичу, и я получилъ приказаніе отправиться въ Гейдельбергъ и поступить въ распоряженіе императорской главной квартиры. Здѣсь, въ качествѣ исправляющаго должность плацъ-адъютанта, я былъ подчиненъ коменданту императорской главной квартиры полковнику Гейдеману, который былъ столь-же неуклюжъ и неповоротливъ, сколько долговязъ: онъ превышалъ обыкновенный человѣческій ростъ. Въ тѣ двѣ недѣли, что главная квартира пробыла въ Гейдельбергѣ, я былъ такъ усиленно занятъ службою, что только мелькомъ могъ обозрѣть кое-какія достопримѣчательности и, благодаря тревожному и тяжелому характеру моего начальника, впрочемъ весьма добродушнаго человѣка, не имѣлъ покоя ни днемъ, ни ночью.

Наконецъ мы двинулись впередъ, перешли Рейнъ при Мангеймѣ и направились къ Нанси. Во Франціи мы встрѣтили со стороны населенія дружескій и радушный пріемъ; однако на походѣ по лѣсамъ насъ тревожили Французскіе мародёры, которые, хотя и не могли нанести намъ существеннаго вреда, но, прикрываясь деревьями, причиняли нѣкоторымъ нашимъ офицерамъ болѣе или менѣе опасныя раны. Однажды нѣсколько пуль долетѣли до свиты Государя, не причинивъ впрочемъ никакого вреда; Государь перескочилъ черезъ ровъ и поскакалъ въ лѣсъ; съ большимъ трудомъ удалось убѣдить его, чтобы онъ не подвергалъ опасности свое драгоцѣнное существованіе. Впослѣдствіи устанавливали вдоль лѣса стрѣлковую цѣпь, и это бездѣльное дурачество прекратилось.

Въ Нанси нашъ Государь узналъ, что Пруссаки и Англичане, подъ командою Блюхера и Веллингтона, намѣревались вступить въ Парижъ, а такъ какъ Блюхеръ при этомъ выразилъ угрозу, что онъ взорветъ Аустерлицкій, Іенскій и другіе мосты, носящіе подобныя отличительныя названія, а такой поступокъ, при Французскомъ тщеславіи, легко могъ повести къ отчаянной рѣзнѣ на улицахъ, то нашъ возлюбленный Монархъ покинулъ насъ и поспѣшилъ инкогнито, въ почтовомъ кабріолетѣ, въ Парижъ, чтобы воспрепятствовать этому роковому намѣренію. Армія получила по-

велѣніе приближаться къ Парижу форсированными маршами. Тѣмъ временемъ полковникъ Гейдеманъ, благодаря своей неповоротливости, получилъ другое назначеніе, и на его мѣсто былъ назначенъ комендантомъ главной квартиры полковникъ Чертковъ; но такъ какъ и при немъ дѣло не ладилось, то дежурный генералъ, генералъ-адъютантъ Закревскій рѣшился не подвергать себя болѣе ошибкамъ при новомъ выборѣ, и потому, когда уже мы вступили въ Парижъ, возложилъ на меня комендантское управленіе въ занятой нашими войсками части города, а равно и сношенія съ другими комендантскими управленіями и всѣ отношенія къ мѣстному населенію. Въ тоже время старшему по чину плацъ-адъютанту порученъ былъ надзоръ за караулами и все относящееся до фронта. Въ этомъ случаѣ мнѣ сильно пригодилось мое практическое изученіе Французскаго языка, и эти познанія, а равно и доброе мнѣніе Закревскаго о моихъ служебныхъ способностяхъ, доставили мнѣ важное и пріятное назначеніе. На первое время было весьма много дѣла, такъ что я вынужденъ былъ употреблять большія усилія, чтобы выполнять надлежащимъ образомъ мои служебныя обязанности; но по истеченіи мѣсяца трудъ мой облегчился: я былъ занятъ 5 или 6 часовъ въ день и могъ посвятить остальное время на осмотръ достопримѣчательностей Парижа. При этомъ занимаемая мною должность доставляла мнѣ много весьма важныхъ преимуществъ: прекрасный барскій домъ для моего жилья, для канцеляріи и для пріема многочисленныхъ просителей, экипажъ отъ города, отличный столъ отъ знаменитаго Вери, ежедневно четыре билета во всѣ театры, двухъ чиновниковъ — весьма образованныхъ и услужливыхъ, прикомандированныхъ отъ Сенской и Полицейской префектуръ, свободный входъ не только въ общественныя зданія, но и въ частные дома для осмотра квартиръ, разнообразнѣйшія знакомства между знатью всѣхъ возможныхъ національностей. Все это могло почитаться большими удобствами, которыя, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, рѣдко доставались въ удѣлъ 19-ти лѣтнему юношѣ, еще не имѣвшему даже офицерскаго чина. За то Французы и считали меня весьма знатною особою, не умѣя иначе объяснить себѣ мое положеніе. Для извѣстнаго смотра Русскихъ войскъ при Вертю, въ Шампаньи, получилъ я порученіе приготовить тамошнюю мѣстность. Во время смотра я находился вмѣстѣ съ моими товарищами въ линіи, гдѣ долженъ былъ простоять 10 часовъ на равнинѣ при сильнѣйшемъ зноѣ. За тѣмъ, 30-го Августа, былъ я произведенъ въ прапорщики Генеральнаго Штаба (принадлежавшаго въ то время къ свитѣ Е. И. В.) по квартирмейстерской части. Изъ Шампаніи вернулись мы въ Парижъ, гдѣ я до нашего выступленія оставался въ прежней должности.

Не чувствую расположенія разсказывать вамъ о примѣчательностяхъ Парижа и о происходившихъ въ немъ событіяхъ, потому что уже было такъ много о томъ писано, и предметъ этотъ до того исчерпанъ, что̀ трудно сказать что либо, что̀ могло бы лучше охарактеризовать положеніе дѣлъ. Считаю только нужнымъ подтвердить съ своей стороны, что все то, что̀ было говорено о боготвореніи

императора Александра I, не преувеличено и что мы Русскіе также могли похвалиться сердечною привѣтливостью Французовъ. Что̀ касается до нравовъ, то по тому времени нельзя справедливо судить о нихъ: военное возбужденіе вызываетъ такія явленія, которыя не имѣютъ мѣста въ мирное время. Признакомъ испорченности были многочисленные игорные и распутные дома, пользовавшіеся покровительствомъ власти; а несмѣтное количество дерзкихъ дѣвокъ, которыя нахально являлись повсюду, показывало, что зло это не было произведеніемъ того времени, но укоренилось издавна. Въ Парижѣ непримѣтно было и слѣдовъ религіозной жизни, такъ что его можно было считать магометанскимъ или языческимъ городомъ. Меня хранило Провидѣніе; но многіе изъ моихъ товарищей уѣхали оттуда зараженные нравственно и физически.

Наконецъ мы оставили Парижъ и вернулись въ Россію черезъ Нанси, Мангеймъ, Франкфуртъ на Майнѣ, Дармштадтъ, Лейпцигъ и Познань. Мы совершали походъ верхомъ, были довольны, что приближаемся къ нашему отечеству, бодры и веселы, какъ бываютъ только въ молодости. По упраздненіи главной квартиры въ Парижѣ, я былъ опредѣленъ въ главную квартиру фельдмаршала князя Барклая-де-Толли, которой предназначалось находиться въ Могилевѣ на Днѣпрѣ. Уже по сю сторону Познани, выполнивъ возложенное на меня въ Вильнѣ порученіе, получилъ я отпускъ на островъ Эзель и на пути навѣстилъ мою сестру, мужъ которой, генералъ Гернгроссъ, командовалъ въ то время первою драгунскою дивизіею и стоялъ въ Новогрудкѣ (въ Гродненской губерніи)...:

Я прибылъ благополучно въ Могилевъ въ началѣ 1816 года. Два года, мною тамъ проведенные, принадлежатъ къ числу счастливѣйшихъ во всей моей служебной дѣятельности.

Персоналъ главной квартиры былъ отличный. Фельдмаршалъ Барклай-де-Толли и начальникъ его штаба, генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ, помимо столь извѣстныхъ воинскихъ дарованій, были люди самаго доброжелательнаго и благороднаго направленія. Генералъ-квартирмейстеръ арміи, генералъ-маіоръ Гартингъ, родомъ Голандецъ, 26 лѣтъ, былъ во всѣхъ отношеніяхъ одною изъ даровитѣйшихъ личностей, какія я когда либо зналъ. При основательныхъ познаніяхъ, говорилъ онъ свободно на 7 или 8 живыхъ языкахъ, которыхъ литература была живо имъ усвоена со всѣми разнообразными особенностями; въ военныхъ наукахъ онъ былъ признанный авторитетъ, а въ топографическихъ познаніяхъ границъ Россіи и прилегающихъ къ ней государствъ едва-ли могъ найти себѣ подобнаго. Онъ обладалъ замѣчательнымъ талантомъ къ рисованію, и при томъ обѣими руками. Къ тому же пріятная наружность, не выдающееся, но въ высшей степени привлекательное обращеніе, смѣсь кротости съ оживленіемъ, скромности съ достоинствомъ, внушающимъ уваженіе, придавали ему высокое значеніе въ обществѣ и вліяніе, котораго онъ съ своей стороны не только не искалъ, но скорѣе избѣгалъ. Какая-то меланхолія, замѣтная преимущественно въ минуты искренности, еще болѣе усиливала

обаяніе его личности. Я не заботился въ то время узнать объ его религіозныхъ убѣжденіяхъ; но мнѣ извѣстно, что Ѳома Кемпійскій принадлежалъ къ числу любимѣйшихъ его писателей, что онъ обладалъ истиннымъ сердечнымъ смиреніемъ, что вся его жизнь была дѣйствительно-христіанская, при чемъ незамѣтно было ни притворства, ни самоувѣренности. Сообразно со словами нашего Искупителя: „по плодамъ познаете вы ихъ“, я полагаю, что внутренняя жизнь его руководилась божественнымъ духомъ, потому что человѣкъ, по грѣховности своей природы, самъ собою не могъ-бы проявлять подобныхъ духовныхъ плодовъ. Одно его появленіе уже умѣряло порывы раздраженія въ генералѣ Дибичѣ, и всѣ его подчиненные съ любовью и довѣріемъ дорожили всякимъ его взглядомъ, такъ что малѣйшее къ нему нерасположеніе возбудило-бы противъ себя всеобщее негодованіе. Будущій Императоръ, въ то время еще великій князь Николай, которому онъ долженъ былъ показывать мѣста сраженій 1812 года, почувствовалъ къ нему искреннюю дружбу, выражавшуюся съ величайшею сердечностью и подкрѣпляемую непрерывною перепискою. По своемъ вступленіи на престолъ назначилъ онъ его генералъ-квартирмейстеромъ императорской главной квартиры; но когда Гартингъ вернулся въ Могилевъ, чтобы взять съ собою жену (рожденную графиню Ламздорфъ) и дѣтей, то захворалъ, вслѣдствіе испытанныхъ на пути трудностей и окончилъ жизнь, едва достигнувъ 35 лѣтъ. Его бренные останки сопровождало въ могилу духовенство всѣхъ вѣроисповѣданій, вся главная квартира, весь городъ и въ особенности всѣ бѣдные и неимущіе. Вліяніе этого человѣка на общество было въ высокой степени благодѣтельно...

Князь Барклай былъ изъ числа тѣхъ людей, которыхъ наружный видъ нисколько не изобличаетъ ихъ внутренняго существа. Холоденъ и сухъ въ обращеніи, молчаливъ и неловокъ на оффиціальныхъ представленіяхъ, онъ былъ однимъ изъ отличнѣйшихъ генераловъ своего времени въ цѣлой Европѣ. Одно уже его знаменитое, почти безпримѣрное отступленіе въ 1812 году упрочило за нимъ безсмертіе въ лѣтописяхъ военной исторіи. Множество письменныхъ замѣтокъ, сдѣланныхъ собственноручно въ книгахъ его библіотеки, изобличаютъ въ немъ его призваніе и геніальный взглядъ. Строгій въ своихъ нравственныхъ требованіяхъ по отношенію къ самому себѣ, онъ ввелъ строгую воинскую выправку въ арміи, въ которой, послѣ продолжительныхъ похода и пребыванія во Франціи, дисциплина сильно ослабла. По обыкновенію обвиняли его въ суровости и жестокосердіи, хотя онъ отнюдь не заслуживалъ этого упрека, напротивъ того всюду обнаруживалъ кротость, гдѣ только она не могла причинить вреда. Его преемникъ по должности показалъ, что̀ значитъ строгость, и я часто слышалъ искреннее раскаяніе въ тѣхъ обвиненіяхъ, которыя старались взводить на Барклая. Онъ неопровержимо доказалъ на дѣлѣ высокій патріотизмъ своей души, напоминавшій древній Римъ въ его лучшую эпоху, и я ссылаюсь въ этомъ случаѣ на его донесеніе Государю о двѣнадцатомъ годѣ, которое вѣроятно въ скоромъ времени бу-

детъ опубликовано *). Ненавидимый всею Россіею, оскорбленный и осмѣянный, никогда, ни однимъ словомъ неудовольствія или оправданія, не выразилъ онъ того что̀ у него было на душѣ, и когда его невинность и высокія заслуги были признаны, онъ одинъ никогда не говорилъ о нихъ, и въ его присутствіи избѣгали говорить о томъ. Одаренный желѣзнымъ характеромъ, онъ лишь въ единственномъ, но весьма важномъ отношеніи обнаруживалъ большую слабость: а именно жена его, впрочемъ очень почтенная дама, съ весьма похвальною наклонностью къ благотворенію, но легко трогающаяся при видѣ слезъ и моленій, часто недостойныхъ, могла побуждать его къ дѣйствіямъ, которыя онъ самъ признавалъ неосмотрительными и несправедливыми. Онъ говорилъ своимъ приближеннымъ: „Эта женщина долгое время выносила со мною великую бѣдность, когда еще не могло мнѣ и грезиться о фельдмаршалскомъ жезлѣ, и она была тогда весела и терпѣлива“. Княгиня по цѣлымъ днямъ изощрялась въ своемъ искусствѣ, наконецъ преодолѣвала въ этомъ случаѣ своего супруга и бывала очень довольна, что совершила доброе дѣло, тогда какъ тѣ, которые не умѣли плакать и жаловаться, оставались часто безъ малѣйшаго пособія. Князь имѣлъ единственнаго сына, который былъ женатъ на баронессѣ Кампенгаузенъ и нынѣ живетъ въ бездѣтномъ вдовствѣ; онъ хорошій человѣкъ, но не имѣетъ ни дарованій, ни энергіи отца.

Генералъ-адъютантъ, впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ графъ Дибичъ, начавшій свое блистательное поприще въ 1812 году, сталъ также быстро возвышаться съ 1815 года. Такъ какъ я имѣлъ счастіе находиться въ довольно-близкихъ къ нему отношеніяхъ и въ самой дружеской связи съ людьми, еще ближе къ нему стоявшими, то полагаю, что я точно и вѣрно усвоилъ себѣ настоящее понятіе объ его личности.

Его проницательный взглядъ умѣлъ обнимать въ высшей степени живымъ и быстрымъ умомъ все, что̀ ему представлялось; его любящая душа охватывала съ теплымъ, почти пламеннымъ чувствомъ всякій предметъ, который онъ считалъ того достойнымъ. Религіозный по чувству, но безъ глубокой основы, онъ получилъ замѣчательное образованіе и посвятилъ себя съ полнѣйшею любовью военной наукѣ и всѣмъ вспомогательнымъ познаніямъ по этой части. Такого рода дарованіямъ обыкновенно недостаетъ глубины, но я не берусь рѣшить, страдалъ-ли Дибичъ подобнымъ недостаткомъ; во всякомъ случаѣ онъ до того увлекался своимъ быстрымъ взглядомъ, что принималъ его часто за основаніе въ своихъ сужденіяхъ. Вспыльчивый до самозабвенія, онъ скоро утихалъ и былъ всегда готовъ сознать все имъ совершенное и, если возможно, исправить. Его благородной душѣ были чужды наушничество, мстительность, даже злопамятство. Неловкій по наружному виду, онъ не любилъ многолюдныхъ собраній, особенно дамскихъ, но былъ весьма оживленъ и веселъ въ небольшомъ кругу,

*) Это донесеніе напечатано въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи и Древностей, 1858 г., кн. 4-я. *П. Б.*

гдѣ разговоръ касался научныхъ, въ особенности военныхъ вопросовъ. Его считали ревнивцемъ и пьяницею. Въ первомъ отношеніи слѣдуетъ замѣтить, что, женатый на баронессѣ Торнау, онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ ввести эту молодую женщину въ неизящный кругъ Могилевскихъ дамъ; а самъ поистинѣ былъ такъ занятъ, что не былъ въ состояніи, безъ особаго отягощенія, выносить свѣтскую болтовню мужскаго общества. Что-же касается до пьянства, то это правда, что по вечерамъ онъ выпивалъ по два большихъ стакана крѣпкаго пуншу, за обѣдомъ рюмку водки и нѣсколько стакановъ вина, но я видалъ его во всякое время дня, и мнѣ не приходилось никогда замѣчать въ немъ ни малѣйшаго возбужденнаго состоянія, и ни о чемъ подобномъ я никогда не слыхалъ отъ его приближенныхъ. Его послѣдній эпизодъ на военномъ поприщѣ былъ печаленъ. Чтобы подавить быстрѣе Польское возстаніе, было предположено предпринять зимній походъ, во избѣжаніе препятствій со стороны рѣкъ и болотъ; но зима была до того теплая, что рѣки всѣ вскрылись, и болота оказались непроходимыми; а между тѣмъ всѣ распоряженія шли къ быстрому окончанію похода, и потому армія была поставлена въ величайшее затрудненіе. Живыя и пламенныя натуры живѣе воспринимаютъ внѣшнія впечатлѣнія: въ это-же самое время Дибичъ получилъ извѣстіе о смерти своей жены, и его взволнованный духъ, усматривая какую-то воображаемую связь между тѣмъ и другимъ, принялъ ея кончину за указаніе, что отъ него отступился ангелъ-хранитель, виновникъ всякаго счастія и удачи его земной жизни. Съ тѣхъ поръ сохранилась въ немъ лишь смутная тѣнь прежняго, столь пламеннаго человѣка. Душа его охолодѣла, хотя пламя ея еще вспыхивало. Онъ просилъ объ увольненіи, но Государь затруднялся исполнить его желаніе. Наконецъ при Пултускѣ полная подвигами жизнь его была быстро пресѣчена жестокимъ припадкомъ холеры. За день до этого онъ еще былъ у насъ въ Пултускѣ, гдѣ находился штабъ авангарда арміи, при которомъ я занималъ должность начальника штаба. Онъ обѣдалъ у графа Витте, у котораго я всегда имѣлъ готовый приборъ; послѣ обѣда пришлось мнѣ доложить ему нѣсколько только что полученныхъ депешъ; изъ нихъ нѣкоторыя даже возбудили въ немъ сильный смѣхъ; онъ пробылъ довольно долго и покинулъ насъ около 7 или 8 часовъ вечера, совершенно бодрый и веселый. Генералъ Бергъ проводилъ его до главной квартиры и оставилъ вполнѣ здоровымъ;—а на другой день получили мы извѣстіе о его смерти: въ 5 или 6 часовъ времени борьба была кончена. Онъ не оставилъ послѣ себя потомства, и родъ его прекратился; но еще велико число тѣхъ людей, которые всегда будутъ вспоминать о немъ съ благодарнымъ чувствомъ. Распространившіеся въ то время слухи объ его отравленіи лишены всякаго основанія и возникли гораздо позднѣе.

Упомяну здѣсь еще о тогдашнемъ адъютантѣ генерала Дибича, нынѣшнемъ намѣстникѣ въ Польшѣ, князѣ Горчаковѣ. Дибичъ цѣнилъ его, какъ высоко одареннаго молодаго человѣка, обладающаго отличнѣйшими военными познаніями. Онъ быстро обнималъ пред-

метъ, но часто бывалъ нерѣшителенъ и разсѣянъ; по этому товарищи относились къ нему невсегда благопріятно, хотя нельзя было отрицать великихъ его способностей. Въ обращеніи былъ онъ неодинаковъ, часто высокомѣренъ, часто слишкомъ обходителенъ и довѣрчивъ, вообще неровенъ. Трудно сказать, въ чемъ именно заключались его недостатки. Такимъ, какъ слышно, остался онъ и до сихъ поръ; но благорасположеніе къ людямъ въ немъ усилилось, чѣмъ и пріобрѣлъ онъ къ себѣ любовь въ своемъ намѣстничествѣ.

Въ 1817 году послѣдовало высочайшее повелѣніе откомандировать полковника Паренсова и меня въ распоряженіе графа Аракчеева по военнымъ поселеніямъ, и поэтому, послѣ весьма лестныхъ прощальныхъ отзывовъ со стороны Барклая и Дибича, я былъ отправленъ въ Москву, гдѣ въ то время находился Дворъ, а при немъ и графъ Аракчеевъ, котораго я для краткости просто буду называть графомъ.

Принятый этимъ въ то время всесильнымъ человѣкомъ съ величайшею любезностью, получилъ я отъ него позволеніе повеселиться въ Москвѣ, и точно въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, мною тамъ проведенныхъ, меня почти ничѣмъ не занимали. Мы вмѣстѣ съ Паренсовымъ наняли квартиру и сани съ парою лошадей, пока продлится наше Московское пребываніе. Въ прежнее доброе время было нетрудно познакомиться въ Москвѣ съ древними дворянскими семействами. Гостепріимство было широкое, и черезъ нѣсколько дней мы получили столько приглашеній на обѣды и вечера, или постоянно, или въ назначенные дни, что, при полнѣйшей готовности, невозможно было всѣми воспользоваться. Не имѣя служебныхъ занятій и не считая возможнымъ, при неопредѣленности срока нашего пребыванія, приступить къ какому нибудь частному труду, мы предались упоенію общественнаго праздношатанія и развѣ только посвящали утро осмотру достопримѣчательностей столицы, а дóма занимались легкимъ чтеніемъ.

При всей внѣшней широтѣ своей, жизнь въ Москвѣ не была привлекательна: обѣденный столъ, обремененный множествомъ кушаній, послѣ него карточная игра; вечеромъ опять карты, иногда танцы, когда случайно соберется нѣсколько молодежи обоего пола; на балахъ много роскоши и чинности; тонъ аристократическаго высокомѣрія, злорѣчивые толки, непризванныя сужденія обо всемъ на свѣтѣ, безъ всякихъ опредѣленныхъ понятій, чопорныя, и въ тоже время рѣзкія на языкъ барышни; въ добавокъ ко всѣмъ этимъ пріятностямъ множество старыхъ княженъ, не оставлявшихъ безъ рѣшительнаго приговора ни одного добраго имени, говорившихъ за картами грубости своимъ партенёрамъ и вообще всячески отмщавшихъ на ближнемъ невольное свое добродѣтельное воздержаніе отъ проклятой брачной жизни. Онѣ съ отмѣннымъ искусствомъ и съ крайнимъ немилосердіемъ добивались подробностей о вашемъ происхожденіи и о вашемъ семействѣ. Добрые нравы господствовали, и не было слышно о разводахъ, или разъѣздахъ; два рѣдкіе случая въ этомъ родѣ неумолимо осуждены общественнымъ мнѣніемъ, и обвиненнымъ отказано во

всѣхъ домахъ. — Можно было конечно ходить пѣшкомъ, и придти въ знакомый домъ, но тогда въ передней прислуга не подымалась съ мѣста, и вы сами должны снимать съ себя верхнее платье. Мужщина еще могъ ѣздить въ открытомъ экипажѣ въ двѣ лошади, но даму непремѣнно должна была везти четверня. Одна богатая и знатная дама, госпожа Шереметева, утратила всякое къ себѣ уваженіе за то, что ѣздила въ дрожкахъ, обрѣзала себѣ волосы и одѣвалась просто [1]).

Въ Москвѣ я нашелъ моего прежняго учителя, полковника Александра Николаевича Муравьева, состоявшаго начальникомъ штаба при находившемся тамъ гвардейскомъ отрядѣ. Онъ былъ арестованъ лично Государемъ за какой-то промахъ по фронту, и я засталъ его въ чрезвычайно-раздраженномъ состояніи духа. Почти каждый день проводилъ я у него нѣсколько часовъ, и повидимому мое присутствіе его успокоивало; наконецъ онъ предложилъ мнѣ ввести меня въ самую знатную изъ Московскихъ масонскихъ ложъ, и я не рѣшился отказаться отъ его любезнаго предложенія, хотя никогда не былъ расположенъ къ этимъ тайнымъ обществамъ съ неопредѣленными цѣлями. Быть можетъ, мною руководило безсознательное любопытство; какъ-бы то ни было, но я выразилъ свое согласіе, и день моего вступленія былъ уже назначенъ, когда мой неожиданный отъѣздъ въ Новгородъ насильственно воспрепятствовалъ выполненію этого намѣренія. Впослѣдствіи я горячо благодарилъ Бога за эту милость, такъ какъ мое участіе въ этомъ обществѣ могло бы причинить мнѣ множество затрудненій. И самъ Муравьевъ, весьма дѣятельный членъ Союза Благоденствія, отступился рѣшительно отъ этого союза при его дальнѣйшемъ развитіи, когда рѣчь зашла о крови и возстаніи; но такъ какъ онъ, связанный своимъ обязательствомъ, не донесъ о томъ, то и былъ сосланъ въ Сибирь, съ сохраненіемъ чина и дворянства. Затѣмъ былъ онъ губернаторомъ въ Архангельскѣ и состоитъ нынѣ генералъ-маіоромъ при главномъ штабѣ. Онъ старшій братъ бывшаго главнаго командира Закавказья (другой братъ—министръ государственныхъ имуществъ). Онъ весьма кроткій и образованный человѣкъ, съ строго-религіозными правилами и піэтистическимъ направленіемъ [2]).

Однажды утромъ мы оба съ Паренсовымъ были позваны къ графу и получили приказаніе, не позднѣе слѣдующаго дня, отправиться въ Новгородъ, куда онъ долженъ былъ на другой день послѣдовать за нами. Такимъ образомъ мы оставили Москву съ бодрымъ духомъ и довольные тѣмъ, что, благодаря поспѣшному отъѣзду, были избавлены отъ скучныхъ прощальныхъ визитовъ.

Приблизительно около половины Февраля (1818) прибыли мы въ Новгородъ, гдѣ къ намъ въ помощь прикомандировали нѣсколько офицеровъ изъ поселеній, и мы приступили къ составленію плановъ военныхъ поселеній Новгородской губерніи по тѣмъ неудовлетворительнымъ, отрывочнымъ матеріаламъ, которые находились у насъ

[1]) Вѣроятно Надежда Николаевна Шереметева тетка Ѳ. И. Тютчева. *П. Б.*

[2]) Т. е. А-ъ Н. Муравьевъ. *П. Б.*

подъ рукою. Въ тоже время мы дѣлали визиты почетнымъ лицамъ города и были особенно радушно и дружественно приняты въ домѣ губернатора, Николая Назаровича Муравьева, гдѣ я впослѣдствіи нѣсколько разъ въ недѣлю обѣдалъ и проводилъ вечера. Этотъ человѣкъ, старый морякъ, показался мнѣ въ то время весьма пріятнымъ; онъ много читалъ и повидимому владѣлъ большимъ запасомъ здраваго разсудка; но дальнѣйшая судьба его тому противорѣчитъ, такъ какъ честолюбіе, чванство и чувственность довели его до безразсудныхъ поступковъ, казавшихся непонятными для тѣхъ, кто зналъ его прежде. Г-жа Муравьева была достойная женщина, весьма образованная, съ направленіемъ религіознымъ; она рано скончалась, и весьма вѣроятно, что она своимъ вліяніемъ спасала мужа отъ многихъ ошибокъ.

Въ Новгородѣ мое служебное положеніе выбилось изъ колеи. Полковникъ Паренсовъ, по чину и возрасту, долженъ былъ быть моимъ прямымъ начальникомъ, но, не смотря на мои настоянія, рѣшительно уклонился отъ этого. Внѣ службы такое уравненіе было бы пріятно для обѣихъ сторонъ, но въ службѣ оно могло быть только вреднымъ, и было таковымъ, потому что къ намъ почти ежедневно поступали молодые люди, съ которыми Паренсову не хотѣлось имѣть начальническія отношенія, такъ что эта обязанность, противъ моей воли, перешла ко мнѣ.—Съ Паренсовымъ я довольно долго былъ близокъ. Подобнаго оригинала рѣдко можно встрѣтить, и я долженъ изобразить его вамъ съ возможною вѣрностью. Онъ сынъ Русскаго сельскаго священника, человѣка (какъ самъ Паренсовъ не обинуясь говорилъ) вполнѣ грубаго. Отецъ и мать были невоздержны въ винѣ. Они еще тогда были въ живыхъ. Сестры и братья выросли безъ всякаго воспитанія; первыя вышли замужъ за крестьянъ. Князь Горчаковъ, усмотрѣвъ въ молодомъ Паренсовѣ отличныя дарованія, взялъ его къ себѣ въ домъ для воспитанія вмѣстѣ съ его сыновьями, изъ которыхъ одинъ теперь намѣстникомъ въ Польшѣ. Мальчики были много моложе, но ушли въ познаніяхъ дальше и были гораздо развитѣе Паренсова, ради котораго нельзя было начинать ученье съизнова. Такимъ образомъ Паренсову пришлось начинать сверху и самому усвоивать себѣ первоначальныя основанія наукъ. При слабо-развитой мыслительной силѣ это было для него очень трудно и, благодаря желѣзному прилежанію, онъ достигалъ кое-чего внѣшняго, но ключа къ наукѣ не было у него въ рукахъ: онъ могъ усвоивать памятью отдѣльныя истины, будучи не въ состояніи умственно переработывать ихъ. Такимъ образомъ учился онъ много, и очень много; но основанія всетаки не было, и отъ того въ головѣ его образовалась совершенная путаница, которая впослѣдствіи становилась еще непроходимѣе отъ напряженнаго и неправильнаго чтенія. Это была замѣчательная личность, понимавшая все не такъ, какъ другіе. Чѣмъ проще идея, тѣмъ труднѣе было ему одолѣть ее, потому что онъ съ возбужденнымъ напряженіемъ старался провѣдать скрытое значеніе ея. Иногда говорилъ онъ и писалъ очень хорошо, но часто у него ничего нельзя было понять, при всей граматической правильности предложеній. Князь Михайла Гор-

чаковъ весьма вѣрно называлъ его une bibliothèque renversée [1])....
Наивное добродушіе его заставляло многихъ любить и уважать его. Маленькаго роста, почти карликъ, цѣлою головою ниже меня [2]), необыкновенно широкоплечій, съ большою, неуклюжею головою и непривлекательными манерами, онъ воображалъ, что молодыя дѣвушки должны въ него влюбляться, и по своей строгой добросовѣстности переставалъ ходить во многіе дома, гдѣ были дочери-невѣсты. Дѣти часто почитали его себѣ ровесникомъ; онъ былъ радъ тому и могъ цѣлые часы играть съ дѣтьми и разсказывать, за что ему подарили хорошія вещи, именно его ордена. Онъ имѣлъ славу храбраго офицера и былъ чрезвычайно усерденъ въ службѣ. Будучи отмѣнно-крѣпкаго сложенія, онъ однако прибѣгалъ ко всевозможнымъ врачебнымъ средствамъ и едва не разстроилъ своего здоровья. Впослѣдствіи, если не ошибаюсь, лѣтъ 60-ти отъ роду, онъ женился на Б., сестрѣ извѣстнаго архимандрита, и имѣлъ отъ нея дочь и сына.

О самомъ Новгородѣ много говорить не приходится; слѣды древняго знаменитаго Ганзейскаго города сохранились только въ монастыряхъ, отстоящихъ отъ города въ верстъ 10 или 15 и принадлежавшихъ прежде къ его владѣніямъ. Общество состоитъ исключительно изъ чиновниковъ; купечество мало образовано и не останавливаетъ на себѣ вниманія; губернское дворянство, благодаря сосѣдству Петербурга, предпочитаетъ проживать тамъ, если только имѣетъ на то средства, не находя въ губернскомъ городѣ ничего заманчиваго для жизни.

Помнится, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ получили мы оба отъ графа приглашеніе прибыть въ его великолѣпное имѣніе—Грузино. Пріѣхавъ туда вечеромъ, мы были тотчасъ отведены полицеймейстеромъ въ назначенные для насъ нумера, которыхъ въ особыхъ флигеляхъ находилось нѣсколько десятковъ, весьма удобно устроенныхъ. Намъ подали и чаю, но съ такимъ скудно-опредѣленнымъ количествомъ бѣлаго хлѣба, что мы никакъ не могли имъ насытиться и просили добавленія; слуга вернулся черезъ нѣсколько времени съ извиненіемъ, что онъ не могъ нигдѣ отыскать графа, и мы тогда узнали, что поданная намъ порція хлѣба опредѣляется имъ самимъ для каждаго гостя и не можетъ быть увеличена безъ его соизволенія. Вскорѣ послѣ того мы получили извѣщеніе явиться на другой день ко второму завтраку, послѣ котораго графъ намѣренъ съ нами заняться. Такимъ образомъ мы оказались свободными все утро до 12 час. и осмотрѣли это великолѣпное жилище, во многихъ отношеніяхъ едва-ли имѣющее себѣ подобное по чисто-царской роскоши въ отдѣлкѣ. Двухъ-этажное, каменное зданіе скорѣе слишкомъ мало для своего назначенія, но выстроено и отдѣлано съ роскошнымъ комфортомъ; вы могли тамъ найти совершенно просто-разставленными драгоцѣннѣйшіе предметы изъ Парижа, Лондона и Италіи, великолѣпнѣйшія картины и образцовыя произведенія знаменитѣйшихъ ваятелей — бо́льшею частью подарки Государя и царской фамиліи,

[1]) Разбросанная библіотека.

[2]) Е. Ѳ. Фонъ-Брадке былъ очень малаго роста. *П. Б.*

желавшей тѣмъ польстить привязанности графа къ своему Грузину. Противъ дома, на разстояніи 150 саж. отъ него, стоитъ прекрасный соборъ, украшенный богатѣйшимъ образомъ; это единственная соборная церковь въ частномъ имѣніи. Между этими двумя зданіями выстроенные для гостей домики составляли красивую улицу. Паркъ величественъ, и прекрасная рѣка Волховъ, на берегу которой онъ расположенъ, еще умножаетъ его прелесть. Все это украшается множествомъ хозяйственныхъ построекъ, въ томъ же стилѣ сооруженныхъ, кладовыми, руинами и бесѣдками. Цѣлая флотилія, бо́льшею частью Государемъ подаренная, во главѣ которой находилась построенная для Государя въ Англіи яхта, которая была отдѣлана поцарски, вооружена матросами, подъ командою флотскаго офицера—все это вмѣстѣ взятое придавало этому мѣсту видъ царской лѣтней резиденціи. Изъ парка можно было обозрѣть почти все имѣніе, состоявшее слишкомъ изъ 3000 душъ. Прекрасныя деревни, множество домовъ съ зеркальными стеклами, соединенные между собою шоссейными дорогами, представляли весьма живописную, общую картину.

Къ имѣнію принадлежитъ огромное пространство земли. На Волховѣ имѣются луга, съ которыхъ, кромѣ сѣна, употребляемаго во множествѣ на хозяйство, поступаетъ въ продажу до 20 тыс. пудовъ; такимъ-же образомъ и лѣсъ, разбитый на участки, даетъ ежегодно отъ 8 до 10,000 руб. дохода. Казенныя повинности крестьянъ обезпечены особымъ капиталомъ, процентами съ котораго онѣ покрываются; равнымъ образомъ помѣщены въ Банкѣ особые капиталы: для ссуды крестьянамъ, для ремонта строеній, словомъ для всѣхъ правильно-наступающихъ расходовъ по имѣнію. И при всѣхъ этихъ нескончаемыхъ выгодахъ сельское населеніе чувствовало себя очень несчастнымъ: деспотическій характеръ графа ставилъ крестьянина въ положеніе, которое не согласовалось съ его бытомъ. Вообще все внутреннее и внѣшнее управленіе сопровождалось неумолимою строгостью и обременительною любовью къ порядку. Обѣденный столъ графа былъ весьма хорошъ, но порціи не должны были превышать извѣстной мѣры; такъ напримѣръ, куски жаренаго или котлеты были опредѣлены по числу гостей, и горе тому, кто возьметъ двѣ котлеты: онъ могъ расчитывать на долгое преслѣдованіе со стороны графа. Малѣйшая пылинка на стѣнѣ, едва примѣтная для микроскопическаго наблюденія, имѣла послѣдствіемъ для слуги палочные удары и арестъ для чиновника.

Мнѣ хотѣлось предпослать это описаніе Грузина и его управленія, чтобы сразу дать живое понятіе о человѣкѣ, который игралъ столь важную роль въ судьбахъ Россіи.

Въ 12 часовъ явились мы въ главное зданіе; насъ провели немедленно въ столовую, гдѣ мы были приняты графомъ не какъ подчиненные, а какъ дорогіе гости знатнаго помѣщика. Послѣ завтрака и небольшой прогулки въ паркѣ, гдѣ онъ весьма благосклонно показывалъ намъ все достопримѣчательное и водилъ насъ даже въ молочную, весьма красиво устроенную,—прошли мы въ его кабинетъ,

гдѣ онъ принялъ тотчасъ офиціальный, хотя и дружественный тонъ. Здѣсь мы были ознакомлены съ ожидавшимъ насъ назначеніемъ: намъ предстояло опредѣлять линіи построекъ, приготовлять поля, луга и пастьбища для новыхъ поселенцевъ, для чего предоставлялось въ наше распоряженіе извѣстное число баталіоновъ; затѣмъ мы должны были наблюдать за окончательною обработкою полей, покуда они не достигнутъ вполнѣ удовлетворительнаго состоянія. Когда-же мы, каждый по своему, заявили, что мы не имѣли ни малѣйшаго понятія о сельскомъ хозяйствѣ, что осушеніе болотъ и оплодотвореніе земли не входило ни на практикѣ, ни по теоріи въ составъ нашихъ занятій, то суровое выраженіе отразилось на лицѣ графа, и онъ сказалъ намъ, что онъ не привыкъ выслушивать подобныя неосновательныя отговорки, что всякій служащій обязанъ выполнять возлагаемыя на него обязанности, что онъ не желаетъ слышать ни о какихъ затрудненіяхъ и что мы должны готовиться къ этому труду, безъ всякихъ возраженій, несовмѣстимыхъ съ служебными обязанностями.

Три дня насъ привѣтливо угощали въ Грузинѣ; совершались прогулки сухимъ путемъ и водою на прелестной яхтѣ и на роскошноубранномъ яликѣ, при чемъ насъ сопровождала музыка; часа по два ежедневно излагалъ онъ намъ свои планы и предположенія, и мы однако вновь утверждали, что при всемъ нашемъ желаніи мы, по незнанію, ничего не съумѣемъ сдѣлать путнаго. Наконецъ онъ весьма милостиво отпустилъ насъ съ заявленіемъ, что имъ уже даны нужныя приказанія для выполненія нашихъ требованій. И такъ мы покинули Грузино, чтобы поближе присмотрѣться къ дѣлу на мѣстѣ и затѣмъ внимательно взвѣсить всѣ эти обстоятельства, по отношенію къ намъ лично.

Переѣхавъ въ поселенія, старались мы собрать всѣ возможныя свѣдѣнія, относящіяся до ихъ учрежденія и до руководящихъ или основныхъ положеній,—и результатомъ нашихъ изысканій были слѣдующія данныя, которыя я, во избѣжаніе повтореній, здѣсь излагаю въ томъ видѣ, какъ они мною были усвоены лишь послѣ 10-ти лѣтней опытности.

Императора Александра I-го весьма часто и болѣзненно смущала мысль, что солдатъ, выступая на защиту отечества, лишенъ даже утѣшенія предоставить своей женѣ и дѣтямъ особый кровъ, гдѣ онъ могъ-бы съ увѣренностью найти ихъ по окончаніи службы. Многіе планы возникали въ умахъ его приближенныхъ, чтобы пособить этой нуждѣ, но они всѣ оказывались неудобоисполнимыми, тѣмъ болѣе, что потребныя къ тому денежныя суммы во многомъ превышали дѣйствительныя средства государственной казны. Наконецъ остановились на той мысли, что слѣдовало воспользоваться находящимися въ Новгородской губерніи обширными помѣстьями казеннаго вѣдомства, для доставленія нѣсколькимъ полкамъ постоянныхъ квартиръ, гдѣ-бы они могли въ мирное время заниматься хлѣбопашествомъ и ремеслами, пользуясь полнымъ благосостояніемъ, при чемъ и военныя упражненія продолжались-бы

своимъ чередомъ, такъ что ихъ участіе въ войнѣ также отъ этого не пострадало-бы, но напротивъ того защита собственнаго очага еще могла усилить ихъ мужество. Этотъ проэктъ удостоился полнѣйшаго одобренія Государя: его доброжелательной душѣ рисовались въ будущемъ идилліи Геснера, садики и овечки. Но графъ Аракчеевъ сначала былъ рѣшительно противъ этого и былъ вынужденъ изъявить свое невольное согласіе лишь изъ опасенія, что тотъ, кто приметъ на себя выполненіе этой любимой мечты, можетъ сдѣлаться его опаснымъ соперникомъ.

Такимъ образомъ графу было поручено въ началѣ поселить 1-ю гренадерскую дивизію, состоявшую изъ 6 полковъ (въ количествѣ 18-т. человѣкъ) на берегу Волхова или въ другой мѣстности, на государственныхъ земляхъ Новгородской губерніи. Когда для того было опредѣлено примѣрно 1200 кв. верстъ съ принадлежащимъ къ нимъ населеніемъ, то все это было передано графу въ его управленіе, и постановлены слѣдующія правила: всѣ домохозяева крестьянскихъ дворовъ и всѣ въ хозяева годные были утверждены въ званіи хозяевъ, но въ тоже время зачислены солдатами въ поселенные полковые баталіоны; всѣ остальные совершеннолѣтніе крестьяне поступали солдатами въ дѣйствующіе баталіоны и служили къ ихъ укомплектованію. Изъ несовершеннолѣтнихъ крестьянскихъ дѣтей были образованы баталіоны кантонистовъ, изъ которыхъ достигшіе законнаго возраста также вступали въ ряды дѣйствующихъ баталіоновъ, если только они, въ качествѣ наслѣдниковъ хозяевъ, не должны были принимать на себя хозяйства. Каждая рота состояла изъ 228 хозяевъ, а образованный изъ 4 ротъ поселенный баталіонъ изъ 1012 домохозяевъ. Это количество, при недостаткѣ наличныхъ домохозяевъ, было пополняемо изъ соотвѣтствующихъ полковъ, при чемъ выбирались люди надежные и преимущественно такіе, которые обладали нѣкоторыми познаніями и опытностью въ земледѣліи.

Предполагалось поселить роты въ цѣломъ ихъ составѣ изъ 228 домохозяевъ въ одномъ мѣстѣ, полковые штабы устроить среди самыхъ полковъ, соединивъ ихъ шоссейными дорогами. Каждому домохозяину имѣлось въ виду предоставить нѣсколько сотъ кв. сажень огородной земли, 4½ десятины пашни, раздѣленной на 3 поля, необходимое количество луговъ и пастбище. У каждаго поселеннаго хозяина должны были квартировать два солдата, по одному изъ каждаго дѣйствующаго баталіона; онъ обязанъ былъ содержать ихъ, а они въ свободные часы помогать ему по его хозяйству. Потребное количество скота и земледѣческихъ орудій слѣдовало правительству разъ навсегда припасти для каждаго домохозяина. Это учрежденіе должно было начаться съ полка графа Аракчеева, поселеннаго вдоль Волхова по близости отъ Грузина, на разстояніи 30—40 верстъ отъ него.

И такъ мы заняли наши первыя квартиры при этомъ полку и начали поближе присматриваться къ дѣлу. Въ числѣ предлежавшихъ намъ задачъ, самою подходящею къ кругу дѣйствій офицеровъ ге-

неральнаго штаба была съемка мѣстности для опредѣленія полковыхъ штабовъ и ротъ, дорогъ, полей, луговъ и пастбищъ; а потому мы начали съ обученія прикомандированныхъ къ намъ офицеровъ практическимъ пріемамъ съемки, и дѣло пошло такъ хорошо, что за тѣмъ многіе изъ этихъ плановъ удостоились высочайшаго утвержденія. Но вскорѣ мы получили извѣщеніе, что будетъ присланъ баталіонъ для разчистки и осушенія болотъ, и мы стали готовиться къ тому, чтобы 250 рабочихъ силъ могли быть употребляемы ежедневно съ пользою. Тутъ дѣло шло плохо, такъ какъ о подобныхъ работахъ мы положительно не имѣли никакого понятія. Правда, что были выписаны и прочитаны книги, но много ли это могло намъ пособить, а потому и стали мы искать изустнаго наставленія. Множество офицеровъ было здѣсь собрано для выполненія всѣхъ предстоявшихъ столь различныхъ задачъ; но при ближайшемъ знакомствѣ мы убѣдились, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ офицеровъ путей сообщенія, никто не занимался никогда тѣмъ, что̀ ему было поручено и къ тому не готовился: это былъ настоящій хаосъ. Не требовалось особенной проницательности, чтобы съ достовѣрностью предположить, что первый годъ нашихъ трудовъ не будетъ блестящимъ. Такъ какъ отъ этихъ господъ многому нельзя было научиться, то мы розыскали разумныхъ крестьянъ, поступили къ нимъ въ ученіе, кое-что изучили и затѣмъ развили съ помощью чтенія и размышленій. Тѣмъ временемъ прибылъ баталіонъ, и наши ловкіе солдаты вскорѣ сами на столько приспособились къ дѣлу, что намъ оставалось только указывать имъ на нѣкоторыя облегченія, принимать мѣры къ устраненію несчастій и ближайшимъ образомъ опредѣлять ежедневное количество работы.

Относительно болотъ и самая мудрость нашихъ солдатъ простиралась недалеко, но къ счастью въ этомъ полку болота были менѣе значительны, и наши первыя работы такъ хорошо намъ удались, что нѣкоторыя болотистыя мѣстности, имѣющія около квадратной версты въ округѣ, по истеченіи двухъ лѣтъ, могли быть употребляемы для посѣва овса. Въ началѣ еще не могло быть и рѣчи о раздѣленіи полей и раздачѣ земель домохозяевамъ, такъ какъ прежде всего слѣдовало обратить землю въ пахатную; а потому и пользовались мы досугомъ для пріобрѣтенія нѣкоторыхъ свѣдѣній по этимъ предметамъ. Графъ неоднократно навѣщалъ насъ, выражалъ свое удовольствіе и преподалъ намъ наставленіе, что съ доброю волею можно всего достигнуть, и по тому всякое колебаніе въ предпріятіи чего либо изобличаетъ дурное намѣреніе; наше возраженіе, что мы все таки навѣрное надѣлали множество ошибокъ, которыхъ человѣкъ свѣдущій легко-бы избѣгнулъ, онъ не захотѣлъ признать справедливымъ....

Только этотъ годъ служили мы вмѣстѣ съ Паренсовымъ. Позднѣе у насъ были разныя обязанности, а лѣтомъ я находился въ непосредственномъ сношеніи съ графомъ, который сталъ явно недовѣрять Паренсову по причинѣ его увлеченій, Между тѣмъ работы станови-

лись все значительнѣе и простирались на всѣ поселенные полки. Въ нѣкоторые годы число баталіоновъ доходило до 20 и 30, такъ что я могъ ежедневно употреблять на работы до 5 и даже до 7 тысячъ человѣкъ. Офицеровъ у меня тоже бывало человѣкъ по 30 и болѣе: я имѣлъ право выбирать ихъ, по мѣрѣ надобности, изо всѣхъ войскъ военныхъ поселеній. Съ Апрѣля по Октябрь мы проводили въ поселеніяхъ, а на зиму собирались въ Петербургъ....

Что́ же касается до моего личнаго положенія въ военныхъ поселеніяхъ и по отношенію къ графу Аракчееву, то оно обрисовалось довольно оригинальнымъ образомъ. Я поступилъ подъ начальство графа подпоручикомъ, 20-ти лѣтъ отъ роду. Избалованный своими прежними начальниками, съ преувеличенными понятіями о чести и съ твердо-установившимся сознаніемъ своего достоинства, я, собственно говоря, не былъ подготовленъ къ службѣ при человѣкѣ, который въ своемъ умственномъ высокомѣріи едва-ли считалъ своихъ подчиненныхъ людьми и часто обращался съ ними „en canaille.“ Такъ какъ многіе другіе молодые люди, раздѣлявшіе мои чувства, были прикомандированы къ поселеніямъ, какъ напримѣръ извѣстный скрипачъ Львовъ, состоявшій въ то время поручикомъ путей сообщеній,—то мы въ началѣ постоянно прощались другъ съ другомъ на долгое время всякій разъ что́ графъ требовалъ насъ къ себѣ, твердо рѣшившись не выносить никакихъ грубостей; а естественнымъ послѣдствіемъ подобнаго образа дѣйствій несомнѣнно было-бы заточеніе въ Шлюссельбургскіе казематы. Но эти опасенія продолжались недолго: наше строго-выработанное, полнѣйшее подчиненіе, при твердомъ обращеніи, произвело на графа благопріятное впечатлѣніе, а строгое выполненіе возложенныхъ на насъ обязанностей, безъ всякаго вниманія къ личнымъ затрудненіямъ, нравилось ему, и хотя онъ называлъ насъ своими „Carbonari“, но обращался съ нами учтиво и привѣтливо, такъ что мы, молодые и незначительные офицеры, находились въ исключительномъ положеніи, по сравненію съ важнѣйшими чинами его окружавшими. Когда онъ желалъ досадить намъ или выразить свое неудовольствіе, онъ обращался къ намъ въ третьемъ лицѣ: „въ наше время молодые люди дѣлаютъ“ то и то; имѣютъ „тѣ или другіе взгляды и т. д.“, при чемъ мы, по зрѣломъ обсужденіи, рѣшились на эти косвенныя нападки не возражать и не выказывать досады, что́ было весьма трудно выполнить, потому что онъ мастерски умѣлъ отыскивать и затрогивать чувствительнѣйшія струны человѣческаго сердца. Въ позднѣйшіе годы случилось однажды, что, послѣ долгаго подавленія въ себѣ досады, я наконецъ не выдержалъ, просилъ его уволить меня по разстроенному здоровью и, выходя изъ его кабинета, захлопнулъ за собою дверь съ такою силою, что оконныя рамы задрожали. Вернувшись домой и придя въ себя, я сталъ ожидать фельдъ-егеря и отправленія въ Шлиссельбургъ; фельдъ-егерь дѣйствительно явился,—но для приглашенія меня на другой день къ обѣду, за которымъ графъ посадилъ меня подлѣ себя и обращался со мною какъ съ почетнѣйшимъ гостемъ. Объяснить этотъ кажущійся непонятнымъ поступокъ психологически довольно легко: графъ былъ взволнованъ, желалъ,

въ видѣ утѣшенія, и меня вывести изъ себя и когда это не удалось ему, то мое наружное хладнокровіе еще болѣе его раздражило; а затѣмъ, при возбужденномъ во мнѣ раздраженіи, онъ почувствовалъ себя весьма удовлетвореннымъ. Впослѣдствіи я имѣлъ много случаевъ убѣдиться въ справедливости моихъ выводовъ; въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ и въ настоящемъ, высокое государственное положеніе графа исключало всякое подозрѣніе о желаніи оскорбить его. Въ первые годы моей службы подъ его начальствомъ, однажды сказалъ я ему: „Ваше сіятельство даете мнѣ иныя порученія, противорѣчащія моимъ убѣжденіямъ. Позвольте мнѣ въ такихъ случаяхъ предъявлять вамъ мои соображенія, и за это я вамъ обѣщаюсь, когда приказаніе ваше будетъ безповоротно, исполнять его съ такимъ же искреннимъ усердіемъ, какъ если бы оно вполнѣ согласовалось съ моимъ мнѣніемъ, развѣ только вы прикажете (чего трудно ожидать) исполнить что нибудь вопреки моей совѣсти. Въ семъ послѣднемъ случаѣ я конечно выскажусь вамъ почтительнѣйше и стану спокойно ожидать моей участи“. Долго смотрѣлъ онъ на меня испытующимъ взглядомъ. Просьба моя очевидно была для него новостью, и онъ какъ будто не зналъ, что̀ сказать на нее; но черезъ нѣсколько минутъ послѣдовалъ спокойный и рѣшительный отвѣтъ: „хорошо“. Этимъ „хорошо“ я воспользовался при первомъ случаѣ; тогда въ разговорѣ нашемъ онъ началъ меня запутывать и забрасывать разными боковыми вопросами и замѣчаніями. На первыхъ порахъ мнѣ было чрезвычайно трудно защищаться противъ его сильной логики, великой изворотливости въ рѣчи и противъ несравненнаго преимущества направлять самому прѣніе, а не подчиняться ходу онаго. Впослѣдствіи я пріобрѣлъ нужную для того опытность и сталъ сдерживать свою горячность. Впрочемъ онъ никогда не соглашался прямо съ моимъ мнѣніемъ, но при окончательномъ исполненіи отдавалъ приказаніе, измѣненное на основаніи мною заявленныхъ доводовъ; и нерѣдко онъ дѣлалъ мнѣ же косвенный упрекъ, будто я не понялъ его какъ слѣдуетъ. Я разумѣется отмалчивался, довольный тѣмъ, что достигъ своей цѣли. Отлично зная людей и притомъ спеціально искусившись въ разслѣдованіи людскихъ страстей и дурныхъ склонностей, онъ пользовался этими познаніями съ отмѣнною ловкостью и лукавствомъ. Самолюбіе мое отлично имъ эксплуатировалось и доводилось до крайняго напряженія. Тогда я замѣтилъ, что очутился въ его власти, и лишь послѣ долгихъ усилій удалось мнѣ освободиться отъ этихъ оковъ. Одно время выражалъ онъ мнѣ желаніе ввести меня въ свой тѣсный домашній кругъ; но такъ какъ онъ жилъ въ разводѣ съ своею женою, и его домашній бытъ олицетворяла собою личность, бывшая его любовницею и теперь еще находившаяся въ двусмысленныхъ къ нему отношеніяхъ, то я счелъ неприличнымъ отвѣчать согласіемъ на подобное предложеніе. За это онъ никогда не выражалъ мнѣ своей досады, и когда я даже одинъ съ нимъ обѣдалъ, то эта дама не появлялась къ столу, хотя важнѣйшіе сановники и свѣтлѣйшіе государственные вельможи постоянно ухаживали за нею и почитали за честь принимать участіе въ ея многочисленныхъ и пышныхъ

собраніяхъ *). Такое вниманіе къ утонченному чувству мелкаго офицера заслуживаетъ во всякомъ случаѣ особенно-благодарнаго признанія, тѣмъ болѣе, что оно проявляется весьма рѣдко и напротивъ того навлекаетъ часто преслѣдованіе на главу непреклоннаго. По службѣ графъ выказывалъ мнѣ величайшее довѣріе; по моимъ аттестаціямъ полковники и генералы получали благодарности или выговоры; онъ часто употреблялъ меня, чтобы сглаживать неудовольствія и придавать новое движеніе остановившимся предпріятіямъ. Съ Паренсовымъ дѣла постоянно шли нехорошо: въ началѣ его устранили, поручивъ другія занятія, а потомъ по его желанію вернули въ генеральный штабъ; а мнѣ была передана, въ чинѣ капитана, важная должность оберъ-квартирмейстера военныхъ поселеній, причемъ корпусные оберъ-квартирмейстеры, полковники и генералы, фактически мнѣ были подчинены. Неохотно лишился я этого вѣрнаго друга, съ которымъ, при всемъ затрудненіи нашихъ взаимныхъ отношеній, никогда у насъ не было ни малѣйшаго несогласія или недовѣрія.

Въ Маѣ или Іюнѣ 1819 года, еще будучи въ капитанскомъ чинѣ, я былъ вызванъ изъ военныхъ поселеній въ Петербургъ, къ графу. Когда я къ нему представился, онъ ввелъ меня въ кабинетъ свой, разложилъ карту и сказалъ: „Цвиленевъ (генералъ-лейтенантъ, начальникъ поселеній въ Могилевской губерніи) прислалъ на утвержденіе мое множество представленій по дѣламъ, которыя зависятъ совершенно отъ мѣстныхъ условій. Поэтому я посылаю туда васъ, чтобы вы на мѣстѣ дали ему именемъ моимъ нужныя разрѣшенія. Вообще вы приведете тамошнія хозяйственныя дѣла въ такой порядокъ, чтобы они потомъ могли идти безъ помѣхи. Я написалъ Цвиленеву, что вы знаете мою волю и сообщите ему ее, и чтобы онъ считалъ ваши распоряженія за мои приказанія“. Я испугался и сталъ говорить графу, что порученіе столь важное превышаетъ мои силы, что я ничего не смыслю въ сельскомъ хозяйствѣ и не умѣю отличить овса ото ржи. На это онъ очень спокойно отвѣчалъ: „Это глупости. Порученія должны быть исполняемы, коль скоро на насъ лежитъ служебная обязанность“. — „Но, сказалъ я, если я исполню ихъ дурно по дѣйствительному невѣдѣнію?“ — „Такъ я отдамъ васъ подъ судъ“, отвѣчалъ онъ мнѣ въ утѣшеніе. Тѣмъ кончилось наше первое объясненіе. Второе не было успѣшнѣе. Я принялъ въ соображеніе, что въ самомъ дѣлѣ не было на лице другаго чиновника, который бы зналъ это дѣло и, положившись на успѣхъ моихъ Новгородскихъ занятій, рѣшился, чтобы совсѣмъ не оставлять служебнаго поприща, послушаться. Четыре мѣсяца пришлось мнѣ прожить въ Могилевѣ. Я кинулся собирать мѣстныя свѣдѣнія, работалъ и обсуждалъ, учился и училъ въ одно и тоже время и наконецъ оставилъ генералу Цвиленеву общее наставленіе о хозяйственномъ управленіи колоніями. По возвращеніи въ Петербургъ, графъ выразилъ мнѣ полнѣйшую благодарность, но прибавилъ съ насмѣшкою: „Видишь, все идетъ хорошо, коль скоро есть добрая воля“.

*) См. письма этой особы къ Аракчееву въ Р. Архивѣ 1868 года.

Я отвѣчалъ, что доброй воли тутъ мало, а надобно знать дѣло, съ чѣмъ онъ рѣшительно не согласился.

Скажу нѣсколько словъ о томъ, какъ мы жили. Лѣтомъ работы начинались въ 4 часа; отъ 11 до 1 или 2 часовъ отдыхъ, обѣдъ и сонъ; за тѣмъ опять работы до 8 часовъ. Зимою мы занимались въ штабѣ военныхъ поселеній постоянно отъ 8 до 3 часовъ; но всего послѣобѣденнаго времени едва доставало, чтобы управиться съ занятіями на дому. Часто приходилось сидѣть до поздней ночи и затѣмъ приниматься за дѣло въ 4 часа утра. Въ одну зиму я долженъ былъ ходить къ графу съ докладами по два раза въ день: занятія шли безперерывно, днемъ и ночью, и чиновники денные смѣняли ночныхъ. О воскресеньяхъ и праздничныхъ дняхъ не было и помину. Я едва успѣвалъ причаститься св. тайнъ, не то чтобы навѣщать кого нибудь.

Трудное было время. Мы его выносили, пока оно длилось; а начинать опять такую жизнь никто бы по доброй волѣ не согласился. Но намъ выбора не было. Большая часть чиновниковъ не имѣли состоянія; а кто уходилъ отъ графа противъ его воли, тому уже нельзя было нигдѣ опредѣлиться. Не было такимъ образомъ и поблажки суетности, которая легко могла развиться по моимъ отношеніямъ къ остальному міру: передъ именемъ графа отворялись двери во всѣхъ вѣдомствахъ и у знатнѣйшихъ сановниковъ государства; всюду допускали насъ и принимали съ отмѣнною вѣжливостью.

Въ 1819 или 1820 году шефомъ штаба военныхъ поселеній назначенъ полковникъ Клейнмихель, занявшій такимъ образомъ очень важное положеніе. Онъ былъ крестный сынъ графа и находился къ нему какъ бы въ родственныхъ отношеніяхъ, что для Клейнмихеля было скорѣе вредно, нежели выгодно, такъ какъ, на основаніи этого духовнаго родства, графъ обращался съ нимъ уже нисколько не стѣсняясь. Сначала не обращали вниманія на Клейнмихеля и когда онъ захотѣлъ входить во всѣ дѣла, не рѣдко отстраняли его; но съ пріобрѣтеніемъ бо̀льшей опытности и въ силу его сердечнаго и духовнаго самопожертвованія графской волѣ, съ нимъ освоились, и вліяніе его становилось все сильнѣе. Выгоды отъ того конечно не было, такъ какъ вмѣсто одного начальника приходилось имѣть дѣло съ двумя....

Думаю, что мнѣ не слѣдуетъ покидать этого предмета, не коснувшись государственнаго положенія и характера графа Аракчеева, на сколько они для меня выяснились за то время, когда я находился подъ его начальствомъ, по близости моихъ къ нему отношеній и вслѣдствіе дружественнаго обмѣна мыслей съ моими товарищами.

Аракчеевъ происходилъ отъ древней, но весьма недостаточной фамиліи Тверской губерніи; какъ онъ мнѣ самъ разсказывалъ, все его воспитаніе обошлось въ 50 руб. ассигнаціями, выплаченныхъ мѣдными пятаками. По окончаніи курса въ артиллерійскомъ училищѣ, онъ долгое время давалъ уроки математики, попалъ наконецъ въ Гатчину, гдѣ жилъ великій князь Павелъ Петровичъ, и заслужилъ его милостивое расположеніе. Въ царствованіе императора Павла

мы видимъ его комендантомъ императорской главной квартиры и генералъ-квартирмейстеромъ, съ рѣдкимъ въ Россіи титуломъ барона, живущимъ въ зимнемъ дворцѣ и вскорѣ послѣ того „выброшеннымъ“ изъ службы, какъ было буквально выражено въ дневномъ приказѣ, и сосланнымъ въ его помѣстье Грузино, полученное имъ отъ Государя въ подарокъ. Поводомъ къ этой послѣдней катастрофѣ послужилъ, какъ мнѣ передавалъ одинъ изъ его близкихъ родственниковъ, слѣдующій случай. Тогдашній баронъ принялъ не задолго до того въ число своихъ приближенныхъ одного иностранца, ему неизвѣстнаго, но котораго ему рекомендовали съ хорошей стороны и который числился въ чинѣ подполковника при нашемъ генеральномъ штабѣ. Однажды, въ минуту сильнаго раздраженія, баронъ высказалъ ему нѣсколько глубоко - оскорбительныхъ словъ, послѣ чего подполковникъ рѣшился застрѣлить Аракчеева и потомъ самъ застрѣлиться. Онъ уже явился въ зимній дворецъ съ заряженными пистолетами въ карманѣ. Когда ему выяснили все безуміе подобнаго поступка, то онъ, правда, отказался отъ него, но нѣсколько дней спустя всадилъ себѣ пулю въ лобъ, оставивъ послѣ себя письма къ Государю, Наслѣднику и нѣкоторымъ государственнымъ сановникамъ. По этому случаю поднялась буря негодованія противъ Аракчеева при Дворѣ и въ городѣ, и даже Государь и Наслѣдникъ ожесточились противъ него, и совершилось то, что было выше сказано. Лишь за нѣсколько дней до кончины императора Павла получилъ онъ прощеніе и былъ вызванъ обратно. Наслѣдникъ никогда не отзывался объ Аракчеевѣ съ выгодной стороны, и человѣколюбивая, кроткая душа Монарха была слишкомъ противоположна природѣ Аракчеева, чтобы можно было опасаться когда либо сближенія между ними; а между тѣмъ все таки взяло верхъ соображеніе, что не слѣдуетъ оставлять безъ пользы такія замѣчательныя дарованія: ему была поручена артиллерія, находившаяся въ то время въ плачевномъ состояніи, и онъ ее совершенно преобразовалъ и по крайней мѣрѣ приравнялъ къ артиллеріи, существовавшей въ то время въ остальной Европѣ. Потомъ онъ былъ нѣсколько лѣтъ военнымъ министромъ, покинулъ это поприще (по собственному ли желанію или вопреки ему), занималъ затѣмъ разныя обыкновенныя должности, былъ впослѣдствіи членомъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, но находясь постоянно въ числѣ ближайшихъ особъ, окружавшихъ Государя. Здѣсь удалось ему пріобрѣсти все бо́льшее и бо́льшее вліяніе на дѣла государственныя, и наконецъ, въ его лицѣ, безъ особеннаго офиціальнаго званія или положенія, сосредоточилось все внутреннее управленіе Имперіи, съ непосредственнымъ подчиненіемъ ему собственной императорской канцеляріи. Всѣ представленія Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ восходили черезъ него на высочайшее усмотрѣніе, и черезъ него объявлялись всѣ высочайшія повелѣнія. Такимъ образомъ, за исключеніемъ вопросовъ внѣшней политики и отчасти военнаго управленія, состоялъ онъ какъ-бы посредникомъ между Монархомъ и государствомъ и, въ силу особаго высочайшаго указа, всѣ объявляемыя имъ отъ имени Е. И. В. повелѣнія должны были приниматься за подлинное выраженіе монаршей воли.

Послѣдовавшее затѣмъ созданіе военныхъ поселеній, хотя и не послужило къ умноженію его власти, но усилило милостивое къ нему расположеніе Государя, который питалъ къ этому вопросу сердечное участіе. Неожиданная кончина Императора Александра застигла его на этой высшей ступени почестей, доступной для подданнаго, и Императоръ Николай также продолжалъ оказывать ему благоволеніе и уваженіе, какъ ближайшему сотруднику покойнаго Монарха. Но тутъ самъ собою началъ возникать разладъ. Новый Государь желалъ дѣйствительно быть самодержцемъ, что̀ и принадлежало ему вполнѣ въ силу божественнаго и человѣческаго права; а графъ, напротивъ того, считалъ бразды правленія своею принадлежностью. Этотъ разладъ очень легко разрѣшился. Государь приказалъ управляющему собственною его канцеляріею, статсъ-секретарю Муравьеву перевести канцелярію изъ квартиры графа въ зимній дворецъ и докладывать ему дѣла лично, а не черезъ графа. Государственный секретарь и управляющій дѣлами Комитета Министровъ были поставлены въ непосредственныя отношенія къ Его Императорскому Величеству, и такимъ образомъ графъ былъ устраненъ, при чемъ даже не было потрачено ни одного листа бумаги. Только военныя поселенія были ему оставлены, но его честолюбіе не могло этимъ удовлетвориться, и онъ просилъ отпуска за границу, при чемъ обнаружились разныя проявленія, ясно свидѣтельствовавшія о его раздражительности и высокомъ о себѣ мнѣніи и оставленныя императорскою фамиліею безъ вниманія. За границею напечаталъ онъ на Французскомъ языкѣ письма императоровъ Павла и Александра и нѣкоторыхъ другихъ членовъ царской фамиліи, адресованныя на его имя, и такъ какъ онъ не испросилъ на это, какъ-бы слѣдовало, высочайшаго соизволенія и эти письма въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не могли быть напечатаны, то всѣ наши посольства получили повелѣніе препятствовать ихъ появленію въ свѣтъ и перекупить всѣ уже изданные экземпляры, такъ что, сколько мнѣ извѣстно, дѣйствительно изъ нихъ ничего не сохранилось въ обращеніи. Что̀ затѣмъ совершилось,—неизвѣстно: отказался-ли онъ добровольно или вслѣдствіе полученнаго внушенія отъ офиціальнаго значенія, это составляетъ тайну между нимъ и императоромъ Николаемъ и могло быть извѣстнымъ лишь весьма немногимъ; но достовѣрно одно, что онъ прямо отправился въ Грузино, что ему оставлено все его содержаніе и домъ въ Петербургѣ и, согласно его желанію, предоставлено въ его распоряженіе нѣсколько чиновниковъ. Здѣсь могъ-бы онъ, при наступившей старости, благополучно и въ почетѣ довершить свое земное существованіе, пользуясь тѣми отличіями, которыя и теперь еще часто оказывались ему отъ царскихъ щедротъ и при такихъ доходахъ, которые несравненно превышали всѣ его потребности; но честолюбіе—такой червь, который никогда не умираетъ въ отчужденномъ отъ Бога смертномъ, и къ этому еще присоединилось болѣзненное опасеніе, при всемъ своемъ избыткѣ, умереть съ голоду. Словомъ, онъ влачилъ жалкое существованіе и умеръ непримиренный съ собою, безъ утѣшенія и отрады; ни единая слеза состраданія не омочила его смертнаго одра. Такъ какъ, въ силу со-

хранявшагося по повелѣнію императора Александра въ Сенатѣ духовнаго завѣщанія его, титулъ графа Аракчеева долженъ былъ перейти къ его наслѣднику, а между тѣмъ этотъ наслѣдникъ имъ указанъ не былъ, и по смыслу самаго завѣщанія назначеніе наслѣдника предоставлялось въ подобномъ случаѣ на усмотрѣніе Государя, то императоръ Николай, по вскрытіи духовнаго завѣщанія, предоставилъ его наслѣдство Новгородскому кадетскому корпусу, который и понынѣ носитъ названіе „Новгородскаго графа Аракчеева кадетскаго корпуса“ и пользуется всѣми доходами съ его весьма значительнаго имущества.

Коснувшись такимъ образомъ внѣшней стороны дѣятельности графа, насколько я самъ былъ тому свидѣтелемъ и затѣмъ вкратцѣ и послѣдующаго ея развитія, я полагаю, что я обязанъ упомянуть и о внутренней жизни этого безспорно-замѣчательнаго человѣка, чтобы выяснить причину его необычайнаго государственнаго положенія.

Что Аракчеевъ былъ человѣкъ необыкновенныхъ природныхъ способностей и дарованій, едва-ли можетъ быть подвержено сомнѣнію со стороны тѣхъ лицъ, кто его хоть нѣсколько зналъ и кто не увлекался безусловно своими предубѣжденіями. Быстро охватывая предметъ, онъ въ тоже время не лишенъ былъ глубины мышленія, когда самъ того желалъ и когда она не вовлекала его въ противорѣчія съ предвзятыми его намѣреніями. Его образованіе ограничивалось математикою и военными науками, въ которыхъ онъ обладалъ обширными познаніями; исторія и литература промелькнули мимо него, оставивъ впрочемъ за собою нѣкоторый слѣдъ; но исторія, какъ основаніе государственнаго развитія и вообще государственное право, были ему вполнѣ неизвѣстны, и онъ даже почиталъ всѣ возникшія на этой почвѣ понятія и теоріи совершенною безсмыслицею и весьма искусно умѣлъ осаживать и осмѣивать людей, которые толковали объ этомъ заученными и отрывочными фразами. Его религіозныя понятія были, такъ сказать, церковныя, и онъ строго придерживался предписанныхъ въ этомъ отношеніи правилъ; но во внутреннюю его жизнь перешло изъ нихъ весьма немногое: недоставало смиренія, и при полнѣйшемъ отсутствіи самосознанія, религія любви не могла утвердиться въ его сердцѣ и затѣмъ отразиться въ его внѣшней жизни. Ему казалось, что онъ стоялъ одинокимъ, что его высота была умственно-недосягаема, и съ этого воображаемаго величія взиралъ онъ на бѣдное человѣчество и пользовался его слабостями и страстями, для достиженія своей цѣли и для усиленія своего безгранично-возраставшаго самолюбія. Поистиннѣ, рѣдкая и строго-направляемая дѣятельность, необыкновенная правильность въ распредѣленіи времени и воздержаніе отъ безмѣрнаго пользованія плотскими наслажденіями давали ему очевидную возможность совершать болѣе того, что могло быть сдѣлано обыкновеннымъ путемъ и служили въ его беззастѣнчивой рукѣ бичемъ для всѣхъ его подчиненныхъ. Но его нравственныя правила были нетверды; у него почти постоянно были незаконныя связи, и при этомъ онъ часто хвалился своимъ воздержані-

емъ. Жена его лишь нѣсколько дней могла вынести сожительство съ нимъ, потому что онъ желалъ въ тоже время удержать при себѣ свою любовницу; они разстались и съ тѣхъ поръ не хотѣли уже знать другъ друга *).

Его отношенія къ Императору Александру отличались ловкостью и тонкимъ расчетомъ, но ихъ нельзя было назвать честными. Подъ личиною строгой любви къ правдѣ и попеченія о государственномъ благосостояніи онъ часто весьма грубо и непочтительно возражалъ ему; но какъ только онъ замѣчалъ, что Государь не желаетъ отступаться отъ задуманнаго имъ намѣренія, то онъ тотчасъ убѣждался его доводами и покорялся его верховнымъ соображеніямъ. При этомъ, поддѣлываясь подъ чувствительное настроеніе Монарха, онъ часто предавался нѣжностямъ и выказывалъ, подчасъ какъ-бы невольно, сентиментальную преданность къ Государю, въ видѣ неудержимаго порыва, чѣмъ успѣвалъ дѣйствительно внушить довѣрчивому Монарху дружеское къ себѣ расположеніе, которое иначе могло-бы казаться непонятнымъ. За рѣшительнымъ отклоненіемъ всякой награды и всякаго оффиціальнаго повышенія скрывалось, подъ видомъ смиренія, неограниченное высокомѣріе человѣка, который и безъ того почитался безспорно первымъ лицомъ въ государствѣ послѣ Его Императорскаго Величества.

Его обращеніе съ товарищами по службѣ было повелительное и весьма часто безсовѣстное и грубое. Обнаруживалось иногда и милостивое снисхожденіе; но я думаю, что едва-ли кого либо считалъ онъ своимъ сотоварищемъ. По общей служебной іерархіи, онъ, какъ генералъ отъ артиллеріи и членъ Государственнаго Совѣта, не составлялъ еще особенно-выдающейся личности; но его неоффиціальное положеніе возвышало его надъ всѣми и придавало ему совершенно-исключительное значеніе. Вслѣдствіе этаго предсѣдатель Государственнаго Совѣта князь Лопухинъ (собственно говоря, непосредственный его начальникъ) и дѣйств. тайный совѣтникъ Куракинъ, предсѣдательствовавшій часто во многихъ комитетахъ, гдѣ графъ состоялъ простымъ членомъ, относились къ нему какъ покорнѣйшіе его слуги, принимали съ глубочайшимъ уваженіемъ всѣ его приказанія, подчинялись всякимъ съ его стороны дерзостямъ, ухаживали за его любовницею и съ величайшею поспѣшностью кидались къ графу, когда ему недоставало партнера за карточнымъ столомъ. Чего домогались эти двѣ личности, которыя принадлежали къ знатнѣйшимъ фамиліямъ, обладали большимъ состояніемъ и уже пользовались всѣми возможными государственными отличіями, довольно трудно понять. Это можетъ объясниться лишь безгранично и безцѣльно-возбужденнымъ честолюбіемъ. Весьма немногіе не слѣдовали этому примѣру или сохраняли покрайней мѣрѣ нѣкоторое собственное достоинство, но большинство высшихъ сановниковъ въ столицѣ поклонялись той высокой власти, которую онъ держалъ въ своихъ рукахъ. При этомъ онъ умѣлъ быть весьма любезнымъ

*) Другіе разсказываютъ, что причиною разъѣзда была замѣченная Аракчеевымъ въ супругѣ своей наклонность къ взяткамъ. (См. Жизнь графа Муравьева, соч. Кропотова). *П. Б.*

въ своемъ снисхожденіи, въ особенности въ Грузинѣ, гдѣ онъ желалъ разыгрывать роль простаго дворянина, хотя и тутъ весьма часто проявлялись его тигровыя когти. На станціи Чудовѣ, верстахъ въ 20-ти отъ Грузина, былъ выставленъ флагъ, который, подымаясь или опускаясь, возвѣщалъ, принимаетъ-ли графъ въ своемъ Грузинѣ, такъ что высшіе сановники не рѣдко вынуждены были изъ Чудова возвращаться въ Петербургъ, не достигнувъ своей цѣли. Его требованія по отношенію къ подчиненнымъ были неограниченны и безмѣрны: всѣ семейныя связи слѣдовало приносить въ жертву службѣ, т. е. ему. Здоровье оставлялось безъ вниманія до самаго крайняго изнуренія. Смертельная болѣзнь жены или ребенка не могла прервать служебныхъ обязанностей ни на минуту; однажды онъ спросилъ одного штабъ-офицера, который со слезами на глазахъ объяснялъ незначительное промедленіе по службѣ смертью своей жены: „А что мнѣ за дѣло до смерти твоей жены?“ Другой, по причинѣ страданія въ легкихъ и совершеннаго физическаго разслабленія, не могъ подняться на лѣстницу къ мѣсту своего служенія; онъ велѣлъ ему сказать, что если онъ тотчасъ не явится, то онъ заключитъ его въ казематъ, и тотъ разумѣется немедленно взобрался на верхъ и, на сдѣланный ему мною упрекъ, возразилъ, что его здоровье въ сущности еще болѣе могло-бы пострадать въ казематѣ. Послѣ четырехмѣсячной нервной горячки, отъ коей я былъ спасенъ однимъ лишь божественнымъ чудомъ, графъ навѣстилъ меня въ то время, когда два рослыхъ солдата водили меня по комнатѣ, и я собственно не могъ еще вполнѣ владѣть ногами. Онъ сказалъ, что „я скучаю“ и, прислалъ мнѣ на другой день работу, которою и за тѣмъ продолжалъ постоянно снабжать меня, такъ что я впослѣдствіи поплатился за это въ теченіи многихъ лѣтъ сильнѣйшими нервными страданіями. Съ этою неумолимою безчувственностью ко благу и вреду своихъ подчиненныхъ соединялъ онъ въ себѣ самое низкое лукавство. Такъ напримѣръ, держался онъ того правила, что слѣдуетъ каждому обѣщать на столько, чтобы побудить его къ самой сильной дѣятельности; но не слѣдуетъ спѣшить выполненіемъ этого обѣщанія, чтобы рвеніе не охладилось, и привлекательная цѣль всегда оставалась-бы передъ глазами.

И однако этотъ человѣкъ, для котораго чувство не имѣло никакой цѣны, предался самымъ дикимъ выходкамъ, когда умертвили женщину, которая нѣкогда была его любовницею и за тѣмъ не переставала удерживать за собою его привязанность. Онъ вполнѣ отказался отъ служебныхъ обязанностей, удалился въ Грузино, отпустилъ себѣ бороду, носилъ на шеѣ платокъ, омоченный ея кровью, сталъ дикъ и злобенъ и подвергалъ ужаснѣйшимъ истязаніямъ множество людей, которые на дѣлѣ или только помыслами участвовали въ убійствѣ или могли, хотя косвенно, знать о томъ. Но и его постигли кары небесныя еще при жизни. Кромѣ того, что въ самомъ непомѣрномъ его самодовольствѣ уже заключался зародышъ того червя, который видимо подтачивалъ его сердце и еще усиливалъ муки уязвленнаго честолюбія, по волѣ Всевышняго еще былъ у него живой бичъ, причинившій ему немало раздраженія, въ особенности

во время его заграничнаго путешествія. Онъ считалъ себя отцемъ одного незаконнорожденнаго сына, котораго воспиталъ въ Пажескомъ корпусѣ и затѣмъ возвелъ въ гвардейскіе офицеры и флигель-адъютанты императора Александра [1]); этотъ молодой человѣкъ былъ одаренъ (на сколько я его знавалъ) отличными способностями, привлекательною наружностью и большимъ природнымъ добродушіемъ. Хотя, говорятъ, впослѣдствіи обнаружилось, что онъ не былъ сынъ Аракчеева, но графъ все-же сохранилъ къ нему свою прежнюю привязанность. Этотъ юноша съ раннихъ лѣтъ предавался разнымъ увлеченіямъ, въ особенности пьянству; бывали минуты отрезвленія, но продолжались недолго. Во время несчастной катастрофы убійства графской любовницы и слѣдовавшихъ затѣмъ жестокостей, которыя его сильно возмутили, онъ обратился къ графу съ настоятельными увѣщаніями въ пользу обреченныхъ жертвъ и, не достигнувъ своей цѣли, предался безусловно пьянству и довелъ эту страсть до крайнихъ предѣловъ къ тому времени, когда ему пришлось сопровождать графа въ его путешествіи по Германіи и Франціи.

Въ припадкахъ опьяненія, когда графъ пытался удержать его отъ дальнѣйшихъ кутежей, онъ, говорятъ, съ поразительною наглядностью выставлялъ ему зеркало его собственной жизни, и съ такимъ жаромъ, что передававшій мнѣ о томъ мой сослуживецъ докторъ Миллеръ, который бывалъ иногда третьимъ лицомъ при этихъ часто повторявшихся сценахъ, приходилъ отъ нихъ въ трепетъ. Въ теченіи многихъ мѣсяцевъ графъ выносилъ эти тяжелыя минуты, но потомъ пробужденная совѣсть вѣроятно слишкомъ сильно заговорила, и онъ разстался навсегда съ своимъ обличителемъ. Шумскій (такъ звали молодаго человѣка) прошелъ всѣ ступени погибели, погрязъ впослѣдствіи въ самой темной средѣ и умеръ преждевременно отъ послѣдствій своего разврата. Тотъ-же Миллеръ, мой почтенный другъ, пользовавшій графа въ продолженіи десятковъ лѣтъ, находился также при его смерти, когда онъ, цѣпляясь за жизнь съ безграничною тоскою, не хотѣлъ думать о послѣднемъ часѣ и отталкивалъ отъ себя всякое о немъ напоминаніе; а равно и не рѣшался, подъ вліяніемъ овладѣвшаго имъ ужаса, дополнить свое завѣщаніе, хотя и намѣревался это сдѣлать въ здоровомъ состояніи [2]).

Если я нѣсколько подробно изложилъ этотъ характеристическій очеркъ, то поводомъ къ тому послужило мнѣ убѣжденіе, что я изучилъ характеръ этого человѣка, игравшаго столь значительную роль

---

[1]) Аракчеевъ очевидно готовилъ своему Шумскому блестящую будущность. Басаргинъ передаетъ, что въ 1823 году, во время Тульчинскаго смотра, дошло уже до того, что Шумскій читалъ Государю доклады по дѣламъ (см. Девятнадцатый Вѣкъ, кн. 1-я, стр. 85). *П. Б.*

[2]) Государь прислалъ въ Грузино лейбъ-медика Виллié, чтобы оказать медицинское пособіе Аракчееву. Виллié предписалъ ему, кромѣ лекарствъ, полное спокойствіе, но однажды утромъ засталъ своего паціента съ желѣзнымъ аршиномъ въ рукѣ; въ комнатѣ находился мальчикъ-садовникъ, съ окровавленнымъ носомъ. Оказалось, что умиравшій Аракчеевъ наказывалъ провинившагося мальчика, производя ему равномѣрные удары аршиномъ по носу. (Слышано отъ В. А. Кокорева, а имъ отъ самаго бывшаго садовника). *П. Б.*

въ исторіи Россіи, несравненно ближе и имѣлъ гораздо болѣе къ тому случаевъ, чѣмъ большинство его окружавшихъ, и что другимъ могло недоставать безпристрастія, которому я, по крайней мѣрѣ сознательно, никогда не измѣнялъ; при чемъ я не могу сообщать никакихъ анекдотовъ изъ „chronique scandaleuse“ графа и не хочу передавать того, что̀ не могло бы служить къ разъясненію его характера. Остается сказать еще нѣсколько словъ о его политическомъ и церковномъ положеніи. Въ политикѣ, во времена конституціонныхъ тенденцій императора Александра, онъ держался совершенно противоположныхъ воззрѣній и высказывалъ ихъ вполнѣ откровенно; однажды онъ сказалъ нѣкоторымъ изъ насъ: „вы всѣ карбонаріи!“ Въ церковномъ отношеніи онъ стоялъ на почвѣ неподвижнаго православія; дѣятельность библейскаго общества, вызовъ духовенства другихъ исповѣданій, вліяніе г-жи Крюднеръ и другихъ мистиковъ внушали ему отвращеніе, такъ что онъ прервалъ всякія сношенія съ княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ и другими его единомышленниками. Онъ былъ руководителемъ той оппозиціи, къ которой принадлежалъ знаменитый архимандритъ Фотій, графиня Орлова и многіе знатнѣйшіе сановники Имперіи. Въ обоихъ этихъ направленіяхъ онъ возымѣлъ перевѣсъ: Государь возложилъ на него, какъ на представителя самодержавнаго начала, бразды внутренняго управленія; а въ церковномъ вопросѣ князь Голицынъ былъ вынужденъ оставить министерство духовныхъ дѣлъ, передавъ его адмиралу Шишкову. Русское библейское общество было закрыто, и правовѣріе превозмогло, хотя, по милости Божіей, библейское настроеніе не вполнѣ погибло.

Если теперь спросить: были ли военныя поселенія плодомъ мудрости и человѣколюбія, сдѣлали они солдата счастливѣе и его семейныя отношенія разумнѣе, доставили они государству опору, ратующую за свой очагъ силу и сократили-ли они огромныя затраты на содержаніе дѣйствующихъ армій;—то на всѣ эти вопросы приходится отвѣчать рѣшительнымъ „нѣтъ“, въ особенности по отношенію къ сѣвернымъ поселеніямъ пѣхоты, состоявшимъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ графа. Уже самый выборъ мѣстности можетъ почитаться роковымъ. Въ Новгородской губерніи, въ округѣ 1-й гренадерской дивизіи,—почти сплошной лѣсъ и при томъ уже устарѣвшій, попорченный, съ обширными и глубокими болотами, весьма затруднительными для обработки; населеніе,—большею частью весьма мало занимавшееся земледѣліемъ, благодаря близости столицы и большой судоходной рѣкѣ Волхову; грунтъ—глина съ глинистою-же подпочвою, при сыромъ и холодномъ климатѣ, требующемъ громадныхъ усилій при обработкѣ. Въ Могилевской губерніи была избрана обширная волость, и ея населеніе въ нѣсколько тысячъ человѣкъ было переселено въ Херсонскую губернію, но изъ нихъ лишь весьма немногіе достигли мѣста своего назначенія; остальные погибли съ отчаянія, съ тоски по родному жилью, отъ пьянства, отъ голода по собственной винѣ причиненнаго, и отъ полнѣйшаго унынія, и сошли въ безвременную могилу во время самаго переселенія. Я забылъ настоящую цифру погибшихъ, но она была ужас-

на; говорятъ, что это извѣстіе повергло императора Александра въ величайшее горе. На ихъ мѣсто поступилъ баталіонъ солдатъ, отвыкшихъ отъ земледѣлія, вполнѣ незнакомыхъ съ мѣстностью, недовольныхъ своимъ новымъ назначеніемъ, лишенныхъ опытныхъ руководителей; и потому они страшно бѣдствовали и долго не могли обезпечить себѣ даже самое жалкое существованіе. Всѣ эти поселенцы, впредь до ожидавшихся распоряженій, получали съ женами и дѣтьми опредѣленное для солдата количество хлѣба, и такимъ образомъ нельзя было въ скоромъ времени ожидать какого либо сбереженія, а расходы еще увеличивались содержаніемъ солдатскихъ семействъ. Сооруженіе великолѣпныхъ зданій для полковыхъ штабовъ, для помѣщенія поселенныхъ солдатъ, и устройство шоссе обошлись въ каждомъ полковомъ округѣ слишкомъ въ три милліона ассигнаціями; подготовка пашни, заготовленіе земледѣльческихъ орудій, скота, запасовъ сѣмянъ и другихъ необходимыхъ потребностей стоили около милліона, такъ что на каждый полкъ была сдѣлана затрата въ четыре милліона, съ которыхъ приходилось выручать проценты. Въ самой основѣ учрежденія не заключалось залоговъ успѣха. Деревни состояли каждая изъ одной роты, т. е. 228 человѣкъ, а въ Могилевской губерніи изъ 57 домохозяевъ, представлявшихъ собою отдѣльное капральство, что на Сѣверѣ, гдѣ безъ удобренія ничего не произрастаетъ, составляло громадной трудъ при одномъ лишь удабриваніи полей, такъ какъ луга и пастьбы находились за полями, и скотъ приходилъ на пастьбу совершенно изнуреннымъ. Накупили дорогаго, заграничнаго скота, а луга еще не были подготовлены, и скотина падала отъ голода и отъ злокачественности болотныхъ травъ. Внѣшній порядокъ былъ тягостенъ, такъ что соблюденіе его отвлекало поселянъ и ихъ женъ отъ работы. Все это и еще множество другихъ затрудненій, проистекавшихъ отъ неумѣнія и деспотическаго произвола, при полнѣйшемъ невѣжествѣ, возбудило среди солдатъ неудовольствіе и отчаяніе, еще усугубленныя безцѣльною жестокостью обращенія, такъ что это учрежденіе въ общей его сложности представляло по своему внѣшнему, поверхностному виду нѣчто весьма блестящее, но внутри его преобладали уныніе и бѣдствіе. Когда императоръ Николай отправлялся на коронованіе въ Москву и пожелалъ посѣтить поселенія 1-й гренадерской дивизіи, то всѣ эти обстоятельства впервыя подверглись открытому обсужденію. Графъ былъ въ то время за границею, а Клейнмихель не находилъ нужнымъ что либо скрывать. Размѣры зла слишкомъ ярко кидались въ глаза, чтобы не замѣтить ихъ, если только желали. Но какъ горю пособить? Трудно отмѣнить предпріятіе, совершенное въ такихъ громадныхъ размѣрахъ и съ такими страшными затратами, въ особенности когда къ нему причастна такая масса людей; кромѣ того Клейнмихель не былъ въ состояніи изобразить Государю истинное положеніе вещей, ему самому лишь поверхностно извѣстное. Было предложено множество преобразованій, и стоило многаго труда и времени, чтобы доказать, что они не цѣлеобразны; наконецъ, уже гораздо позднѣе, прекрасныя новыя зданія гвардейской кавалеріи были обращены въ казар-

мы, для которыхъ они оказались весьма пригодными, а колонисты вернулись къ хлѣбопашеству по деревнямъ, особо съ этою цѣлью устроеннымъ, и говорятъ, что они теперь вполнѣ довольны своимъ положеніемъ. О поселеніяхъ близь Старой-Русы я не говорю, хотя я также принималъ въ нихъ весьма дѣятельное участіе; но они въ государственномъ отношеніи не представляютъ ничего новаго. Вамъ достаточно будетъ и общей картины, мною изображенной, такъ какъ я не желаю вдаваться въ частности, въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ не имѣли вліянія на общій ходъ дѣла. О южныхъ поселеніяхъ я буду говорить впослѣдствіи.

Но вы вправѣ, дѣти мои, спросить меня, почему ты не выставлялъ Аракчееву на видъ вредной стороны военныхъ поселеній, коль скоро она тебѣ была такъ знакома? На это я дамъ вамъ откровенный и добросовѣстный отвѣтъ. Во первыхъ, я не могъ обнять въ то время этотъ предметъ въ общемъ его видѣ такъ, какъ въ настоящую минуту, и былъ такъ поглощенъ возложенными на меня частностями, что не имѣлъ досуга предаваться соображеніямъ, не относившимся прямо къ моимъ обязанностямъ. Кромѣ того, мнѣ шелъ всего 21-й годъ, и мой взглядъ еще недостаточно созрѣлъ; а за тѣмъ образовалась привычка, всегда замѣняющая ясность нашихъ сужденій. Во вторыхъ, графъ очень хорошо сознавалъ истинное положеніе вещей, но не желалъ его видѣть; то была игрушка, подносимая имъ Государю въ видѣ важнаго дѣла, и при этомъ не приходилось останавливаться на томъ, что она стоила милліоны и дѣлала многія тысячи человѣкъ несчастными; и наконецъ, въ третьихъ, я положительно и весьма часто говорилъ графу правду, навлекая на себя нерѣдко его неудовольствіе, и мои такъ называемыя романическія мечтанія были имъ постоянно отклоняемы. Неоднократно представляемыя просьбы мои объ увольненіи были просто помѣчаемы „къ дѣлу“, а въ тѣхъ порученіяхъ, которыя лично на меня возлагались, не заключалось ничего такого, отъ чего-бы я по совѣсти былъ вправѣ отказаться.

Послѣ удаленія графа, на Клейнмихеля было возложено управленіе военными поселеніями по всей Имперіи; къ тому времени я достигъ чина подполковника и оставался въ прежнемъ званіи исправляющаго должность оберъ-квартирмейстера военныхъ поселеній. Занятія шли своимъ чередомъ: много шуму, много мученій, много бѣготни и суеты, а дѣйствительной пользы — никакой. Такъ какъ мое здоровье совершенно разстроилось, то я получилъ наконецъ, послѣ долгихъ отказовъ, отпускъ на о. Эзель, и когда я вернулся оттуда съ укрѣпившимися силами, то узналъ по газетамъ о моемъ назначеніи оберъ-квартирмейстеромъ 3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса въ Елисаветградѣ.

(*Продолженіе будетъ*)

АВТОБІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ ЕГОРА ѲЕДОРОВИЧА ФОНЪ-БРАДКЕ [1]).

Кажется, въ 1818 году, прибыли въ Петербургъ два католическіе священника, сначала Линдль, потомъ Госнеръ [2]). Перваго я не слышалъ, не помню почему: оттого ли что меня его проповѣдничество не занимало, или потому, что дѣло было лѣтомъ, и я жилъ въ военныхъ поселеніяхъ. Въ 1819 году, однимъ вечеромъ, меня уговорили отправиться въ большую католическую церковь послушать, какъ Госнеръ объясняетъ Библію. Я увидалъ на каѳедрѣ весьма незначительную фигуру, которая плохо произносила слова и выражалась очень грубо, что̀ произвело на меня непріятное впечатлѣніе, и я дивился, за чѣмъ такое множество моихъ знакомыхъ, отлично образованныхъ людей обоего пола, стекалось слушать эти пошлости. Я неоднократно высказывалъ это мнѣніе. Не помню, какъ въ другой разъ пришлось мнѣ опять быть на проповѣди Госнера. Тутъ я уже не смотрѣлъ на внѣшность, слушалъ внимательно и былъ глубоко пораженъ Божіимъ Словомъ, яснымъ и разительнымъ объясненіемъ его. Съ этого дни я прилежно посѣщалъ Госнера въ католической церкви и потомъ въ частномъ домѣ на Малой Морской, гдѣ наняли для этихъ бесѣдъ двѣ большія, сплошныя залы. Я бывалъ и въ Мальтійской церкви, гдѣ Госнеръ служилъ обѣдни на Нѣмецкомъ языкѣ со многими нововведеніями, и всегда съ проповѣдью. Лично съ нимъ я не былъ знакомъ, и хотя видалъ его нѣсколько разъ у дяди моего Адеркаса, но не чувствовалъ потребности идти къ нему, довольствуясь его проповѣдями. Чтеніе Священнаго Писанія постепенно вело меня къ раскрытію истинъ, коихъ осуществленіе въ самой жизни сдѣлалось для меня высшею задачею, а такъ какъ я чувствовалъ свое безсиліе въ этомъ дѣлѣ, то старался все больше и больше молиться.....

Когда Госнеръ былъ удаленъ изъ Россіи, во всемъ Петербургѣ не нашлось лица, которое бы могло соединить вокругъ себя его слушателей. Старикъ Мортимеръ былъ уже очень слабъ и нерѣдко засыпалъ на каѳедрѣ. По необходимости устроились частныя собранія, изъ коихъ особенно многолюдны бывали у купца Нотбека, съ одобренія правительственной власти. Собранія эти утверждались на христіанскомъ основаніи, хотя и тутъ примѣшивалось много піетистическихъ началъ. У Нотбека собирались обыкновенно въ Суботу

[1]) См. выше, стр. 13.

[2]) О Госнерѣ, дѣятельность котораго повела къ закрытію Библейскихъ Обществъ, см. Записки Н. И. Греча въ Р. Архивѣ 1868 года. *П. Б.*

вечеромъ, прочитывали главу Св. Писанія, слушали какое нибудь сочиненіе Госнера, Таулера, Спенера и другихъ, и за тѣмъ снова совершали колѣнопреклоненную тихую молитву. Болѣе близкіе знакомые оставались пить чай и проводили время въ тихой искренней бесѣдѣ; никто не выставлялъ себя на показъ и не выражалъ притязаній на святость, какъ бываетъ у піетистовъ. Впрочемъ и тутъ было кое-что въ томъ духѣ.... Меня считали полу-христіаниномъ, такъ какъ, я, по множеству моихъ занятій, не могъ постоянно являться и не подчинялся безусловно тамошнимъ понятіямъ и установленіямъ, даже иногда явно противорѣчилъ имъ. Мнѣ было ненавистно принимать на себя несвойственный мнѣ тонъ, съ особеннымъ обращеніемъ и способомъ выражаться. Однако мы остались всегда съ Нотбекомъ добрыми друзьями, и никакой размолвки у насъ не было....

Назначеніе въ Елизаветградъ [3]) очень озабочивало меня. Всѣ мои родные уговаривали меня перейти въ гражданскую службу, что̀, въ тогдашней моей обстановкѣ, можно было устроить выгоднымъ образомъ; но я не захотѣлъ этого, рѣшившись довольствоваться тѣмъ, что мнѣ предоставлялось Божіимъ Промысломъ.

По прибытіи въ Петербургъ, узналъ я отъ генерала Клейнмихеля, что Его Императорское Величество, вслѣдствіе неудовлетворительнаго состоянія экономическихъ и хозяйственныхъ дѣлъ въ военныхъ поселеніяхъ Херсонской губерніи, высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы туда было командировано надежное лицо съ обширными полномочіями и что Государь, безъ всякаго участія самаго Клейнмихеля, лично соблаговолилъ назвать мое имя. Для покрытія моихъ путевыхъ расходовъ высочайше повелѣно было, безъ всякаго съ моей стороны ходатайства, назначить мнѣ 2000 руб. ассигнаціями, кромѣ прогонныхъ денегъ...

Мои служебныя отношенія въ Елизаветградѣ ни въ какомъ смыслѣ не могли быть пріятны уже потому, что они вновь ставили меня въ положеніе, совершенно чуждое моимъ познаніямъ и моей предъидущей опытности. Въ этой громадной степной мѣстности, гдѣ 90 т. душъ, приписанныхъ къ военнымъ поселеніямъ, занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ, хозяйство велось совершенно-инстинктивно и неправильно, что̀ по мѣстному нарѣчію и называется дикимъ или воровскимъ хозяйствомъ. Ни малѣйшаго раздѣла полей, никакихъ отведенныхъ луговъ и пастьбищъ: пашутъ, гдѣ хотятъ; сѣютъ, покуда урожаи хороши или даже посредственны и затѣмъ бросаютъ этотъ участокъ, доколѣ онъ не отдохнетъ отъ испытаннаго имъ обремененія, что̀ совершается обыкновенно, смотря по степени размѣровъ и плодородія, въ промежутокъ времени отъ пяти до нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Тѣмъ временемъ выростаетъ на этомъ изнуренномъ пространствѣ (навозъ тамъ употребляется лишь на топливо, но не какъ удобреніе) сперва сорная трава, въ особенности полынь, служащая отличнымъ топливомъ, а потомъ, когда зем-

[3]) Въ военныя поселенія, въ должность оберквартирмейстера 3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса. *П. Б.*

ля вновь нѣсколько окрѣпнетъ, болѣе густая или рѣдкая трава, употребляемая для пастьбы или сѣнокошенія. И такъ мнѣ предстояло заводить здѣсь правильное хозяйство, наперекоръ всеобщему мнѣнію, смотрѣвшему съ отвращеніемъ на всякое нововведеніе, при чемъ я самъ считалъ себя вполнѣ неспособнымъ, не зная мѣстныхъ степныхъ условій и вообще незнакомый основательно съ общими правилами раціональнаго хозяйства. Я уже совсѣмъ было рѣшился предоставить это смѣлое предпріятіе будущности и болѣе искуснымъ рукамъ, когда мнѣ пришлось совершить объѣздъ всѣхъ военныхъ поселеній. Здѣсь я нашелъ этихъ прежде столь зажиточныхъ поселянъ въ величайшей нуждѣ и бѣдствіи, и мнѣ не трудно было открыть причину этого грустнаго положенія. Когда полки вступили въ пользованіе опредѣленными имъ участками и приняли на себя управленіе, ими овладѣло пламенное усердіе къ пользамъ казны, и они, по отношенію къ доставшимся имъ природнымъ богатствамъ, не довольствовались выручаемымъ обильнымъ содержаніемъ для своихъ людей и лошадей, но старались накоплять наибольшее количество запаснаго хлѣба и сѣна. Этой цѣли они безъ сомнѣнія достигли, хотя и тутъ цѣлыя стада крысъ уничтожали добрую половину; но въ тоже время полки отнимали у крестьянина лучшія земли, дѣлали огромные посѣвы безъ всякаго соображенія съ трудовыми силами и предоставляли крестьянину лишь скудный остатокъ времени на его собственное хозяйство. Такъ какъ пахота, при продолжительномъ лѣтѣ, можетъ производиться долго, и труда по удобренію не существуетъ, то эта система была-бы еще менѣе вредна для матеріальнаго благосостоянія поселенцевъ; но во время уборки, когда при жгучемъ солнечномъ зноѣ часто все разомъ созрѣваетъ, хлѣбъ въ одинъ день начинаетъ спѣть, а трава обращается въ солому, казенные огромные посѣвы требовали такого усиленнаго труда, что уборка крестьянскихъ полей отлагалась до окончанія этихъ работъ, и крестьяне часто привозили въ свои гумна одну лишь солому. Это отчаянное положеніе столь значительнаго населенія требовало быстрыхъ мѣропріятій, и потому, по моему представленію, было первоначально строго предписано графомъ Виттомъ, начальникомъ военныхъ поселеній, чтобы каждый поселенецъ не употреблялся болѣе трехъ дней въ недѣлю на казенную работу. Это все таки нѣсколько обуздало безграничный произволъ и было мною постоянно требуемо. Первыя изліянія благодарности со стороны поселенцевъ были въ высшей степени трогательны. Но я вполнѣ сознавалъ, что это лишь временное средство и что на мнѣ лежалъ нравственный долгъ опредѣлить въ точности взаимныя права этихъ людей и количество обязательнаго ихъ труда въ пользу ихъ владѣльца — казны, чтобы никакая неблагонамѣренность или слишкомъ рьяное рвеніе начальствующихъ лицъ не могли на будущее время вновь подвергнуть опасности благосостояніе крестьянъ. Для достиженія этой цѣли, слѣдовало отдѣлить земли казенныя отъ крестьянскихъ участковъ „in natura“, опредѣлить окончательно количество работы поселянъ и требуемаго ими земельнаго надѣла для ихъ содержанія, назначить предстоявшіе имъ труды и разграничить

число и мѣру посѣвовъ въ натурѣ. Чтобы достигнуть подобнаго результата, оказалось необходимымъ введеніе строгой хозяйственной системы, основанной на научныхъ основаніяхъ, и тутъ я снова впалъ въ свою прежнюю, тяжкую борьбу. Напрасны были всѣ старанія найти человѣка дѣльно подготовленнаго для этой задачи, и тѣ, которые, вслѣдствіе своего долгаго тамъ пребыванія, могли почитаться наиболѣе способными къ выполненію этой задачи, были такъ пропитаны установившимися предразсудками, что не могли и даже не желали предпринять этого столь важнаго труда. И такъ, послѣ долгаго размышленія и вслѣдствіе сердечнаго участія къ бѣдствіямъ нѣсколькихъ тысячь семействъ, я не могъ выбрать ничего другаго, какъ приняться самому за эту работу и, въ смиренномъ упованіи, призвать на помощь милосердіе и премудрость Творца для довершенія труда.

..Я отправилъ по участкамъ двухъ опытнѣйшихъ офицеровъ генеральнаго штаба, съ тѣмъ, чтобы они отобрали въ полковыхъ комитетахъ ясные и простые отвѣты на цѣлый рядъ составленныхъ мною вопросовъ. Для разъясненія и исправленія полученныхъ такимъ образомъ свѣдѣній они должны были переговорить съ толковитыми крестьянами, потомъ съ болѣе образованными людьми изъ дворянства и за тѣмъ общій выводъ представить мнѣ. Работа эта продолжалась цѣлое лѣто, и о двѣнадцати полкахъ получилъ я гибель бумагъ, исполнившихъ меня ужасомъ. Но разъ начатое надо было кончить; я заперся у себя совершенно, дабы разобраться въ дѣлѣ. Послѣ этого я самъ объѣхалъ участки, и плодомъ всего этого вышло въ свѣтъ мое „Положеніе о хозяйственномъ управленіи военными поселеніями въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ“. Оно было мною подвергнуто предварительно всевозможному просмотру и критикѣ и представлено на высочайшее утвержденіе, которое и послѣдовало. Это Положеніе до сихъ поръ имѣетъ силу, за нѣкоторыми исключеніями, которыя потомъ вызваны были перемѣнами, произведенными въ составѣ военныхъ поселеній. Вы найдете въ моихъ книгахъ печатный экземпляръ Положенія, а въ моихъ бумагахъ, въ черновомъ донесеніи Государю Императору, историческую записку о развитіи и нынѣшнемъ положеніи Новороссійскаго края и объ устраненіи золъ, угрожающихъ всему его матеріальному существованію. Отчетъ мой многократно обсуждался въ Министерствѣ Удѣловъ, вызвалъ нѣсколько временныхъ распоряженій, но, кажется, до сихъ поръ еще не привелъ къ какой либо рѣшительной мѣрѣ, такъ какъ для того нужны энергія и настойчивость.

Личное мое положеніе въ Елизаветградѣ устроилось лучше, чѣмъ я ожидалъ. Такъ какъ я имѣлъ большія полномочія и право непосредственнаго сношенія съ Петербургскими властями, то полагалъ, что на меня станутъ смотрѣть какъ на несноснаго наблюдателя, станутъ мнѣ дѣлать препятствія и въ особенности остерегаться меня. Случилось совершенно противное. Графъ Виттъ отнесся ко мнѣ съ любезнымъ радушіемъ и величайшимъ довѣріемъ, раздѣлялъ всѣ мои воззрѣнія и предоставлялъ мнѣ полную свободу дѣйствія. Примѣру его

послѣдовали всѣ генералы и другіе чиновники. Какая была тому причина, я до сихъ поръ не могу дознаться.—Генералъ отъ кавалеріи графъ Виттъ былъ сынъ одного генерала-маіора, поступившаго въ Русскую службу изъ Голландіи. Онъ женился на прекрасной Гречанкѣ или Молдаванкѣ, которую потомъ уступилъ за весьма значительную сумму влюбившемуся въ нее богачу, графу Потоцкому. Эта госпожа извѣстна во всѣхъ западныхъ губерніяхъ подъ именемъ графини Софіи Потоцкой, и портретъ ея можно встрѣтить во всѣхъ домахъ тамошней аристократіи и средняго сословія; но нравственность ея не согласовалась съ ея красотою, а безстыдство выразилось между прочими въ противуестественной тяжбѣ ея съ ея сыновьями. Я немного знаю о молодости графа Витта. Онъ былъ человѣкъ большаго природнаго ума, необыкновенно-быстраго проницанія, но безъ глубины, образованія многосторонняго, но поверхностнаго, большаго такта и умѣнья распознавать людей во внѣшнемъ ихъ проявленіи. Ни въ чемъ не отказывать и никогда не сдерживать обѣщаннаго, обо всемъ умствовать и ничего не обслѣдовать, всегда влюбляться, и всякій разъ не надолго, всѣмъ говорить любезности и тотчасъ забывать о сказанномъ: таковы были главнѣйшія черты этого ничтожнаго характера. И тѣмъ не менѣе графъ Виттъ, благодаря любезности своей, имѣлъ большое значеніе, и императоръ Александръ весьма отличалъ его. Въ мое время онъ велъ скандальную интригу съ разведенною Собаньскою, урожденною графинею Ржевускою, принадлежавшею къ древнѣйшимъ Польскимъ фамиліямъ; она жила съ нимъ открыто, къ ней всѣ ѣздили, и она вела себя какъ будто его жена, хотя онъ не былъ резведенъ съ своею настоящею женою, которую нѣкогда тоже взялъ у ея мужа. Когда онъ пріѣхалъ съ этою госпожею въ Елисаветградъ и выразилъ желаніе ввести меня въ свой домашній кругъ, я долженъ былъ отказаться. Жена моя тоже, конечно, не поѣхала туда, не слѣдуя примѣру всѣхъ другихъ генеральшъ и чиновныхъ дамъ. Сначала это не понравилось; но я держалъ себя спокойно и твердо, и меня оставили въ покоѣ. Къ чести графа Витта я долженъ сказать, что онъ никогда не далъ мнѣ этого замѣтить и всегда оказывалъ мнѣ особенное довѣріе.

Графъ расположился на жительство въ Одессѣ и къ намъ только наѣзжалъ изрѣдка; у насъ же первенствовалъ начальникъ штаба, генералъ Е., почтенный старикъ, но безъ всякой энергіи въ характерѣ и не слишкомъ уважаемый графомъ Виттомъ. У Е. была молодая, красивая, очень причудливая жена, желавшая во все вмѣшиваться, что̀ и удавалось ей вполнѣ, благодаря положенію мужа. По необходимости возникла изъ того борьба, вскорѣ принявшая значительные размѣры и кончившаяся полнымъ моимъ торжествомъ. Графъ поручилъ мнѣ наблюдать за очень хорошимъ дѣвичьимъ пансіономъ, который содержала въ Елисаветградѣ одна весьма почтенная Француженка, госпожа Бурковская. Мадамъ Е. и тутъ дала себя знать съ неблагопріятной стороны, и между прочимъ брала дѣвочекъ изъ пансіона на свои балы и танцовальные вечера, т. е. въ

общество молодыхъ офицеровъ. Я счелъ своею обязанностью рѣшительно воспротивиться тому. Поднялась буря, со слезами, обмороками и спазмами, но спокойная настойчивость взяла верхъ. Съ старымъ генераломъ мы до конца оставались въ дружескихъ отношеніяхъ. Супруга его напослѣдокъ стала оказывать мнѣ только любезности и всегда соглашалась со мною....

Въ 1829 году я едва не принужденъ былъ оставить службу. Въ одномъ важномъ дѣлѣ, касавшемся устройства края, возникло изъ суетности разногласіе между графами Виттомъ и Клейнмихелемъ, при чемъ первый, противъ своего обыкновенія, тоже горячился и не хотѣлъ уступать. Мнѣ поручено было разъясненіе дѣла, и тутъ я неизбѣжно долженъ былъ высказаться рѣшительно, а Клейнмихель, обѣщаніями и угрозами, хотѣлъ склонить это рѣшеніе въ свою пользу. По совѣсти я велъ дѣло съ надлежащимъ безпристрастіемъ и рѣшеніемъ своимъ не угодилъ ни той, ни другой сторонѣ. Надо было ожидать, что вслѣдствіе этого обѣ стороны примирятся и станутъ сообща дѣйствовать противъ меня. Такія дѣйствія и начались по вѣдомству Клейнмихеля, но я энергически стоялъ на своемъ. На этотъ разъ, въ противность обыкновенному порядку дѣлъ, рѣшеніе состоялось по высшей волѣ. И Клейнмихель, и графъ Виттъ стали оказывать мнѣ еще болѣе уваженія и довѣрія, и мое вліяніе въ военныхъ поселеніяхъ чрезвычайно отъ того выигрыло. . . .

Въ высшей степени изнуренный и разстроенный моими чрезвычайными обязанностями, всегда чувствуя склонность вести образъ жизни такъ называемаго средняго круга и не стремясь къ повышеніямъ по службѣ, я все болѣе и болѣе утверждался въ намѣреніи просить увольненія и искать по гражданскому вѣдомству такой должности, которая доставила-бы мнѣ необходимыя средства и скромную дѣятельность. Получить гдѣ либо мѣсто директора училищъ было въ особенности предметомъ моихъ желаній. По надлежащемъ совѣщаніи съ вашею матерью и съ моею [1]) и съ ихъ согласія, подалъ я просьбу объ отставкѣ и, хотя меня со всѣхъ сторонъ сильно побуждали взять просьбу назадъ, однако я считалъ нужнымъ оставаться при своемъ намѣреніи. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ опредѣляетъ! Въ ту самую минуту, когда моему прошенію предстояло двинуться далѣе по начальству, корпусъ нашъ получилъ приказаніе быть готовымъ въ 24-ре часа къ выступленію, и такъ какъ этимъ несомнѣнно предвѣщалась возможность скорой войны, то я не могъ покинуть военную службу и былъ вынужденъ взять назадъ просьбу объ отставкѣ.

Недѣли черезъ двѣ полученъ приказъ выступать. Мы дошли сперва до Каменца-Подольска, при чемъ я исполнялъ должность оберъ-квартирмейстера при корпусѣ и кромѣ того, въ отсутствіи дежурнаго штабъ-офицера, исправлялъ его обязанности, такъ что мнѣ было довольно дѣла. Пробывъ въ Каменцѣ-Подольскѣ нѣкоторое время, примѣрно 4 недѣли, получили мы извѣстіе о внезапно и неожиданно вспыхнувшемъ Польскомъ возстаніи и приказъ двинуться усиленны-

---

[1]) Авторъ писалъ эти Записки для дѣтей своихъ. *П. Б.*

ми маршами къ границѣ и присоединиться къ арміи фельдмаршала графа Дибича, что̀ нами и было исполнено.

Эту несчастную междоусобную борьбу такъ часто описывали, что я считаю излишнимъ входить здѣсь въ подробное ея описаніе, но все таки полагаю, что для васъ будетъ небезполезно, если я представлю вамъ ея главные моменты, чтобы разъяснить кое-какія темныя стороны и исправить нѣкоторыя ошибочныя мнѣнія, на что̀ я думаю имѣть нѣкоторое право, потому что въ продолженіи всей войны былъ въ состояніи подробно знать все, что̀ дѣлалось, а послѣдніе пять мѣсяцевъ состоялъ даже начальникомъ штаба въ авангардѣ арміи, съ принадлежащими въ то время къ этой должности довольно обширными правами и достаточнымъ значеніемъ и, наконецъ, по вступленіи въ Варшаву, былъ облеченъ въ должность начальника штаба при военномъ генералъ-губернаторѣ графѣ Виттѣ.

Хотя правительству не безъизвѣстны были событія, предшествовавшія революціи и, зная неспокойный духъ тамошняго дворянства, оно предвидѣло возстаніе; но, въ виду полнаго довѣрія Великаго Князя Константина Павловича къ странѣ и войску, всякія приготовленія къ подавленію безпорядковъ представлялись вполнѣ излишними. И подлинно, Цесаревичъ имѣлъ право ожидать вѣрности и преданности отъ Польской арміи, потому что онъ всѣмъ сердцемъ ей принадлежалъ, и въ проявленіяхъ его расположенія не было недостатка. Отеческое чувство къ творенію своихъ рукъ выражалось въ немъ въ высшей степени пристрастно: онъ доставлялъ этимъ любимцамъ своимъ все, что̀ могъ; а власть его была обширна, по званію намѣстника и старшаго брата Государева. Имъ такжѐ много было сдѣлано для всего Царства Польскаго. Въ 1815 году не было въ Польшѣ ни фабрикъ, ни шоссейныхъ дорогъ, и нищета господствовала повсемѣстно; въ 1831 году застали мы страну въ цвѣтущемъ благосостояніи, усѣянную фабриками и перерѣзанную шоссейными путями по всѣмъ направленіямъ. Такимъ образомъ, когда вѣсть о вспыхнувшей революціи достигла Петербурга, и быстрота дѣйствій сдѣлалась неизбѣжною необходимостью, то всѣ близь границы стоявшія войска получили приказаніе выступать; но такъ какъ никакихъ приготовительныхъ мѣръ принято не было, то и пришлось считать за лучшее то, что̀ могло быть сдѣлано немедленно. Частію расчитывали на контрибуцію въ самой Польшѣ, а частію было предписано западнымъ губерніямъ доставлять войскамъ провіантъ и фуражъ на крестьянскихъ подводахъ. Чтобы не дать Полякамъ времени организоваться и перейти Вислу, покуда она еще покрыта льдомъ, а равно и во избѣжаніе всякихъ затрудненій отъ болотъ, была рѣшена зимняя кампанія, и 25-го Января 1831 г. перешли мы въ нѣсколькихъ мѣстахъ границу царства. Но Божіе благословеніе не сопутствовало намъ въ первой половинѣ нашего предпріятія, быть можетъ потому, что, въ нашей грѣховной самонадѣянности, мы были слишкомъ увѣрены въ успѣхѣ. Морозъ не явился къ намъ на помощь, постоянная оттепель распустила все, и уже Бугъ вынудилъ насъ пробыть на берегу его нѣсколько дней и принимать разныя мѣры для переправы, которая при всемъ томъ могла состояться лишь въ весьма немногихъ

пунктахъ. Подвигаясь далѣе, узнали мы, что и Висла вскрылась, и такимъ образомъ рушились всѣ надежды на зимній походъ и вмѣсто того, чтобы вступить церемоніальнымъ маршемъ въ Варшаву, гдѣ въ то время еще не были воздвигнуты укрѣпленія, стоившія намъ впослѣдствіи столько крови и гдѣ плоская мѣстность не могла оказать ни малѣйшаго отпора нашей блестящей кавалеріи, — мы вынуждены были бродить вдоль праваго берега Вислы, не имѣя при себѣ понтоновъ для переправы черезъ рѣку. Между тѣмъ дороги совершенно испортились, благодаря теплому времени, и ожидаемое продовольствіе подходило весьма медленно и въ совершенно-недостаточномъ количествѣ: бо́льшая часть его была потреблена на пути самими крестьянами, а остальное сложено ими въ городахъ, потому что они на своихъ жалкихъ лошаденкахъ не могли двигаться далѣе. На мѣстѣ мы также не находили никакихъ запасовъ, и часто наши люди и лошади подвергались крайнимъ недостаткамъ, въ особенности послѣднія, для которыхъ гнилая солома съ крышъ была нерѣдко лакомствомъ. Дибича всѣ упрекали, что послѣ битвы 13-го Февраля онъ не воспользовался полнѣйшимъ разстройствомъ Польской арміи и не проникъ слѣдомъ за нею въ Варшаву по Вислинскому мосту; но безосновательность подобнаго упрека можетъ легко быть доказана всякимъ здравомыслящимъ человѣкомъ, который пожелаетъ обсудить этотъ вопросъ на мѣстѣ. Во первыхъ, достаточно было бы одного человѣка, чтобы поджечь этотъ деревянный мостъ, не подвергаясь при томъ ни малѣйшей опасности. Во вторыхъ, лѣвый берегъ рѣки образуетъ крутой скатъ, вполнѣ господствующій надъ правымъ берегомъ, и будь оттуда пушки направлены противъ переправы, переходъ черезъ этотъ весьма длинный мостъ становится невозможнымъ; и наконецъ, въ третьихъ, тотчасъ за мостомъ начинается узенькая улица съ высокими, многоэтажными домами, такъ что пришлось-бы подниматься въ гору, гдѣ небольшая кучка отважныхъ защитниковъ могла-бы заслонить дорогу цѣлой арміи. Предположить, что ни одинъ Полякъ не имѣлъ-бы на столько отваги и присутствія духа, чтобы оказать сопротивленіе, было-бы несправедливо, такъ какъ Польскія войска всегда отличались храбростью.

Послѣ безполезной битвы 13-го Февраля мы заняли наши зимнія квартиры. Заботы о продовольствіи продолжались съ величайшею энергіею, и между прочимъ вашъ дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ Пейкеръ былъ посланъ въ Пруссію, чтобы, при содѣйствіи генеральнаго консула въ Данцигѣ — Тенгоборскаго (впослѣдствіи члена Государственнаго Совѣта) произвести необходимыя закупки, что́ и было выполнено съ успѣхомъ. Побоище при Остроленкѣ, едвали имѣющее себѣ подобное въ лѣтописяхъ военной исторіи, также оставалось безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, и тутъ Дибичъ заслужилъ справедливый упрекъ: онъ лишь на третій день началъ преслѣдовать непріятеля и тѣмъ далъ возможность разстроенной Польской арміи вновь собраться съ силами и организоваться. Послѣ этого сраженія мы безпрепятственно двинулись къ Пултуску, и весь вопросъ теперь заключался въ томъ, какъ мы перейдемъ черезъ Вислу. Наконецъ было рѣшено заказать мостъ въ Пруссіи и перейти рѣку близъ

Прусской границы, при чемъ мы еще пріобрѣтали то преимущество, что могли всего удобнѣе воспользоваться закупленнымъ для насъ продовольствіемъ. Вдругъ Дибичъ скончался; графъ Толь принялъ на себя временное начальство, и вскорѣ вновь назначенный главнокомандующій, князь Паскевичъ прибылъ въ армію. Признавая основательность предшествовавшихъ распоряженій своего предмѣстника, онъ предписалъ фланговое движеніе къ Прусской границѣ. Весьма слабо тревожимая непріятелемъ армія благополучно достигла моста, и какъ при немъ находилось лишь нѣсколько человѣкъ изъ Польской дружины, то переходъ черезъ Вислу совершился безъ малѣйшихъ затрудненій. Этотъ переходъ былъ первымъ значительнымъ успѣхомъ, достигнутымъ безъ всякаго кровопролитія; съ тѣхъ поръ дѣла пошли иначе, и явно стало благословеніе свыше. Мостъ былъ наведенъ въ такомъ мѣстѣ гдѣ занятый нами правый берегъ возвышается надъ сплошными болотами и кустарникомъ лѣваго берега; а съ сего послѣдняго идетъ одна только дорога на столь крутую высоту, что даже съ двойною упряжкою едва можно было втащить туда наши пушки и фуры. Непріятель съ немногими пушками и батальонами могъ надѣлать намъ большаго вреда, и если бы насъ встрѣтила здѣсь Польская армія, то едва ли бы переправа черезъ рѣку принесла намъ пользу, и можетъ быть пришлось бы идти назадъ. Но Польскія власти именно въ эти дни перессорились между собою. Никто изъ предводителей не хотѣлъ уходить изъ Варшавы, изъ опасенія, чтобы въ его отсутствіе противникъ его не взялъ верха.

Было тогда еще одно обстоятельство, которое теперь, когда уже нѣтъ въ живыхъ графовъ Дибича и Витта, извѣстно только графу Бергу и мнѣ, и котораго уже нечего больше таить. Поляки въ это время не могли получить почти никакихъ свѣдѣній о состояніи и размѣщеніи нашихъ войскъ. Одушевленіе народа, легко возбуждаемаго, но въ тоже время скоро устающаго, уже значительно ослабло. Предводители конечно затруднялись этимъ. Чтобы добыть нужныхъ извѣстій, наряжены были два артиллерійскіе офицера, которымъ велѣно пробраться въ нашъ лагерь. Имъ разумѣется устроили торжественные проводы, какъ героямъ; Польскія красавицы обнимали и цаловали ихъ на прощаніи. Они дѣйствительно отправились въ опасный путь свой, но одинъ пропалъ безъ вѣсти, а другаго захватили наши казаки и привели въ главную квартиру нашего авангарда, гдѣ его задержали какъ слѣдуетъ. Когда ему объявлено было, какой участи онъ подвергается по силѣ военныхъ законовъ, имъ овладѣло страшное отчаяніе, и онъ на колѣняхъ молилъ о пощадѣ. Пощада была ему дана, но подъ условіемъ, чтобы онъ составилъ свое донесеніе въ главную Польскую квартиру такъ, какъ ему прикажутъ. Передатчикомъ былъ Еврей, имѣвшій домъ и семью въ Пултускѣ; Поляки нарядили подставныхъ, чтобы скорѣе получить отъ этого Еврея необходимыя для нихъ извѣстія. Намъ надо было увѣрить Поляковъ, что мы намѣрены переправляться черезъ Вислу у Австрійской границы. Графъ Виттъ лично составлялъ донесеніе для Польскаго лазутчика, и оно было такъ ловко написано, что, не смотря на явныя противорѣчія, не смотря на то,

что всѣмъ было извѣстно объ устроеніи переправы съ Прусской границы и о заготовленныхъ въ тѣхъ мѣстахъ большихъ запасахъ, Поляки спутались въ извѣстіяхъ, не знали что̀ имъ дѣлать, и переправа наша черезъ Вислу обошлась безъ всякаго съ ихъ стороны препятствія. Много было тутъ смѣшныхъ сценъ, и мы не разъ хохотали.

Перейдя черезъ Вислу, мы остановились, чтобы перепечь въ хлѣбы муку полученную изъ Пруссіи и дать войскамъ вздохнуть. Остановка эта длилась дольше, чѣмъ слѣдовало, какъ и вообще Паскевичь не любилъ спѣшить, а пользовался временемъ. Наконецъ мы пошли впередъ и при Псурѣ встрѣтили непріятеля въ сильномъ положеніи. Правое крыло его опиралось на Вислу, передовая линія прикрывалась Псурою, рѣкою не очень глубокою, но чрезвычайно тинистою и топкою, правый берегъ которой, занятый Поляками, состоялъ почти сплошь изъ лѣсу и кустарника. У лѣваго крыла находился укрѣпленный городокъ Ловичь, кругомъ котораго извиваются небольшія, болотистыя рѣчки, образующія въ соединеніи своемъ рѣку Псуру. Въ Ловичѣ Поляки устроили гошпиталь на 2 т. человѣкъ. Не смотря на приближеніе наше, они не увезли больныхъ,—доказательство, что свое положеніе и особенности въ Ловичѣ почитали они вполнѣ надежными. Кровавое столкновеніе, долженствовавшее стоить намъ многихъ тысячь людей, было неизбѣжно. Фельдмаршалъ медлилъ нападеніемъ; но осень приближалась, и терять время было уже нечего. Въ это, конечно, нелегкое время, однажды ночью разбудилъ меня казакъ и объявилъ, что онъ и его товарищъ заняли Ловичь, что товарищъ остался тамъ сторожить, а онъ поспѣшилъ сюда дать знать. Сначала я подумалъ, что онъ сходитъ съ ума; но онъ сталъ разсказывать, какъ, стоя часовыми на мосту, который ведетъ къ городу Ловичу, они услышали въ городѣ большой шумъ, за которымъ послѣдовала глубокая тишина, какъ они потомъ прокрались въ городъ и тамъ убѣдились, что весь гарнизонъ вышелъ, и въ Ловичѣ не осталось ни одного солдата. Я туже минуту пошелъ къ генералу Муравьеву (впослѣдствіи Кавказскому намѣстнику) и просилъ его идти въ Ловичь съ своимъ отрядомъ и со всѣми, кто ему попадется на встрѣчу. Я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы весь авангардъ былъ готовъ выступить, послалъ надежнаго офицера удостовѣриться въ этомъ удивительномъ дѣлѣ и разбудилъ графа Витта. Муравьевъ выступилъ черезъ четверть часа, а весь авангардъ черезъ три четверти; фельдмаршалу немедленно послано донесеніе, и въ 8 часовъ утра главная квартира была уже въ Ловичѣ. Поляки показались было, но, видя, что городъ занятъ крѣпко, ушли назадъ. Ихъ выступленіе изъ Ловича совершилось такъ скоро, что они не сожгли моста, который велъ туда съ нашей стороны, чѣмъ значительно сократилось для насъ время. Уже по взятіи Варшавы, объяснилъ мнѣ причину этого поспѣшнаго и тогда непонятнаго для насъ выступленія генералъ Стрынскій, командовавшій гарнизономъ Ловича. Шесть казацкихъ полковъ нашего авангарда, за невозможностью дѣйствовать имъ противъ праваго непріятельскаго крыла и противъ его передовой линіи, были всѣ собраны противъ

лѣваго крыла и начали производить тутъ свои отчаянные и мастерскіе наѣзды. Они нападали на всѣ отряды, присылаемые для подкрѣпленія находившагося въ Ловичѣ Польскаго корпуса, проникали даже за Ловичь, и внушили Стрынскому опасеніе, а потомъ и увѣренность, что Русская армія можетъ боковымъ переходомъ напасть на длинно-растянувшуюся Польскую линію въ самой ея серединѣ и окончательно отрѣзать войска, находившіяся въ Ловичѣ. Стрынскій не сообразилъ, что подобное боковое движеніе сопряжено было бы для насъ съ великими затрудненіями, и подъ вліяніемъ страха ушелъ изъ города такъ скоро, что не зажегъ моста и оставилъ въ наши руки большой гошпиталь.

Покинувъ позицію при Псурѣ, Поляки не могли уже держаться въ открытомъ полѣ и отступили за укрѣпленія Варшавы, куда мы послѣдовали за ними. Сраженіе подъ Варшавою при мѣстечкѣ Маціершице (Macierscice) окончилось блестящимъ для насъ образомъ, при чемъ мы захватили въ плѣнъ весь высланный противъ насъ отрядъ въ 2000 человѣкъ подъ начальствомъ Французскаго полковника Галуа, съ двумя пушками и всѣмъ обозомъ; но этотъ успѣхъ не имѣлъ впрочемъ дальнѣйшаго вліянія на исходъ дѣла. Такимъ образомъ мы очутились на Варшавскихъ равнинахъ и приступили къ осадѣ. Послѣдовавшій затѣмъ штурмъ укрѣпленій былъ блестящій и выполненъ съ образцовою точностію; но такъ какъ фельдмаршалъ не желалъ подвергать городъ неизбѣжной опасности приступа, то начаты переговоры, которые окончились сдачею Варшавы, а Польская армія выступила къ Прусской границѣ.

Тѣмъ окончился походъ, и Польша была вновь завоевана, потому что ея разстроенная армія не помышляла о сопротивленіи; она перешла границу, гдѣ положила оружіе и сдалась Пруссакамъ. Въ продолженіи всей этой несчастной войны Поляки обнаружили самую блестящую храбрость, но вмѣстѣ съ тѣмъ и невозможность долгаго единодушія; величайшій патріотизмъ во всѣхъ случаяхъ, когда онъ могъ внѣшнимъ образомъ проявляться, но въ тоже время и полнѣйшій эгоизмъ, когда ихъ тщеславіе было уязвляемо; безграничное легкомысліе и отсутствіе всякаго чувства приличія во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Вмѣстѣ съ истинно-рыцарскимъ и благороднымъ настроеніемъ въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ и подъ вліяніемъ минутнаго одушевленія, они не отличались ни малѣйшею выдержкою въ своихъ предпріятіяхъ и весьма часто впадали въ совершеннѣйшее самоуниженіе. Ихъ существомъ не руководило истинно-религіозное чувство, и религія большею частью была имъ дорога, какъ политическое орудіе, какъ-бы освящавшее своимъ одобреніемъ всѣ ихъ возмущенія противъ Россіи. Конечно я знавалъ многія исключенія изъ этого общаго правила, любилъ и уважалъ этихъ людей; но все-же то были лишь исключенія, и такія личности рѣдко пользовались всеобщимъ уваженіемъ. Я могъ-бы представить тому множество примѣровъ, но не нахожу повода выставлять ихъ на показъ.

По взятіи Варшавы графъ Витте былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ города и губерніи, а я начальникомъ его штаба. Совер-

шенно изнуренный пятимѣсячнымъ исправленіемъ должности начальника штаба въ авангардѣ, безъ малѣйшаго покоя ни днемъ, ни ночью, я просилъ уволить меня отъ этого званія или по крайней мѣрѣ предоставить мнѣ дня три, чтобы выспаться и отдохнуть; но такъ какъ фельдмаршалъ лично выразилъ мнѣ свое желаніе въ видѣ просьбы, то никакое дальнѣйшее сопротивленіе не оказывалось возможнымъ. Какъ только мы овладѣли Варшавою, надобно было тотчасъ ввести въ ней управленіе, которое совершенно распáлось и обратить возникшую при Польскомъ господствѣ анархію вновь въ положительное благоустройство. Вечеромъ того дня, когда мы вступили въ городъ, у меня работали уже 20 чиновниковъ, раздѣленныхъ на пять отдѣловъ, и такъ какъ въ тотъ-же вечеръ число просителей доходило до тысячи, и они держали дворъ, садъ и всѣ комнаты въ осадномъ положеніи: то мы въ первые три дня не могли уснуть ни минуты, и лишь впослѣдствіи, когда всѣ убѣдились, что всякое прошеніе разсматривалось и получало быстрое направленіе, приливъ Варшавскаго населенія сдѣлался болѣе покойнымъ и правильнымъ, и мы по крайней мѣрѣ могли поддерживать наши силы ночнымъ отдохновеніемъ. Здѣсь я долженъ возстановить фактъ, за истину котораго могу поручиться. Говорили и печатали, что во время штурма Варшавы творились многіе грабежи и другія беззаконія. Такъ какъ жалобы на подобныя дѣйствія поступали ко мнѣ, то я могу удостовѣрить, что до меня дошло только 6 или 7 жалобъ, весьма неважнаго свойства, на грабежъ и присвоеніе чужой собственности, и виновные въ томъ подверглись строгому наказанію. Не думаю, чтобы въ подобныхъ случаяхъ когда либо соблюдался лучшій дисциплинарный порядокъ.

Послѣдствія столь долгаго и усиленнаго напряженія вскорѣ обнаружились: я подвергся сильнѣйшему припадку холерины, едва не доведшему меня до могилы; но по милости Божьей вновь поднялся на ноги, однако ослабъ до того, что получилъ отъ фельдмаршала неограниченный отпускъ въ Россію для возстановленія здоровья.

Эта кампанія произвела существенную перемѣну въ моемъ поприщѣ: я началъ ее только что произведеннымъ въ полковники съ Анною 2-й степени и Владиміромъ 4-й степени, и получилъ за Грохово Владиміра 3-й степени, за Нуръ аренду въ 800 р. сер. на 12 лѣтъ, за Маціерчицу золотую шпагу и за штурмъ Варшавы, по собственному желанію, былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, такъ какъ я, по совершенно-разстроенному здоровью, не могъ уже долѣе оставаться въ военной службѣ.

Заключая здѣсь мой разсказъ о Польской кампаніи, считаю нужнымъ присовокупить, что въ продолженіи этого похода я возымѣлъ высокое уваженіе и расположеніе къ нашему войску и въ особенности къ нашимъ солдатамъ. Блестящая храбрость, стойкость при удачѣ и неудачѣ, спокойное, сносливое отношеніе ко всякимъ лишеніямъ, глубокая благодарность за всякій знакъ доброжелательства, ловкость и готовность выполнять полученныя приказанія, суть качества, которыми Русскій обладаетъ въ высшей степени и которыя весьма часто не цѣнятся, а употребляются во зло начальниками. Бывало не рѣд-

ко, что продовольствіе выдавалось весьма скудное; я навѣщалъ лагерь и выражалъ на этотъ счетъ мое сожалѣніе; солдаты бодро смотрѣли мнѣ въ глаза и утѣшали меня словами: „еще не такъ плохо, и настанутъ еще хорошіе деньки.“ Когда они видятъ доброжелательство и должную оцѣнку, то ихъ нелегко сбить съ толку.

Получивъ отпускъ, я отправился къ моему зятю, который проживалъ въ то время въ арендномъ имѣніи въ Могилевской губерніи, на границѣ Смоленской, въ селѣ Трипутинѣ, гдѣ ожидали меня матушка и жена моя съ сыномъ. Здѣсь получилъ я прямо отъ тогдашняго министра Народнаго Просвѣщенія князя Ливена совершенно-неожиданное предложеніе принять на себя вновь учреждаемую должность попечителя въ Кіевѣ. Я долженъ былъ отвѣчать на это, что здоровье мое совершенно ослаблено, что въ тамошнемъ краю дѣло воспитанія неизбѣжно связано съ политическими вопросами, которые утомили меня, и что въ добавокъ у меня нѣтъ состоянія, а человѣку небогатому невозможно съ успѣхомъ занимать такую должность.

Въ Маѣ мы поѣхали на островъ Эзель навѣстить родныхъ и купаться въ морѣ; а въ Сентябрѣ отправились въ Петербургъ, гдѣ должно было опредѣлиться мое будущее поприще.

Когда я представился князю Ливену (котораго до тѣхъ поръ никогда не видалъ) и доложилъ ему, что я охотно принялъ бы мѣсто попечителя, только не въ западныхъ губерніяхъ, то онъ отвѣчалъ, что другаго такого мѣста нѣтъ, кромѣ учреждаемаго въ Кіевѣ. Онъ не хотѣлъ слушать моихъ возраженій, но любезно пригласилъ меня бывать у него къ обѣду. Между тѣмъ школьный товарищъ мой Карлъ Поль говорилъ мнѣ много хорошаго про своего тогдашняго начальника Блудова. Я рѣшился поѣхать къ Блудову и спросить, не приметъ ли онъ меня на службу по своему вѣдомству. Я явился къ нему безъ всякой рекомендаціи и назвалъ только прежнихъ моихъ начальниковъ, прося, чтобъ онъ освѣдомился обо мнѣ у нихъ. Искать мѣста подобнымъ образомъ не въ обычаѣ. Блудовъ, кажется, принялъ во мнѣ участіе и, послѣ довольно продолжительной бесѣды, сказалъ, чтобы я къ нему навѣдался, когда кончится переписка по производству моему въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Но черезъ два дня онъ прислалъ звать меня къ себѣ и объявилъ, что готовъ опредѣлить меня на всякое порожнее мѣсто въ своемъ министерствѣ. Губернаторство въ Ставрополѣ я отклонилъ, а когда онъ предложилъ мнѣ туже должность въ Эстляндіи, я отвѣчалъ, что готовъ съ благодарностію принять ее. Явно, что необыкновенная внимательность Блудова была слѣдствіемъ полученныхъ обо мнѣ хорошихъ отзывовъ; но отъ кого именно шли эти отзывы, я не могъ узнать. Между тѣмъ князь Ливенъ очень ласково принималъ меня; послѣ обѣда, когда другіе гости разъѣдутся, мы оставались съ нимъ съ глазу на глазъ въ пріятной бесѣдѣ. Я посѣщалъ его довольно часто, хотя нерѣдко мы расходились во мнѣніяхъ, и не разъ доходило у насъ до горячихъ споровъ. Однажды только онъ опять заговорилъ о Кіевѣ, но я по прежнему отказался. Я лежалъ въ постелѣ больной, когда пріѣхалъ ко мнѣ директоръ

его канцеляріи съ увѣдомленіемъ отъ имени князя, что производство мое состоялось и что я назначенъ попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа. Сначала меня глубоко огорчило такое насильственное распоряженіе моею судьбою. Я отправился поговорить съ Блудовымъ. Онъ мнѣ сказалъ, что выборъ зависитъ отъ меня и что онъ готовъ представить Его Величеству о назначеніи меня въ Эстляндію, но что онъ совѣтуетъ мнѣ безусловно подчиниться волѣ Государя, что въ подобныхъ случаяхъ Государь не любитъ противорѣчій, хотя бы и самыхъ основательныхъ, что и безъ того я уже показалъ свою настойчивость: ибо когда меня представляли къ чину дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Его Величество выражалъ желаніе, чтобъ я оставался въ военной службѣ, отзываясь, что для возстановленія здоровья можно бы дать мнѣ отпускъ за границу на неопредѣленное время. Такимъ образомъ, мнѣ приходилось покориться своей участи. Я имѣлъ весьма значительный разговоръ съ Ливеномъ, послѣ чего началъ готовиться къ исполненію моихъ будущихъ обязанностей.

Для этого я просилъ князя дать мнѣ возможность познакомиться съ училищами въ Петербургѣ. Онъ мнѣ поручилъ осмотрѣть ихъ и донести объ ихъ состояніи. Около двухъ или трехъ мѣсяцевъ сряду, ежедневно проводилъ я все дообѣденное время, отъ 8 до 2 часовъ, въ учебныхъ заведеніяхъ, а именно у Миддендорфа въ Педагогическомъ Институтѣ, въ 3-й гимназіи у Шнейдера, въ Петропавловской школѣ у Шуберта и въ Реформатскомъ церковномъ училищѣ у Гордака. Въ остальныхъ заведеніяхъ мнѣ нечему было позаимствоваться. Реформатская школа была въ особенности предметомъ моего прилежнаго изученія, такъ какъ въ ней, какъ нигдѣ въ Россіи, процвѣтало первоначальное преподаваніе, въ курсѣ трехкласснаго уѣзднаго училища, и при томъ на строго-обдуманномъ основаніи. Иногда мнѣ случалось просиживать тамъ, на школьной скамьѣ, по цѣлымъ утрамъ и напрягать все вниманіе, что̀ потомъ принесло мнѣ великую пользу въ Кіевѣ, гдѣ я не встрѣтилъ ни малѣйшихъ понятій о педагогіи и гдѣ мнѣ приходилось самому вводить образовательные пріемы преподаванія. По совѣту моему многіе мои родственники отдали дѣтей своихъ въ эту школу, и примѣру этому послѣдовали потомъ многія другія высоко поставленныя лица.

Въ Ноябрѣ надлежало приступить къ окончательнымъ распоряженіямъ относительно моего отъѣзда и хотя князь Ливенъ благоволилъ ко мнѣ, но его безграничная бережливость казенныхъ денегъ не дозволила ему поставить меня въ такое положеніе, чтобы я могъ считать свое существованіе обезпеченнымъ. Все мое содержаніе было опредѣлено въ 6000 руб. ассигнаціями; на путевыя издержки я не получилъ ни гроша, и даже по поводу самыхъ неотложныхъ служебныхъ потребностей возникала постоянно въ высшей степени непріятная борьба, которая глубоко оскорбляла меня, при томъ искреннемъ уваженіи, которое я питалъ къ характеру этого впрочемъ столь достойнаго человѣка, тѣмъ болѣе, что это часто доводило меня до весьма непріятныхъ вспышекъ. Но дѣло зашло уже слишкомъ далеко, что-

бы можно было остановить его, и потому я рѣшился, при этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, предпринять мое путешествіе въ Декабрѣ мѣсяцѣ.

Доѣхавъ до Черниговской губерніи, принадлежавшей къ моему учебному округу, я остановился въ г. Стародубѣ и отправился въ 9 часовъ утра въ уѣздное училище. Я засталъ всѣхъ учениковъ бѣгающими по двору и по ихъ слѣдамъ стараго, хромаго солдата, который расправлялся съ ними словомъ и дѣломъ, когда они слишкомъ бунтовали и подвергались какой либо тѣлесной опасности. При моемъ появленіи, они нѣсколько смутились; но такъ какъ я отнесся къ нимъ весьма привѣтливо, то игры продолжались до 10-ти часовъ, когда всѣ перешли въ классы, гдѣ и я преспокойно усѣлся. Въ 11 часовъ появился первый учитель, а въ 11½ и двое остальныхъ. Меня не тревожили, и я присутствовалъ при преподаваніи, которое заключалось единственно въ буквальномъ переспросѣ уроковъ и въ распредѣленіи новыхъ задачъ. По окончаніи классовъ, я назвалъ себя и просилъ учителей явиться ко мнѣ немедленно въ полномъ составѣ, при чемъ въ сильнѣйшемъ возмущеніи высказалъ имъ мой взглядъ на подобный образъ дѣйствій. Но инспекторъ смиренно представилъ мнѣ слѣдующее оправданіе: что сегодня-де базарный день, что жалованье учителей заключается въ 120 р. ассигн., что они не въ состояніи держать у себя прислуги и потому должны пользоваться торговымъ днемъ, если желаютъ продовольствоваться въ теченіи всей недѣли. Разумѣется, я не вправѣ былъ придавать этимъ причинамъ оффиціальнаго значенія; но „языкъ мой прильпѣ къ гортани“, и я съ трудомъ могъ воздержаться отъ смѣха. Въ Черниговѣ осматривалъ я гимназію и нашелъ совершенно запущенное и нетопленное помѣщеніе, дряхлаго директора, мало хорошихъ, а большею частью слабыхъ учителей и весьма даровитую, но вполнѣ неразвитую молодежъ; и здѣсь также старшій учитель получалъ 300 р. ассигн. жалованья. Эти оба заведенія послужили мнѣ мѣриломъ для всѣхъ остальныхъ, и я съ грустнымъ чувствомъ продолжалъ свой путь въ Кіевъ, ожидая весьма немногаго въ будущемъ. Какъ я могъ надѣяться пріобрѣсти даже посредственныхъ преподавателей при существующихъ окладахъ?

Верстъ за 20 до Кіева есть въ лѣсу поляна, откуда виднѣются куполы знаменитаго монастыря Кіево-Печерской лавры; на этомъ мѣстѣ я засталъ болѣе ста крестьянъ и крестьянокъ, шедшихъ изъ разныхъ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстностей и соединившихся на пути для совмѣстнаго паломничества. Когда они увидѣли издали святыя мѣста, то всѣ пали ницъ, чтобы въ величайшемъ смиреніи привѣтствовать эту священную обитель. Исходило ли это наружное проявленіе изъ глубины души, извѣстно лишь одному Божественному Сердцевѣдцу, но это зрѣлище пріятно меня тронуло. Мѣстоположеніе Кіева производитъ величественное и привѣтливое впечатлѣніе. Высокій берегъ Днѣпра въ своихъ развѣтвленіяхъ пересѣкаетъ городъ во многихъ мѣстахъ и образуетъ горы и долины, вошедшія въ составъ городской черты. Почти каждый домъ обнаруживаетъ какую нибудь новую прелесть, и послѣ многолѣтняго тамъ пребыванія бываешь

иной разъ удивленъ при видѣ чего-нибудь еще никогда не виданнаго. Красивыя, древнія церкви съ многочисленными, высокими колокольнями немало способствуютъ къ усиленію общаго впечатлѣнія. Окрестности Кіева также величественны и очаровательны, за исключеніемъ непригожаго лѣваго берега, который совершенно плоскій, почти въ уровень съ рѣкою и представляетъ взорамъ лишь песокъ и корявый лѣсъ.

Первое свое посѣщеніе направилъ я въ гимназію. Я нашелъ значительное, но совершенно запущенное зданіе, въ которомъ едва можно было взобраться по прежней парадной лѣстницѣ, ведущей во второй этажъ: до того она была близка къ разрушенію. Комнаты никогда не топились, и сохранился похвальный обычай не мести ихъ, даже ради пріѣзда новаго начальника. Учителя и воспитанники сидѣли по просту въ бараньихъ шубахъ, и при входѣ моемъ первые сняли ихъ, чтобы показать мнѣ, что они въ мундирахъ. Эти учителя, съ длинными, всклокоченными волосами, и многіе изъ старшихъ учениковъ небритые, имѣли довольно дикій видъ. Въ числѣ долгихъ бородъ нѣкоторыя еще находились въ младшемъ классѣ, и я узналъ, что многіе уже 8 лѣтъ въ немъ оставались и при этомъ промышляли извощичьимъ ремесломъ, а также состояли въ услуженіи въ лавкахъ и мастерскихъ и посѣщали гимназію раза два въ мѣсяцъ, не имѣя при томъ другой цѣли кромѣ добродушнаго удовольствія пощеголять на праздникахъ въ гимназическомъ мундирѣ. Директору и инспектору, вмѣстѣ взятымъ, было 150 лѣтъ отъ роду; первый изъ нихъ весьма достойный, но ни по дарованіямъ своимъ, ни по здоровью неспособный человѣкъ; второй вполнѣ непригодный, хотя еще бодрый. Въ числѣ учителей было нѣсколько даровитыхъ личностей, но всѣ безъ исключенія выполняли свои обязанности какъ тяжелое ремесло. Уѣздное училище, находившееся въ томъ-же помѣщеніи, отличалось тѣмъ-же складомъ: инспекторъ старый, но еще вполнѣ свѣжій человѣкъ, лѣтъ 60-ти, пользовался славою ничѣмъ не брезгать со стороны учениковъ. Простой ли бѣлый хлѣбъ или бутылку вина и водки,—все принималъ онъ съ должною признательностью, и часто лѣтомъ прерывались классы, чтобы доставить дѣтямъ укрѣпляющее, тѣлесное упражненіе посредствомъ обработки его сада.

Я крѣпко взмылилъ голову учителямъ и предъявилъ имъ ясно и подробно мои требованія и при этомъ приказалъ топить въ классахъ и приготовить смѣты для исправленія зданія, послѣ чего я возвѣстилъ имъ, что намѣренъ теперь же совершить мѣсячный объѣздъ, а послѣ ревизіи и по возвращеніи подробно осмотрю гимназію и если не найду перемѣны въ способѣ преподаванія, то это можетъ имѣть для нихъ весьма пагубныя послѣдствія.

Дня черезъ два я справился съ нужнѣйшими визитами и получилъ въ это время депутацію со стороны дворянства Волынской губерніи, которое весьма сердечно меня привѣтствовало и выражало заранѣе свое ко мнѣ довѣріе. Это неожиданное явленіе впослѣдствіи разъяснилось тѣмъ, что офицеры бывшей Польской арміи, вернувшись на родину, отзывались обо мнѣ съ благодарностью, чего я никакъ не ожи-

далъ, не сдѣлавъ для нихъ ничего особеннаго; но это привлекло ко мнѣ сердца дворянъ.

Производя ревизію въ Подольской и Волынской губерніяхъ, я нашелъ школы вообще въ гораздо лучшемъ состояніи, чѣмъ въ Кіевѣ и Черниговѣ, хотя и тутъ обнаруживались весьма существенные недостатки, а господствующее направленіе отличалось вполнѣ монашескимъ характеромъ. Во всѣхъ городахъ меня встрѣчали знатнѣйшія лица изъ окрестнаго дворянства, и всѣ просили позволенія присутствовать на ревизіи, на что я охотно соглашался, и они являлись цѣлыми толпами. Это было тѣмъ замѣчательнѣе, что, изъ желанія выиграть время, я производилъ экзамены отъ 7 часовъ утра до 9 часовъ вечера, съ перерывомъ только въ обѣденное время.

Тогда же посѣтилъ я Кременецъ. Онъ лежитъ недалеко отъ Австрійской границы, въ живописной мѣстности. Тамъ еще оставались тогда всѣ преподаватели, чиновники, кабинеты, ботаническій садъ и библіотека такъ называемаго Кременецкаго Лицея. Онъ былъ устроенъ знаменитымъ Чацкимъ, человѣкомъ знатнымъ, богатымъ, всѣми уваженнымъ, чрезвычайно-образованнымъ и до фанатизма преданнымъ учебному дѣлу, для успѣховъ котораго онъ готовъ былъ на всякую жертву. Онъ старался добывать нужныя суммы, предлагая свои ходатайства, а рѣдкія книги или другія достопримѣчательные предметы просто похищалъ собственноручно, коль скоро нельзя было получить ихъ иначе. Лицей имѣлъ назначеніемъ доставлять высшему дворянству соотвѣтственное образованіе и воспитывать молодыхъ людей вѣрными подданными Русскаго императора, но съ сохраненіемъ народности. Чацкій воспользовался для того своимъ сильнымъ значеніемъ, которое основывалось отчасти на особливой милости къ нему императора Александра, и старался какъ можно выше поднять Лицей и доставлять ему всѣ нужныя матеріальныя средства. Это и удалось ему: Кременецъ явно соперничалъ съ Вильною, и многіе профессора были лучше Виленскихъ. Суетность знати удовлетворялась, добровольныя пожертвованія умножались, собранъ былъ капиталъ въ нѣсколько сотъ тысячъ, и распространялось убѣжденіе, что частный человѣкъ обязанъ жертвовать своими собраніями на умноженіе собраній Лицея. Такимъ образомъ число книгъ въ библіотекѣ превысило 100 тысячъ томовъ, и кабинеты видимо умножались. Многіе ревностные патріоты начали проводить въ Кременцѣ зимніе мѣсяцы; маленькій дотолѣ городокъ оживился безпрестанными балами и другими увеселеніями, въ которыхъ преимущественно участвовала учащаяся молодежъ. Дошло до того, что на масляницу многія знатнѣйшія семейства переселялись въ Кременецъ изъ Парижа. Много говорили о томъ, что въ Лицеѣ воспитываются фанатики; но въ сущности это было не такъ. Фанатизмъ былъ естественнымъ послѣдствіемъ общественныхъ связей, и его питали женщины, имѣющія въ западныхъ губерніяхъ великую власть надъ молодежью. Кременецъ сдѣлался любимымъ мѣстопребываніемъ Польскаго дворянства, и по

смерти Чацкаго стала въ тамошнемъ обществѣ развиваться мысль о будущей самостоятельной, великой Польшѣ, а въ сердцахъ укоренялась враждебность къ метрополіи и къ государству, съ коимъ связана была Польша. Самый Лицей немного или почти вовсе не содѣйствовалъ этому превратному направленію; напротивъ, директоръ и преподаватели оставались почти совершенно чужды оному и негодовали на то, что возбужденіе умовъ отвлекало молодыхъ людей отъ науки. Послѣднимъ директоромъ былъ породнившійся впослѣдствіи съ нами Бокчанинъ, человѣкъ, вполнѣ преданный правительству, твердыхъ правилъ и вѣрный долгу. Въ профессорахъ я встрѣтилъ людей, фанатически преданныхъ только своей наукѣ и мало помышлявшихъ о дѣлахъ міра сего. Правда, двое представляли исключеніе, и одинъ изъ нихъ Русскій; но и тѣхъ во всякомъ случаѣ нельзя назвать дѣятелями. Большая часть преподавателей перешли потомъ въ Кіевскій университетъ, и туда же перевезены Лицейскія собранія, въ томъ числѣ и рѣдкія растенія ботаническаго сада.

Изъ Кременца, гдѣ я пробылъ цѣлую недѣлю, чтобы вполнѣ ознакомиться съ дѣломъ и сдѣлать нужныя распоряженія къ перевозкѣ движимости, я совершилъ поѣздку въ знаменитый Почаевскій монастырь, находящійся въ 4-хъ или 5-ти верстномъ разстояніи отъ Австрійской границы и доставшійся крестьянамъ-уніятамъ, при переходѣ ихъ въ православіе. Я навѣстилъ проживавшаго тамъ Волынскаго епископа. Этотъ монастырь и теперь еще служитъ мѣстомъ поклоненія для великаго множества прежнихъ уніятовъ; строенія его обширны, весьма красивы и большею частью воздвигнуты нѣкіимъ графомъ Потоцкимъ, который былъ всѣмъ извѣстенъ какъ чудовище и желалъ замолить свои грѣхи этими приношеніями. И понынѣ неистлѣвшіе бренные останки его, въ полномъ одѣяніи, лежатъ на столѣ въ одной изъ многихъ комнатъ монастыря; но, при всей ихъ нетлѣнности, не могли найти достаточнаго повода, чтобы признать графа достойнымъ канонизаціи.

По возвращеніи въ Кіевъ, прежде всего необходимо было учредить управленіе округомъ; но князь Ливенъ, изъ экономическихъ соображеній, не опредѣлялъ ко мнѣ секретаря, выбраннаго мною въ Петербургѣ, и на первыхъ порахъ обстановка моя была самая жалкая. Тогда же я началъ ревизовать гимназію, съ двоякою цѣлію — познакомиться съ ея состояніемъ и въ тоже время, посредствомъ экзаменовъ, опредѣлить главнѣйшія черты въ системѣ преподаванія. Тутъ я замѣтилъ съ радостію, что въ отсутствіе мое учителя начали усерднѣе заниматься дѣломъ, и хотя не успѣли произвести что либо значительное, но уже желали того. Прежде всего надлежало доставить имъ насущный хлѣбъ, чтобъ они могли существовать какъ на службѣ, такъ и внѣ ея. Я отправилъ къ этому предмету настоятельное представленіе къ только что вступившему тогда въ должность министру Уварову, прося ввести уже утвержденный новый штатъ Кіевскаго учебнаго округа, и не увольнялъ никого изъ преподавателей, пока на его долю не выходило пенсіона,

болѣе значительнаго противъ прежняго. Между тѣмъ я искалъ людей, дѣлалъ нѣкоторыя предварительныя распоряженія, чтобы при благопріятнѣйшей обстановкѣ привлечь болѣе годныхъ людей и продолжалъ ежедневно посѣщать гимназію, заступая мѣсто директора и инспектора, прилежно наблюдая за преподаваніемъ и руководя имъ. Стараго директора я попросилъ отдохнуть и, чтобы не огорчить его, поручилъ его сыну, бывшему учителемъ, исполнять мои приказанія по гимназіи. Инспектора назначилъ я въ предсѣдатели одной коммисіи, и такимъ образомъ мнѣ по крайней мѣрѣ никто не мѣшалъ повести дѣло въ иномъ направленіи.

Генералъ-губернаторъ графъ Левашевъ, находившійся въ Петербургѣ, когда я пріѣхалъ въ Кіевъ, теперь возвратился. Сначала ему было непріятно мое назначеніе, такъ какъ онъ вовсе не зналъ меня, а по независимому положенію моему я имѣлъ возможность иной разъ противодѣйствовать ему; но познакомившись мы весьма подружились. Супруга его [5]) въ высшей степени достойная женщина, оказывала мнѣ также много довѣрія и дружбы.

Въ это время высшее учебное учрежденіе въ Кіевѣ становилось настоятельною необходимостью. Въ немъ какъ нельзя болѣе нуждалась молодежъ западныхъ губерній и царства, и кромѣ того чувствовалась потребность въ приготовленіи хорошихъ учителей. Происходили о томъ совѣщанія, и сначала въ Петербургѣ рѣшено было учредить Университетъ въ Оршѣ для Бѣлорусскаго учебнаго округа, а въ Кіевѣ Лицей. Конечно для меня было чрезвычайно важно добиться Университета въ Кіевѣ. Левашовъ весьма желалъ того же, и мы оба ревностно старались достигнуть нашей цѣли. Дѣло удалось скорѣе, нежели мы разсчитывали, потому что не предъявлено было никакого затрудненія со стороны моего сосѣда, Бѣлорусскаго попечителя Карташевскаго, человѣка очень ученаго и въ высшей степени достойнаго, но робкаго и нерѣшительнаго. Не прошло года, какъ меня потребовали въ Петербургъ для ближайшихъ разъясненій. Суммъ Лицея было достаточно, чтобы покрыть содержаніе Университета въ первые два года и, по устраненіи важнаго денежнаго вопроса, уставъ былъ утвержденъ, и я получилъ уполномочіе учредить Университетъ, какъ скоро дозволятъ обстоятельства; я же, чтобы не терять времени въ столь важномъ дѣлѣ, объявилъ, что открою Университетъ въ Іюлѣ слѣдующаго года. Эта быстрота возбудила всеобщее удивленіе. Мнѣ говорили, что я не найду ни помѣщенія, ни преподавателей; а я съ своей стороны возражалъ, что помѣщеніе найду какое придется, что преподавателей нельзя приглашать за много лѣтъ впередъ и если затрудняться преподавателями, то могутъ пройти многіе годы прежде, чѣмъ найдешь ихъ, какихъ желательно; что во всякомъ случаѣ дѣло это очень важно, и по нуждѣ я открою Университетъ на улицѣ (къ каковой крайности я конечно не думалъ прибѣгать). Рѣшительность моя одолѣла всѣ сомнѣнія, вызвала даже одушевленіе къ этому дѣлу, такъ что старикъ отецъ вашъ нѣкоторое время былъ моднымъ человѣкомъ, и знакомства его

[5]) Графиня Авдотья Васильевна, урожденная Пашкова. *П. Б.*

искали самыя высшія особы. Но это, разумѣется, какъ и бываетъ со всякою модою, продолжалось недолго. Добившись столь важнаго рѣшенія, я возвратился въ Кіевъ.

Между тѣмъ введенъ новый штатъ учебнаго округа: чиновникамъ и учителямъ предоставлены пенсіоны, какихъ они никогда не ожидали. Я былъ такъ счастливъ, что уволить пришлось только инспектора Кіевской гимназіи; остальные неспособные и лѣнивые учителя, а равно и тѣ, которымъ сдѣлалось неудобно продолжать безнравственный образъ жизни, сами просили объ увольненіи, въ виду строго заявленныхъ требованій. Назначеніе хорошихъ директоровъ и инспекторовъ въ гимназіи и уѣздныя училища и ежегодный осмотръ всѣхъ этихъ заведеній сообщили имъ новую жизнь и дали возможность постепенно совершенствоваться.—Лицей, основанный въ Нѣжинѣ щедротами семейства Безбородковъ, нашелъ я также въ состояніи разложенія. Онъ состоялъ изъ жалкаго математическаго факультета и не былъ связанъ съ гимназіею, отчего занятія не представляли никакой опредѣленной цѣли, и въ студенты поступали только на степендіи. Директоромъ былъ старикъ, не имѣвшій никакого усердія къ заведенію; молодежъ свободно распутничала; профессора были по большей части вполнѣ ничтожные люди, и во всякомъ случаѣ непохвальнаго образа жизни. По моимъ настоятельнымъ представленіямъ, учрежденъ юридическій факультетъ, и къ Лицею присоединена гимназія. Благодаря этому и назначенію надежнаго директора и знающихъ преподавателей, учрежденіе оживилось и стало преуспѣвать. По этому поводу припоминаю два случая, произведшіе на меня сильное впечатлѣніе. Учитель Нѣмецкаго языка въ Кіевской гимназіи, отчаянный пьяница, какъ скоро прибылъ новый попечитель, еще не представляясь ему, рѣшился бросить свой порокъ: онъ сдержалъ слово и былъ потомъ у меня однимъ изъ лучшихъ учителей. Другой случай до такой степени противорѣчитъ общему мнѣнію, будто въ старости нельзя ожидать исправленія, что мнѣ хочется привести его. Вышеупомянутый инспекторъ уѣзднаго училища, не отвергавшій самаго малаго приношенія и во всю прошедшую жизнь свою погрязавшій въ безнравственности, не былъ уволенъ, въ уваженіе большой семьи и дабы онъ могъ дождаться возвышеннаго пенсіона и хоть сколько нибудь обезпечить свое существованіе на старости лѣтъ. Я перевелъ его въ инспекторы особаго дворянскаго уѣзднаго училища о четырехъ классахъ, при чемъ были приняты мѣры улучшенія посредствомъ хорошихъ учителей и постояннаго надзора. Но вскорѣ надзирать стало нечего: старикъ-инспекторъ сдѣлался усерденъ и точенъ; училище быстро пріобрѣло добрую славу въ среднихъ сословіяхъ, и число учениковъ возросло до того, что я долженъ былъ завести двойные классы. Черезъ два года по учрежденіи я былъ на годовомъ публичномъ актѣ этого училища, вмѣстѣ съ графомъ Левашевымъ и многими другими посѣтителями. По окончаніи акта, по тамошнему обычаю, мы пошли на квартиру инспектора къ завтраку. У меня было уговорено, чтобъ на этихъ завтракахъ отнюдь не подавали ничего роскошнаго. Тутъ вижу на столѣ бокалы для шампанскаго. На вопросъ что это значитъ, меня просятъ, чтобъ я

допустилъ исключеніе только на этотъ разъ. Послѣ завтрака старикъ-инспекторъ, съ бокаломъ въ рукѣ и со слезами на глазахъ, падаетъ передо мною на колѣни. Меня это озадачило нѣсколько. Я прошу и приказываю ему встать. „Не передъ попечителемъ стою я на колѣняхъ—отвѣчалъ старикъ—а передъ орудіемъ Божескаго милосердія, которое изъ негодяя сдѣлало меня почтеннымъ человѣкомъ, возвратило меня самому себѣ. Я грѣшилъ такъ, что всѣ о томъ знали; хочу гласно и покаяться въ моемъ грѣхѣ". Всѣ были тронуты и, признаюсь, мнѣ пришлось сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы самому слишкомъ не растрогаться. Многіе годы потомъ этотъ человѣкъ, нравственно, похристіянски, съ любовью и успѣхомъ, трудился для блага своего училища, и когда онъ умеръ, почти весь городъ провожалъ его до кладбища. Вообще долженъ я замѣтить, что исполненіе долга, на первыхъ порахъ вынуждаемое, становилось скоро самопроизвольнымъ. Когда я выѣхалъ изъ Кіева, не оставалось слѣдовъ бывшей распущенности; и между учителями различныхъ заведеній преобладала серьезность, съ полнымъ отсутствіемъ кичливости. Можетъ быть, бывали случаи лицемѣрія; но тутъ судитъ уже Богъ-Сердцевѣдѣцъ, а усердіе къ дѣлу и нравственная жизнь учителей во всякомъ случаѣ принесли пользу ученикамъ.

Въ такомъ положеніи дѣлъ умножалось довѣріе: ученики съѣзжались въ Кіевъ со всѣхъ концовъ государства; приходилось заводить двойные классы, учреждать новыя училища. По достиженіи 12 лѣтняго возраста, дѣти уже не оставались дома, и самыя знатныя семейства довѣряли ихъ гимназіямъ. Надо было учреждать казенные пансіоны; въ одномъ Кіевѣ ихъ учреждено четыре на триста мальчиковъ, а требованіе все расло. Такого наплыва въ общественныя училища не было и въ блестящія времена графа Чацкаго. При назначеніи моемъ я принялъ двѣ тысячи воспитанниковъ и передалъ своему преемнику слишкомъ двѣнадцать тысячъ.— Пансіоны служили мнѣ отдохновеніемъ. Сначала я былъ долженъ заниматься ими настойчиво и входить въ мельчайшія подробности, потому что никто не смыслилъ въ этомъ дѣлѣ; но потомъ, когда дѣти необыкновенно полюбили меня, и я радовался успѣхамъ, ѣздить по пансіонамъ стало для меня отрадою: я отдыхалъ тамъ отъ дневныхъ трудовъ, которые нерѣдко удручали меня.

Между тѣмъ принимались всѣ мѣры къ открытію Университета. Мнѣ удалось нанять три частныхъ, хорошихъ каменныхъ дома; въ одномъ изъ нихъ помѣстились аудиторіи, актовый залъ и всѣ служебныя принадлежности; а въ двухъ другихъ перевезенные изъ Кременца кабинеты вмѣстѣ съ библіотекою. Все было не роскошно, но прилично и удобно, послѣ сдѣланныхъ на счетъ Университета исправленій. Многихъ профессоровъ получилъ я изъ Кременца, преимущественно для физико-математическаго факультета; юридическій факультетъ образовался изъ тѣхъ юристовъ, которые были мнѣ уступлены Сперанскимъ или, лучше сказать, которыхъ я взялъ у него силою; они были подготовляемы подъ руководствомъ этого замѣчательнаго

человѣка для законодательной коммиссіи, затѣмъ въ продолженіи трехъ лѣтъ учились въ Берлинѣ и въ другихъ Университетахъ Германіи, и изъ нихъ нѣкоторые соединяли замѣчательныя природныя способности съ прочнымъ и основательнымъ образованіемъ и впослѣдствіи оказались отличными преподавателями. Недостающее число профессоровъ было пополнено лучшими доцентами другихъ Университетовъ, привлеченными новымъ учрежденіемъ, и Дерптъ тоже внесъ свою долю участія (Гофманъ, Нейкирхъ и Траутфеттеръ).

Нужно было время и много выносливой терпѣливости, ниспосылаемой Божескою благодатью бѣдному и слабому ея орудію, чтобы подвести эти разнообразные элементы подъ одно иго и согласить противорѣчившія одна другой національности въ общемъ чувствѣ сердечной привязанности къ учрежденію, къ которому они принадлежали и для блага котораго должны были мирно и единодушно работать [6]).

15 Іюля 1834 года, въ день Святаго Владиміра, Университетъ былъ открытъ. Еще за нѣсколько дней стало во множествѣ съѣзжаться дворянство изъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній, и въ меньшемъ числѣ изъ Черниговской и Полтавской. Съѣхалось больше, чѣмъ съѣзжается на контракты въ Январѣ мѣсяцѣ. За три рубли въ сутки нельзя было достать крошечной комнаты. Многіе богатые люди располагались по сараямъ и въ клѣтяхъ, такъ какъ иначе ни за какую цѣну не находилось пристанища. До такой степени три западныя губерніи сочувствовали этому торжеству. На канунѣ, 14 Іюля, мы только что отпили чай въ саду, какъ начало съѣзжаться разодѣтое дворянство. Не ожидая такого заранѣе условленнаго съѣзда, я приказалъ было принести стулья, но скоро увидѣлъ, что стульевъ не достанетъ. Гости становились группами, по уѣздамъ; дворянскіе предводители представляли мнѣ ихъ по одиночкѣ. Не скрою, что такая предупредительность, ничѣмъ съ моей стороны невызванная, весьма пріятно меня тронула.—Наша актовая зала едва вмѣщала въ себѣ 350 человѣкъ, и по этому я отослалъ тремъ дворянскимъ предводителямъ по сту входныхъ билетовъ; но они настоятельно просили еще билетовъ, и я долженъ былъ распорядиться, чтобы впускали всякаго одѣтаго въ дворянскій мундиръ, предоставляя этимъ господамъ самимъ позаботиться о размѣщеніи. 15-го числа, въ 9 часовъ утра, въ Лаврѣ началось богослуженіе; служилъ митрополитъ. Оттуда около 11 часовъ, мы отправились въ Университетъ. Митрополитъ, съ знатнымъ духовенствомъ, освятилъ покои. Зала, сосѣднія комнаты и лѣстница наполнились до невозможности: хотѣли, по крайней мѣрѣ, присутствовать. Много стульевъ повынесли, чтобы только выгадать больше мѣста. Для стараго фельдмаршала Сакена, генералъ-губернатора, ду-

[6]) Великія заслуги Е. Ѳ. фонъ-Брадке по устроенію и управленію Кіевскаго учебнаго округа изложены, на основаніи подлинныхъ бумагъ, г. Виталіемъ Шульгинымъ въ статьѣ его „Исторія Университета св. Владиміра“, въ Русскомъ Словѣ 1859 г., кн. 10-я. Въ этой статьѣ между прочимъ сказано: „Для Брадке Русскій, Нѣмецъ и Полякъ не существовали, а только способные и неспособные люди“ (стр. 27).

ховенства, начальниковъ губерній и предводителей дворянства приготовлены были особыя мѣста; я помѣстился рядомъ съ университетскими чинами возлѣ каѳедры, спиною къ публикѣ. Когда прочли императорскіе рескрипты и профессоръ исторіи Цихъ окончилъ ученую рѣчь, я обратился къ публикѣ и изложилъ причины основанія Университета и намѣренія правительства, послѣ чего три дворянскихъ предводителя, въ нѣсколькихъ словахъ, выразили Государю благодарность за оказанное благодѣяніе, и это были не пустыя слова: собраніе обнаруживало явно радостное и восторженное возбужденіе [7]). Въ тотъ же день, на деньги, собранныя членами Университета, устроенъ былъ обѣдъ для властей и дворянства. Тутъ тоже я долженъ былъ уступить просьбамъ предводителей и вмѣсто 150 разослать 300 приглашеній: они меня увѣряли, что дѣло не въ числѣ приборовъ, но что имъ хочется увезти домой воспоминаніе объ этомъ праздникѣ. Тосты вызвали большое одушевленіе, которое усилилось, когда встали изъ за стола и фельдмаршалъ съ духовенствомъ уѣхали. Раздавались восторженныя привѣтствія Университету, и тостамъ не было конца. Видя, что начинаетъ быть уже слишкомъ шумно, я хотѣлъ потихоньку удалиться; но меня поймали, подняли на верхъ, пили еще разъ за мое здоровье; дворянство на рукахъ снесло меня внизъ и посадило въ экипажъ. Этотъ экспериментъ не представлялъ ничего пріятнаго для страждущаго тѣла моего. Послѣ были большой обѣдъ у генералъ-губернатора, балъ отъ дворянства и многія другія торжества; выражалось много симпатіи, но я чувствовалъ усталость. Въ заключеніе торжественныя депутаціи дворянства трехъ губерній являлись благодарить меня.

Такъ кончились эти торжества, и мы приступили къ открытію курсовъ.

Генералъ Левашевъ и прибывшій по высочайшему повелѣнію отъ министерства графъ Протасовъ выражали мнѣніе, что было бы выгодно на первыхъ порахъ облегчить пріемные экзамены; но я не могъ согласиться съ этимъ и лично наблюдалъ, чтобы поступающіе въ студенты экзаменовались какъ слѣдуетъ. Впослѣдствіи оба согласились, что я былъ правъ.

Открылся сначала одинъ первый курсъ, и помѣщеніе было достаточно съ избыткомъ; хотя каѳедры не всѣ были заняты, но преподаватели не обременялись дѣломъ. И по открытіи всѣхъ курсовъ, мѣста было довольно, а въ это время порожнія каѳедры замѣщались, по мѣрѣ надобности, надежными лицами....

---

[7]) Особенное сочувствіе мѣстнаго дворянства (большею частію Польскаго происхожденія) къ открытію Университета объясняется словами высочайшаго указа 8 Ноября 1833 года: „Признали мы за благо, по переводѣ Волынскаго Лицея изъ Кременца въ Кіевъ, преобразовать оный въ высшее учебное заведеніе съ надлежащимъ распространеніемъ и на твердыхъ основаніяхъ, преимущественно для жителей Кіевской, Волынской и Подольской губерній, коихъ наслѣдственное усердіе въ пользу просвѣщенія упрочило и на будущія времена благосостояніе учебныхъ заведеній того края.“

Студенты могли свободно развивать свои силы, а къ вспышкамъ юношеской живости относились отечески, строго требуя однако соблюденія существующихъ законовъ и постановленій. Попечитель всегда обращался съ студентами какъ отецъ и другъ. Такимъ его всѣ и почитали, и только въ важныхъ и рѣдкихъ случаяхъ предъявлялъ онъ свою начальническую власть, что́ и производило всякій разъ сильное впечатлѣніе. Молодые люди часто прибѣгали къ нему въ своихъ личныхъ и семейныхъ дѣлахъ; родители тоже, и такъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ много бывало семейныхъ столкновеній, то попечителю не рѣдко приходилось брать на себя посредничество. Прямымъ начальникомъ студентовъ былъ инспекторъ (эту должность занималъ сначала зять мой, полковникъ Люце). У него было два помощника; полицейскую должность исполняло нѣсколько человѣкъ педелей. Всѣ дѣла обсуждались и улаживались словесно, и только въ сложныхъ и очень рѣдкихъ случаяхъ инспекторъ прибѣгалъ къ письменному донесенію. Принятые въ первый годъ студенты представляли собою довольно нравственный кружокъ, въ которомъ уважалась религія и развито было чувство чести. Такъ какъ число ихъ доходило лишь до 60 человѣкъ, то я зналъ всѣхъ лично и могъ слѣдить за ними. Я внушалъ имъ, чтобы они сами оберегали честь своего студенчества и въ случаѣ нужды обращались ко мнѣ за содѣйствіемъ. Это было по поводу того, что два перешедшіе изъ Казани студента были замѣчены въ пьянствѣ. Въ теченіи цѣлаго года студенты утверждались въ добрыхъ правилахъ, и за тѣмъ новопоступавшіе уже поневолѣ вторили общему настроенію Университета. Вообще должно сказать, что хотя и не обходилось безъ юношескихъ увлеченій, но студенты держали себя нравственно. Позднѣе, къ сожалѣнію, образовалась печальная путаница въ умахъ, благодаря политическому направленію западныхъ губерній; но иначе и быть не могло въ виду судорогъ Польской революціи и по причинѣ фанатизма въ старшемъ поколѣніи, особливо въ женщинахъ. Я предвидѣлъ это и лично докладывалъ объ этомъ Государю, еще до основанія Университета.

Во второмъ году существованія Университета былъ высочайше утвержденъ планъ особаго университетскаго зданія, по смѣтѣ въ три милліона рублей ассигн., а въ третьемъ году было приступлено къ самымъ постройкамъ.

Теперь разскажу о личной обстановкѣ моей въ Кіевѣ.

Изъ выше сказаннаго вы можете заключить, мои милыя дѣти, что въ Кіевѣ весь я, душею и тѣломъ, преданъ былъ дѣлу. Послѣдствія прежнихъ служебныхъ напряженій не разъ давали себя непріятно чувствовать. Много и тяжко страдалъ я тогда сильными гемороидами, ревматизмомъ и мучительною болью въ лицѣ, такъ называемымъ tic douloureux, и въ довершеніе всего нервы находились въ очень возбужденномъ состояніи. И тѣмъ не менѣе служебное дѣло начиналось раньше 7 часовъ, какъ только входилъ я къ себѣ въ кабинетъ и продолжалось до 2-хъ, когда мы садились за обѣдъ, къ которому ежедневно приглашаемы были нѣсколько чиновни-

ковъ, а по воскресеньямъ четверо преподавателей или административныхъ лицъ, четверо студентовъ и по нѣскольку воспитанниковъ изъ пансіоновъ. Кромѣ того, по разнымъ поводамъ, бывали у меня парадные обѣды, и разъ въ недѣлю профессорскій вечеръ, на который посторонніе допускались не иначе какъ по личному приглашенію. Послѣ обѣда, послѣ короткаго сна, я либо опять занимался необходимыми дѣлами, либо ѣхалъ въ заведенія. Въ 8 часовъ мы пили чай, и тутъ собиралось множество лицъ, желавшихъ переговорить со мною: они знали, что только въ это время я былъ свободенъ отъ занятій. Выпивался поспѣшно чай, закуривались сигары, и я бралъ подъ руку то одного, то другаго, чтобы пройтись по залѣ и поговорить, о чемъ было нужно. Это продолжалось обыкновенно до 11 часовъ, т. е. до отхода нашего ко сну. Въ семь лѣтъ Кіевской моей жизни намъ случилось только одинъ вечеръ провести въ тѣсномъ семейномъ кругу, къ которому принадлежало четверо или пятеро дѣтей, взятыхъ мною въ домъ. По воскресеньямъ собиралось на вечеръ отъ 40 до 50 человѣкъ, и когда пріѣзжало довольно дамъ, устраивались танцы. Разъ пять и болѣе въ зиму давалъ я балы; на нихъ я приглашалъ также молодыхъ дѣвушекъ изъ высшихъ частныхъ заведеній, при чемъ соблюдался строгій выборъ кавалеровъ. Въ посты давались у меня концерты воспитанниками и воспитанницами разныхъ учебныхъ заведеній, при содѣйствіи Кіевскихъ и проѣзжихъ музыкантовъ; между прочимъ знаменитый Липинскій нѣсколько разъ восхищалъ насъ своею игрою. Такой образъ жизни былъ чрезвычайно утомителенъ и начетистъ; шести тысячь жалованья конечно не доставало. Полковничья аренда моя пошла на покупку дома (такъ какъ квартиры мы не могли найти) и на первое обзаведеніе. Вторую аренду получилъ я, по личному благоволенію Государя, лишь позднѣе, такъ что намъ пришлось прожить въ Кіевѣ 50 тысячъ руб. асс., доставшихся мнѣ и матери вашей по наслѣдству. Можно, пожалуй, осудить насъ за это, потому что слѣдовало бы жить гораздо скромнѣе; но тогда пришлось бы отказаться отъ многаго, чего удалось мнѣ достигнуть въ моей дѣятельности. Въ западныхъ губерніяхъ открытый домъ есть необходимое условіе для того, чтобы пользоваться довѣріемъ и уваженіемъ. Иначе мнѣ невозможно было войти въ близкія отношенія къ высшимъ сословіямъ, а равно и къ преподавателямъ и воспитанникамъ. На первомъ частномъ представленіи Государь указалъ мнѣ прекрасную цѣль содѣйствовать укрѣпленію пріязненной связи между населеніемъ и правительствомъ. Въ связи этой видѣлъ я единственную возможность упрочить мѣстное благосостояніе, и для нея жертвовалъ я вполнѣ и своимъ отвращеніемъ къ тамошнимъ нравамъ, и своею склонностью къ тихой семейной жизни, и своими хозяйственными дѣлами. Впрочемъ дѣлалось это безъ разсчета и устроилось само собою. Лишь по выѣздѣ изъ Кіева сталъ я обсуждать тамошній образъ моихъ дѣйствій; но тогдашнее возбужденіе моихъ чувствъ не заставляло меня раскаяваться.

По отозваніи графа Левашова, съ которымъ я находился постоянно въ дружескихъ сношеніяхъ, генералъ-губернаторомъ назна-

ченъ графъ Гурьевъ. Онъ ненавидѣлъ всѣ университеты... Хотя лично между нами не было никакихъ неудовольствій, но по университетскимъ дѣламъ вышли столкновенія, такъ что дѣла доходили до Государя, рѣшавшаго ихъ въ мою пользу. На мѣсто Гурьева назначенъ Бибиковъ, человѣкъ великихъ природныхъ способностей, но безъ научнаго образованія. По внѣшности мы были друзьями; но потомъ явно оказалось, что онъ съ самаго начала имѣлъ намѣреніе соединить попечительское мѣсто съ генералъ-губернаторскимъ и что онъ добивался этой цѣли всевозможными путями.

Къ остальнымъ властямъ мои отношенія были пріязненныя. Дворянство оказывало мнѣ полное довѣріе и продолжало оказывать даже долго спустя послѣ того, какъ я оставилъ мѣсто. Университетъ и остальныя учебныя заведенія, особливо юношество, были мнѣ искренно преданы, въ чемъ я не разъ имѣлъ случай положительно убѣждаться.

Изъ лицъ, жившихъ въ Кіевѣ, особенно замѣчательны были восмидесяти слишкомъ лѣтній фельдмаршалъ князь Сакенъ и начальникъ его штаба генералъ-лейтенантъ Муравьевъ. Сакенъ былъ не женатъ, но имѣлъ много незаконныхъ дѣтей и былъ въ нравахъ своихъ вообще грязноватъ. На немъ ясно было можно видѣть, что чувственность не умираетъ даже и тогда, какъ изсякла возможность удовлетворять ее: онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ въ присутствіи хорошенькихъ женщинъ, и на экзаменахъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ мнѣ приходилось удерживать его отъ непроизвольныхъ, но въ тоже время чрезвычайно неприличныхъ изъявленій. Впрочемъ онъ былъ человѣкъ большаго ума и отличныхъ военныхъ познаній. Ко мнѣ онъ особенно благоволилъ: велѣлъ помѣстить мой портретъ противъ того мѣста, гдѣ обыкновенно сидѣлъ и бывалъ такъ предупредителенъ, что въ моемъ присутствіи никогда не позволялъ себѣ своихъ обычныхъ легкомысленныхъ шуточекъ и намековъ.—Муравьевъ, въ послѣдствіи Кавказскій намѣстникъ, человѣкъ великаго духа и отличныхъ военныхъ способностей. Онъ знаетъ нѣсколько Европейскихъ и восточныхъ языковъ, читаетъ много и основательно. Онъ горячо преданъ своему вѣроисповѣданію и строгъ въ правилахъ, но высокомѣренъ, причудливъ и рѣзкаго нрава. Въ школѣ колоновожатыхъ былъ онъ моимъ учителемъ по военнымъ наукамъ, и мы съ нимъ служили вмѣстѣ почти всю Польскую кампанію. Поэтому сначала онъ очень дружественно со мною сблизился; но его обращеніе было такъ неровно, а причуды такъ часты, что подъ конецъ я почувствовалъ необходимость отдаляться отъ него и откровенно объявилъ ему, что близость нашу надо прекратить. На это онъ никакъ не хотѣлъ согласиться, и до самаго моего отъѣзда изъ Кіева мы оставались дружны. Позднѣе его постигли большія непріятности по службѣ, къ которымъ онъ отнесся чрезвычайно раздражительно, просилъ отставки, дожидался ея въ Кіевѣ и дѣйствительно получилъ. Въ этотъ промежутокъ я навѣщалъ его ежедневно и повидимому всякій разъ доставлялъ ему утѣшеніе; но онъ по прежнему сталъ

причудничать, и тутъ я ему объявилъ, что не стану на это обращать никакого вниманія, послѣ чего ничто не нарушало нашего согласія. Въ послѣдствіи я имѣлъ многія доказательства его дружескаго расположенія ко мнѣ.

Я долженъ упомянуть еще объ одномъ человѣкѣ, въ судьбѣ котораго явственно выразилась благодать Божія. Это былъ ректоръ Университета, профессоръ исторіи Цихъ, Чехъ или Венгерецъ по происхожденію, но родившійся и воспитавшійся въ Россіи. Въ Харьковѣ, гдѣ онъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ, его ненавидѣли и дѣлали ему непріятности за его строгія правила. Тамъ въ короткое время смѣнилось три попечителя, изъ которыхъ первый и послѣдній были очень привержены къ церкви, а второй явно безбожничалъ. Преподаватели мѣняли свои убѣжденія сообразно убѣжденію начальниковъ. Это такъ подѣйствовало на Циха, что онъ сталъ рѣшительно презирать человѣчество и пришелъ къ убѣжденію, что всѣ люди льстецы и притворщики. Исключеніемъ являлся ему одинъ только старикъ Розенштраухъ: онъ многіе годы старался отыскивать въ немъ что либо фальшивое, но не могъ найдти. Я зналъ объ его отличныхъ способностяхъ и, получивъ его согласіе на переводъ въ Кіевъ, представилъ его въ ординарные профессоры исторіи, которымъ и былъ онъ назначенъ въ Университетъ Св. Владиміра. Тогда у меня не было рѣшительно ни одного человѣка, на котораго я бы могъ положиться, и я сильно разсчитывалъ на помощь Циха во множествѣ тогдашнихъ дѣлъ моихъ. Онъ мнѣ очень понравился, и я поручилъ ему тотчасъ по его прибытіи массу дѣлъ, которую онъ охотно на себя принялъ. Потомъ узналъ я отъ директора моей канцеляріи Симовскаго, который былъ хорошъ съ Цихомъ еще въ Харьковѣ, что Цихъ намѣревался ограничиться одною профессурою и отклонять отъ себя всѣ постороннія дѣла, но что онъ увлекся моимъ энтузіазмомъ къ учебному вѣдомству и не станетъ раскаяваться, если бы потомъ и я оказался притворщикомъ. Цихъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ былъ откровененъ и прямъ; все что онъ говорилъ было ясно и чуждо двуязычія. Возложенное на него онъ исполнялъ осмотрительно и быстро. Я все больше къ нему привязывался, и отношенія наши пріобрѣтали характеръ взаимнаго довѣрія. Онъ сталъ раскрывать передо мной свое внутреннее состояніе и признался, что уже много лѣтъ не приступалъ къ Святымъ Тайнамъ, не желая самаго себя презирать какъ притворщика, но въ тоже время, чтобъ не подавать соблазну, никогда не позволялъ себѣ выражать свое мнѣніе объ этомъ предметѣ. Между тѣмъ замѣтно было, что, не смотря на видимое здоровье, онъ чѣмъ-то страдалъ и не хотѣлъ въ томъ сознаться. Какъ ни приглашали его къ обѣду, онъ ни зачто не являлся; за чаемъ тоже не ѣлъ ничего. Стали слѣдить за нимъ, и оказалось, что никто никогда не видалъ, чтобъ онъ ѣлъ. За то онъ пилъ много чаю и ни въ какой часъ дня отъ него не отказывался. Передъ Страстной недѣлей, однажды вечеромъ, сидѣлъ онъ у насъ, и мы довольно долго оставались одни. Онъ сталъ говорить о религіозныхъ предметахъ.

Сильное возбужденіе чувствовалось въ словахъ его. Въ немъ живо пробудилось чувство грѣховности, и онъ искренно жаждалъ утѣшенія религіи, но вѣра еще не давалась ему. Въ Понедѣльникъ на Страстной узналъ я, что Цихъ строго говѣетъ, а въ Четвергъ встрѣтился мнѣ университетскій священникъ, и я спросилъ его про Циха. Оказалось, что онъ говѣлъ и причащался и на исповѣди такъ горячо и искренно каялся, что самъ священникъ пришелъ въ умиленіе. Въ Субботу на Страстной онъ пришелъ ко мнѣ весь радостный и говорилъ только о религіозныхъ предметахъ; другіе преподаватели сказывали мнѣ, что Цихъ, до сихъ поръ совершенно чуждый вопросамъ вѣры, въ эти дни только и говоритъ о нихъ. Въ день Пасхи, я ѣхалъ съ поздравленіемъ къ генералъ-губернатору, какъ повстрѣчался мнѣ профессоръ Новицкій, остановилъ меня и рыдая объявилъ, что Цихъ только что скончался. Около двухъ часовъ ночи съ нимъ сдѣлался сильный припадокъ; немедленно послали за докторомъ и за жившими по близости профессорами, которые тотчасъ же объявили, что спасеніе невозможно. Смерть его была легка; въ послѣднія минуты онъ радостно повторялъ, что охотно разстается съ жизнію и исповѣдывалъ твердую вѣру въ Господа и Спасителя. Тутъ узнали, что уже нѣсколько лѣтъ онъ не могъ ничего ѣсть (его ото всего рвало), что онъ долго лечился противъ этой болѣзни, но безуспѣшно. Смерть Циха была незамѣнимою утратою для Университета. Всѣ его очень любили и уважали. Своимъ энергическимъ характеромъ, тактомъ и пріятнымъ обращеніемъ снискалъ онъ себѣ рѣшительное нравственное вліяніе на своихъ товарищей. Похороны его показали, какъ цѣнили его и внѣ Университета. Епископъ Инокентій самъ выразилъ желаніе отпѣвать его съ своимъ духовенствомъ; къ отпѣванію явились генералъ Ридигеръ съ своимъ штабомъ и всѣ власти. Университетъ былъ глубоко опечаленъ; одинъ профессоръ и одинъ студентъ, произносившіе рѣчи, едва могли окончить ихъ отъ волненія, и до сихъ поръ еще въ Университетѣ помнятъ и цѣнятъ Циха.

Объ остальныхъ жителяхъ Кіева сказать вамъ нечего; но я долженъ назвать еще епископа Инокентія, съ которымъ я находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ такъ извѣстенъ, что слабыя слова мои ничего не прибавятъ къ восторженному почитанію, которымъ пользуется этотъ отличный человѣкъ. Онъ жилъ въ Михайловскомъ монастырѣ, по сосѣдству съ нами, и мы почти ежедневно видались. Глубокое и основательное знакомство съ Нѣмецкими философами навлекало на него подозрѣніе въ свободомысліи; онъ былъ также вполнѣ знакомъ съ богословскими сочиненіями исповѣданій Евангелическаго и Католическаго и отзывался объ нихъ съ большою ясностію, глубокомысліемъ и терпимостію. Его лекціи въ Академіи слушались съ восторгомъ; сочиненія его переведены на многіе языки; но въ общественномъ отношеніи отличался онъ великимъ даромъ сообщать поучительное и образовательное направленіе бесѣдѣ даже съ самыми пустыми людьми: тутъ проявлялись сила и ясность его духа и кротость его характера. Онъ умѣлъ всегда сказать кстати рѣшительное и мѣткое слово. Въ санѣ архіепис-

копа Херсонскаго и Таврическаго онъ снискалъ себѣ между прочимъ любовь и уваженіе старовѣровъ, съ которыми вступалъ въ открытыя прѣнія, держа Священное Писаніе въ рукахъ.

Наша Лютеранская церковь въ Кіевѣ находилась въ печальномъ состояніи...

Открытіе Университета послѣдовало два года спустя по окончаніи Польскаго мятежа; поступавшіе въ него студенты прочувствовали въ своемъ сердцѣ всѣ волненія этой эпохи и если принять во вниманіе ту пламенную раздражительность національнаго характера и ту несообразность религіозныхъ и нравственныхъ понятій, которыя почти повсемѣстно преобладаютъ въ Польшѣ, то едва-ли можно было сомнѣваться во вліяніи ихъ на юношество, что̀ меня именно и побуждало, какъ было сказано выше, отказываться отъ мѣста въ Кіевѣ. При всемъ томъ, въ началѣ, въ политическомъ отношеніи все шло весьма хорошо, и я одинъ только разъ былъ поставленъ въ необходимость выпроводить изъ города за недостойное поведеніе одного молодого человѣка, который казался мнѣ подозрительнымъ, но которому, за недостаткомъ положительныхъ уликъ, я не могъ отказать въ поступленіи; впослѣдствіи узналъ я, что онъ былъ эмиссаромъ Польскаго революціоннаго комитета въ Парижѣ. Когда Государь, въ первый разъ послѣ моего назначенія и въ первый годъ существованія Университета, соблаговолилъ посѣтить Кіевъ, то онъ былъ особенно милостивъ и внимателенъ ко мнѣ и ко всему учебному округу и соизволилъ мнѣ выразить, что всѣ опасенія относительно настроенія учащейся молодежи нынѣ устранены и всѣ ея вредныя наклонности окончательно уничтожены, что̀ Его Величеству всемилостивѣйше угодно было приписать моему вліянію. На это я счелъ своею обязанностью заявить, что начало этого дѣла дѣйствительно, по милости Божіей, оказалось благопріятнымъ, но что, по моему мнѣнію, изъ этого нельзя еще выводить никакого заключенія на счетъ будущаго; что, по полученнымъ мною извѣстіямъ, образовавшійся въ Парижѣ Польскій комитетъ съ величайшею тревогою слѣдитъ за сближеніемъ молодежи съ правительствомъ и вѣроятно предприметъ все, что̀ только возможно для противодѣйствія такому сближенію; что нѣкоторыя демонстраціи этого, ни передъ какими средствами не отступающаго, комитета уже были мною подавлены и что, при ожидаемыхъ возбужденіяхъ со стороны этихъ фанатичныхъ и безнравственныхъ личностей и при легкомысліи и ложномъ патріотизмѣ молодежи, ея родителей и родственниковъ, не слѣдуетъ предаваться излишней увѣренности и должно ожидать еще много худаго. Его Величеству, по видимому, не угодно было придавать особаго значенія этимъ опасеніямъ, и Государь изволилъ мнѣ замѣтить, что я желаю самъ уменьшать свои заслуги и тревожу себя безполезными заботами.

Нѣсколько лѣтъ спустя, когда я ѣздилъ въ окрестности Одессы, для подкрѣпленія моего слабаго здоровья морскимъ купаньемъ, были найдены въ отдаленномъ закоулкѣ, въ навозной кучѣ, четыре рукописи съ возмутительными выходками противъ всѣхъ правительствъ,

съ положительнымъ революціоннымъ оттѣнкомъ и, по тщательномъ изслѣдованіи, было обнаружено, что онѣ принадлежали студентамъ. Когда я вернулся въ Кіевъ, дальнѣйшее слѣдствіе для открытія виновныхъ едва было начато и производилось подъ непосредственнымъ руководствомъ графа Гурьева. Пріѣхавъ къ нему, я засталъ его въ величайшей тревогѣ, которую я успокоилъ, заявивъ, что мнѣ, какъ попечителю, принадлежитъ право вести это слѣдствіе, что я, въ качествѣ начальника Университета, принимаю отвѣтственность на себя и что онъ совершенно напрасно навлекъ на себя эту заботу. По слѣдствію оказалось, что агентъ Парижскаго комитета, извѣстный по имени, но къ несчастію успѣвшій ускользнуть за границу, разбросалъ эти возмутительныя прокламаціи по улицѣ въ виду молодыхъ людей и что сіи послѣдніе не воздержались отъ искушенія поднять ихъ; но по прочтеніи проникліись такимъ опасеніемъ, что скрыли ихъ подъ подоконниками. Когда впослѣдствіи между студентами распространилась молва о готовящемся домовомъ обыскѣ, то они вынули ночью эти рукописи и бросили ихъ въ навозную кучу, гдѣ онѣ разумѣется были найдены и представлены жандармскому полковнику, глупому и пьяному человѣку, который, не переговоривъ предварительно ни со мною, ни съ генералъ-губернаторомъ, отправилъ ихъ прямо въ Петербургъ. Вскорѣ послѣ этого Государь былъ проѣздомъ въ Кіевѣ и, раздраженный отзывами генералъ-губернатора, который по своей душевной тревогѣ и ненависти къ Университету представилъ ему все дѣло въ ложномъ свѣтѣ, не удостоилъ меня ни одного слова, хотя я былъ приглашенъ къ высочайшему обѣденному столу. По окончаніи обѣда Государь поговорилъ еще съ нѣсколькими генералами, затѣмъ прошелъ мимо меня и потребовалъ меня въ свой кабинетъ. Первоначальный пріемъ его не былъ милостивъ, и Его Величество отнесся къ этому дѣлу съ самой худшей стороны; полчаса разъяснялъ я ему всѣ обстоятельства. Государь меня обнялъ, упрекалъ, что я слишкомъ огорчаюсь этимъ дѣломъ и возвратилъ мнѣ свое милостивое расположеніе. И на слѣдующій день, на аудіенціи, Его Величеству угодно было оказать мнѣ всемилостивѣйшее вниманіе и милость и повторить данное мнѣ обѣщаніе, что проступокъ четырехъ студентовъ не измѣнитъ его мнѣнія объ Университетѣ. Виновные были приговорены военнымъ судомъ къ разжалованію въ солдаты, безъ лишенія правъ дворянства; одинъ изъ нихъ умеръ въ Оренбургѣ, а три остальные дослужились скоро до офицерскихъ чиновъ и имѣли хорошія мѣста по службѣ.

Года черезъ полтора или черезъ два послѣ мятежа, во всей странѣ начали появляться признаки преступнаго броженія, въ коемъ принимали участіе многіе дворяне; но, не смотря на всю бдительность мою, я не могъ никого заподозрить въ предѣлахъ учебнаго округа; генералъ-губернаторъ также не могъ найдти никакихъ уликъ. Происки злоумышленниковъ вскрылись наконецъ въ Вильнѣ и повели къ дальнѣйшимъ открытіямъ. Тамъ находился тогда Уваровъ. Къ нему пришелъ студентъ Маціевскій, только что окончив-

шій курсъ и съ откровеннымъ, сердечнымъ раскаяніемъ признался ему, что участвовалъ въ преступныхъ замыслахъ. Его арестовали и прислали ко мнѣ. Между тѣмъ открытія, сдѣланныя въ Вильнѣ, навели подозрѣніе на многихъ лицъ въ Кіевской, Подольской и Волынской губерніяхъ. Наряжена комиссія для разслѣдованія дѣла, и оказалось, что въ заговорѣ принимали участіе 18 студентовъ, изъ которыхъ многіе уже не принадлежали болѣе Университету, пятеро знали тайну, а остальные бывали на сходкахъ подъ предлогомъ литературныхъ бесѣдъ и благотворительныхъ цѣлей. Это преступное сообщество на первыхъ порахъ ограничивалось тѣмъ, чтобъ поддерживать въ своихъ членахъ патріотическое настроеніе; оно понимало невозможность предпринять что либо при тогдашнихъ мѣстныхъ условіяхъ, но питалось надеждою, что обстоятельства перемѣнятся въ ихъ пользу. Все дѣло исходило изъ Парижскаго Польскаго комитета, посылавшаго къ намъ своихъ агентовъ, которые однако ничего не знали другъ о другѣ; имъ поручено было выбирать второстепенныхъ агентовъ, которые въ свою очередь набирали сообщниковъ, но опять такъ, что одинъ не зналъ ничего про другаго, и всѣ поодиночкѣ хранили тайну заговора. Поэтому съѣздовъ быть не могло. Каждому предписывалось снискивать довѣріе властей трудомъ и осторожнымъ поведеніемъ, дабы, достигнувъ вліятельнаго положенія, имѣть возможность принести пользу обществу. При первомъ извѣщеніи, что время дѣйствовать наступило, члены обязывались безпрекословно слѣдовать приказаніямъ своихъ старшинъ. Все это было разсчитано на то, чтобы правительство не могло открыть ихъ дѣйствія и, коль скоро они обнаружатся, привлечь къ отвѣту наименьшее число виновныхъ. Такимъ образомъ общество, по самому составу своему, лишено было возможности дѣйствовать съ какимъ либо успѣхомъ. Многіе студенты просто позабыли о своей принадлежности къ обществу или не предавали ему почти никакого значенія, и я убѣжденъ, что лишь весьма немногіе рѣшились бы приступить къ какимъ либо дѣйствіямъ. Во время слѣдствія одинъ изъ главныхъ агентовъ, когда его спросили, какъ могъ онъ при столь неблагопріятныхъ условіяхъ на что либо разсчитывать, отвѣчалъ, что они не обольщались никакою надеждою и дѣйствовали, не помышляя о послѣдствіяхъ. „Если бы правительство (говорилъ онъ) употребляло лишь карательныя мѣры и тѣмъ питало общее неудовольствіе, то мы были бы довольны и стали бы дожидаться лишь благопріятной минуты для нашего дѣла; но оно начало, въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ, отвлекать отъ насъ сердца молодежи, такъ что частное воспитаніе почти прекратилось, и все юношество толпами уходило въ правительственныя школы. Тутъ мы начали опасаться, что при такомъ ходѣ дѣлъ ослабѣетъ и пожалуй совсѣмъ угаснетъ патріотизмъ въ поколѣніи старшемъ. Мы сочли себя обязанными, во что бы то ни стало, начать борьбу за наше дѣло и принять мѣры противъ возраставшаго разложенія. Теперь наше предпріятіе не удалось, но мы все-таки въ выигрышѣ, ибо правительство должно насъ наказывать, а эти наказанія воспламенятъ снова чувства

ненависти и патріотизма.“ Отзывъ этотъ слышалъ я лично отъ самаго тогдашняго генералъ-губернатора Бибикова, который переодѣвался штабъ-офицеромъ и присутствовалъ на засѣданіяхъ Комиссіи. Приговоръ суда былъ смягченъ милосердіемъ императора Николая, но къ сожалѣнію не обошлось безъ лицепріятія: бѣдняки поплатились, а богатые люди получили пощаду. Студенты большею частію разжалованы въ солдаты, но не лишились дворянскихъ правъ, и въ послѣдствіи почти всѣ получили хорошее служебное положеніе.

Въ слѣдствіе этихъ обстоятельствъ Университетъ былъ закрытъ на годъ, и по возобновленіи лекцій всѣмъ студентамъ изъ западныхъ губерній объявлено, чтобъ они подавали прошенія о переводѣ въ другіе Университеты.

Въ такомъ положеніи дѣлъ я не разсчитывалъ болѣе приносить пользу государству и странѣ. Здоровье мое, и безъ того уже ослабленное неизбѣжною тревогою, совершенно расшаталось; я не могъ спокойно смотрѣть на студентовъ: они сознавали вину свою и раздирали мнѣ сердце своимъ раскаяніемъ. Когда я подалъ прошеніе объ отставкѣ, его величество всемилостивѣйше назначилъ меня членомъ главнаго управленія училищъ съ повелѣніемъ оставаться на мѣстѣ до назначенія мнѣ преемника и до его прибытія. Такимъ образомъ мнѣ пришлось еще нѣсколько мѣсяцевъ прожить въ Кіевѣ. Какъ мнѣ ни было тяжело это, я преодолѣлъ въ себѣ болѣзненное настроеніе и старался дѣйствовать по прежнему, за что министръ потомъ благодарилъ меня....

При моихъ тѣсныхъ отношеніяхъ къ Университету и другимъ заведеніямъ, разставаться намъ было тяжело. Сначала я хотѣлъ вовсе не прощаться съ молодыми людьми, но долженъ былъ уступить настоятельнымъ просьбамъ казенныхъ студентовъ и пансіонеровъ, взявъ съ нихъ напередъ обѣщаніе, что они не позволятъ себѣ никакихъ пылкихъ изъявленій. Прощаніе съ ними взволновало меня до глубины души, и мнѣ стоило великаго усилія сдержать себя. Студенты плакали, но оставались спокойны; пансіонеры же вѣшались ко мнѣ на шею, и я едва могъ освободиться отъ нихъ. Отъ прощальнаго пиршества я отказался рѣшительно: скрыть совершенно, почему именно я оставляю должность, было нельзя, и я опасался заявленій, которыя могли бы подать поводъ къ толкамъ и, превратно истолкованныя, причинили бы вредъ изъявителямъ...

Вечеромъ 31 Марта 1839 года пріѣхалъ я въ Петербургъ. . .

На одномъ изъ собраній въ Зимнемъ дворцѣ, которыя я посѣщалъ нерѣдко, подошелъ ко мнѣ Уваровъ и съ отмѣнною любезностію сталъ мнѣ выговаривать, зачѣмъ я у него не бываю. Послѣ того я нѣсколько разъ ѣздилъ къ нему на вечера. Вдругъ узнаю чрезъ Киселева, что Уваровъ настойчиво предлагаетъ Государю назначить меня попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа. Назначеніе не состоялось по соглашенію между обоими министрами. Я лично держалъ себя совершенно въ сторонѣ.

Въ это время получилъ я отъ министра государствен. имуществъ графа Киселева предложеніе принять на себя управленіе 3-мъ департаментомъ этого министерства, потому что тогдашній директоръ, генералъ-адъютантъ баронъ Деллингаузенъ *) подалъ въ отставку, и въ тоже время косвеннымъ путемъ было мнѣ предложено министромъ юстиціи Дашковымъ мѣсто оберъ-прокурора въ Сенатѣ. Мало или вовсе незнакомый съ судебною частью, я по совѣсти не могъ принять послѣдней должности и вступилъ въ непосредственные переговоры съ графомъ Киселевымъ.

На офиціальномъ представленіи Его Императорское Величество благоволилъ довольно долго со мной разговаривать и даже изволилъ спросить меня о моихъ глазахъ, которые тогда у меня очень болѣли.

Въ началѣ Мая 1839 года назначенъ я директоромъ 3-го департамента государственныхъ имуществъ. Въ немъ было два главныхъ занятія: 1) поощреніе сельскаго хозяйства во всѣхъ его отрасляхъ, какъ-то садоводства, шелководства, винодѣлія, скотоводства и лѣсоводства; всѣ относящіяся сюда учебныя заведенія и частныя общества подчинены этому департаменту, который обязанъ былъ руководить ими и поддерживать ихъ, равно какъ слѣдить за всѣми успѣхами сельскаго хозяйства въ Россіи и за границею, устроивать въ подчиненныхъ ему заведеніяхъ пробныя хозяйства и, по мѣрѣ успѣха, распространять оныя; 2), измѣрить и регулировать всѣ казенныя земли, вводить кадастръ въ удѣлахъ, руководить и надзирать за работами по этимъ предметамъ; собирать и издавать статистическія извѣстія какъ о казенныхъ имѣніяхъ, такъ и обо всемъ государствѣ. Кромѣ того департаментъ разсматривалъ проэкты новыхъ сооруженій, изготовлялъ привилегіи по сельско-хозяйственнымъ предметамъ и предлагалъ всякаго рода улучшенія. При департаментѣ находился ученый комитетъ подъ предсѣдательствомъ директора.

Такимъ образомъ это вѣдомство было чисто-ученое и техническое; но предшественникъ мой не подумалъ набрать себѣ чиновниковъ изъ людей свѣдущихъ. Отъ того дѣла велись по общему канцелярскому порядку, при чемъ чиновники упражнялись только въ великомъ, но безплодномъ искусствѣ безсознательнаго многословія или, что̀ еще хуже, по разнымъ важнымъ отраслямъ вводились начала, вычитанныя съ поспѣшностію изъ извѣстныхъ сочиненій, плохо-понятыя и неусвоенныя.

Положеніе мое было очень тяжело. По нѣкоторымъ предметамъ, какъ наприм. по садоводству, шелководству и винодѣлію, равно какъ и по лѣсоводству, я имѣлъ весьма недостаточныя свѣдѣнія. Кадастръ представлялъ собою совершенно новую сферу дѣйствій; ввести его считалось до сихъ поръ невозможнымъ по причинѣ гигантскихъ размѣровъ государства. Сельскимъ хозяйствомъ хотя

*) По какой причинѣ, разсказано въ Запискахъ В. А. Инсарскаго, Р. Архивъ 1873, стр. 566. *П. Б.*

многократно и занимался я практически, но настоящихъ, систематическихъ свѣдѣній по этой части не имѣлъ и лишь урывками восполнялъ чтеніемъ мое невѣжество. Если бы мнѣ поручили быть исполнителемъ въ предѣлахъ опредѣленныхъ, я, можетъ быть, справился бы съ дѣломъ; но тутъ ничего еще не было выяснено, все вращалось въ сферѣ идей, все нуждалось въ устроеніи, и такая неопредѣлительность только вредила дѣлу.

Между тѣмъ я былъ занятъ въ моемъ департаментѣ почти сверхъ силъ. Огромная машина съ сотнею чиновниковъ, которая распространяла свои дѣйствія на все государство и главнѣйшія основанія которой еще надлежало установлять, требовала основательнаго и добросовѣстнаго къ ней отношенія. На мою долю приходилось не менѣе 12 — 14 часовъ работы, и я бывалъ иногда до того утомленъ, что не могъ ни думать, ни говорить. Когда я направилъ ходъ машины, пріучилъ чиновниковъ къ труду и указалъ направленіе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ отраслей, мнѣ наиболѣе знакомыхъ, то я убѣдился, что, для опредѣленія различныхъ отдѣловъ сельскаго хозяйства, мнѣ слѣдовало на мѣстѣ ознакомиться съ его потребностями и съ мѣстными служащими лицами, и потому я предпринялъ лѣтомъ 1841 года, по высочайшему повелѣнію, поѣздку по Россіи.

Я посѣтилъ Горки (Могилевской губ.), Черниговъ, Кіевъ, Одессу, Екатеринославль, Полтаву, Лугань (Екатеринославской губ.), Таганрогъ, Новочеркаскъ, Ставрополь, Пятигорскъ, Кизляръ, Астрахань, Сарепту, Саратовъ, тамошнія Нѣмецкія колоніи, Симбирскъ, Пензу, Казань, Уфу; оттуда на обратномъ пути въ Петербургъ Казань, Нижній-Новгородъ во время большой ярмарки, Владиміръ, Москву, Тверь, Новгородъ. Отчетъ объ этомъ путешествіи вы найдете въ моихъ бумагахъ. Представленные мною уставы Горыгорецкаго института, фермъ и образцовыхъ хозяйствъ, школъ винодѣлія и шелководства и многихъ другихъ учрежденій были высочайше утверждены и дѣйствуютъ доселѣ.

Еще до моего отъѣзда былъ разрѣшенъ, въ особомъ комитетѣ подъ моимъ предсѣдательствомъ, вопросъ о кадастрѣ и началъ приводиться въ исполненіе. Во время моего управленія была произведена оцѣнка государственныхъ имуществъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ и введенъ поземельный сборъ, вмѣсто подушнаго. Этотъ вопросъ доставилъ мнѣ много труда и головоломной работы, но въ тоже время и много удовольствія. Кадастровыя коммисіи отличались отъ другихъ учрежденій своимъ живымъ, осмотрительнымъ рвеніемъ и строгою добросовѣстностью, а введенный поземельный налогъ убѣдилъ крестьянъ въ значеніи земельнаго надѣла и внушилъ имъ бо́льшую заботливость при пользованіи имъ. Мы также пріобрѣли путемъ этихъ коммисій многія важныя, статистическія свѣдѣнія, которыя повели къ нѣсколькимъ благодѣтельнымъ, административнымъ распоряженіямъ.

Мое положеніе въ департаментѣ установилось весьма прочно; чиновники трудились усердно и старались ближе ознакомиться съ

своими спеціальными отдѣлами и вслѣдствіе того привязывались болѣе къ своему дѣлу. Съ министромъ я также былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. При его страстномъ, въ высшей степени нетерпѣливомъ характерѣ и совершенномъ незнаніи порядковъ дѣлопроизводства, не могло быть недостатка въ столкновеніяхъ, изъ коихъ первое, случившееся при самомъ вступленіи моемъ въ должность, едва не послужило поводомъ къ моему выходу въ отставку; но онъ дѣйствовалъ, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ другихъ, вполнѣ благородно и относился ко мнѣ съ уваженіемъ. Его въ сущности благонамѣренное направленіе и пламенное стремленіе къ пользамъ порученной ему почти половинной части народонаселенія Имперіи искупали многіе недостатки, которые были послѣдствіемъ его свѣтскаго образованія и постояннаго вращенія въ высшихъ общественныхъ сферахъ. При своей высокомѣрной и величавой наружности, онъ обладалъ однако большимъ сердечнымъ смиреніемъ и часто бывалъ весьма обходителенъ. Даже послѣ моего выхода изъ министерства, мы оставались постоянно въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, и онъ неоднократно доказывалъ мнѣ свое довѣріе и доброжелательство.

Послѣ пятилѣтняго управленія департаментомъ, я почувствовалъ, что мои физическія силы не могутъ долѣе выносить подобнаго напряженнаго труда и, хотя Киселевъ меня очень убѣдительно просилъ остаться, но и онъ наконецъ сдался и, съ его согласія, я обратился къ графу Панину, чтобы выразить ему мое желаніе быть принятымъ въ Сенатъ. Панина я до тѣхъ поръ вовсе не зналъ. Необыкновенно-высокаго роста, чрезвычайно-сухой наружности, онъ не производитъ собою пріятнаго впечатлѣнія, однако въ немъ развито чувство любви къ красотамъ природы, и въ особенности страстно любитъ онъ цвѣты. Онъ домосѣдъ и на службу свою смотритъ какъ на жертву, приносимую имъ государству во исполненіе долга. Позднѣе представился особенный случай, убѣдившій меня, что онъ человѣкъ теплаго сердца; но когда я говорилъ о томъ другимъ, ни за что не хотѣли тому вѣрить. Когда я выразилъ ему свое желаніе, онъ отвѣчалъ мнѣ, что нужно-бы предварительно имѣть на это одобреніе графа Киселева, на что я возразилъ ему, что графъ предполагалъ лично переговорить съ нимъ о томъ, но что я не желаю подвергать его возможности отказа. На это онъ мнѣ отвѣчалъ весьма сухимъ тономъ, что моя репутація не давала мнѣ права ожидать неблагопріятнаго отвѣта; но эти любезныя слова, благодаря тому тону, съ которымъ они были сказаны, остались для меня сперва непонятными. Вскорѣ послѣ того я былъ назначенъ сенаторомъ и поступилъ во 2-е отдѣленіе 3-го, такъ называемаго Балтійскаго, департамента. Здѣсь мнѣ пришлось сѣсть снова на школьную скамью и начать новое изученіе; цѣлый годъ серьознаго и упорнаго труда былъ мною посвященъ на то, чтобы изучить законы и дать себѣ возможность, при дальнѣйшихъ занятіяхъ, добросовѣстно и сознательно выполнять мои служебныя обязанности.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, я былъ переведенъ во второе отдѣленіе уголовнаго департамента, оттуда черезъ годъ въ мой прежній

3-ій департаментъ, и наконецъ въ 1-й департаментъ, гдѣ я оставался до назначенія въ Дерптъ.

Въ 1851 году высочайше повелѣно мнѣ осмотрѣть Херсонскую губернію, по поводу жалобъ поступившихъ на тамошняго губернатора. Отчетъ о томъ находится въ моихъ бумагахъ. Въ этомъ путешествіи, продолжавшемся почти цѣлый годъ, меня сопровождали Романовскій, Стороженко, Эссенъ, Стакельбергъ, Гюне, Брянчаниновъ и нѣкоторые другіе чиновники. То было самое трудное время моей жизни. Кромѣ того что приходилось усиленно работать отъ 12 до 14 часовъ въ сутки, я находился въ печальной необходимости быть судьею.

Вообще у насъ принято смотрѣть на званіе сенатора, какъ на отдохновеніе послѣ многолѣтнихъ, пройденныхъ трудовъ, и это весьма справедливо по отношенію къ тѣмъ, кому совѣсть дозволяетъ присоединять лишь свое мнѣніе къ мнѣнію другаго, безъ провѣрки; но тому, кѣмъ руководитъ сознаніе долга и данной присяги, дѣлъ довольно, и онъ весьма часто подвергается тревожнымъ сомнѣніямъ. Однако званіе сенатора все таки имѣетъ многія значительныя преимущества: независимость положенія, подчиненнаго единственно Высочайшей власти, свободное выраженіе своего мнѣнія, отсутствіе подчиненныхъ, а потому и всякой отвѣтственности, неспѣшный трудъ, такъ какъ 6 или 7 часовъ вполнѣ достаточно, и свобода отъ занятій во время каникулъ черезъ каждые два года, а иногда два раза въ три года. На основаніи всякихъ житейскихъ соображеній, я почти съ увѣренностью могъ предполагать, что никакой перемѣны въ моемъ положеніи произойдти не можетъ, а между тѣмъ я все таки получилъ назначеніе въ попечители Дерптскаго округа и, хотя я отклонялъ сдѣланное мнѣ первоначальное предложеніе, но затѣмъ подчинился безъ всякаго прекословія высочайшей волѣ.

Нѣсколько мѣсяцевъ до моего назначенія въ Дерптъ, дворянство Прибалтійскихъ губерній выразило желаніе выбрать меня членомъ въ Генеральную Консисторію, на что и послѣдовало высочайшее соизволеніе...

Такимъ образомъ пришлось мнѣ разсказать вамъ о тѣхъ милосердыхъ путяхъ, по которымъ нашъ любвеобильный Искупитель провелъ вашего престарѣлаго родителя до новаго назначенія моего въ Дерптъ; и такъ какъ моя дѣятельность въ Дерптѣ еще до того свѣжа, что къ сопоставленію и обсужденію моихъ отношеній моглобы примѣшаться нѣкоторое заблужденіе, то я и рѣшился окончить здѣсь мое родительское повѣствованіе.

Пусть этотъ очеркъ напоминаетъ вамъ вашего стараго отца, и да поможетъ онъ вамъ извлечь себѣ изъ событій моей жизни нѣкоторый опытъ и утѣшеніе въ неизбѣжной борьбѣ и испытаніяхъ здѣшняго бреннаго существованія.

*

Читатели Русскаго Архива припомнятъ отзывы объ Егорѣ Ѳедоровичѣ фонъ-Брадке въ Запискахъ В. А. Инсарскаго, напечатанныхъ нами въ 1873 году. Описывая

его наружность, тогдашній его подчиненный прибавляетъ: „Онъ былъ выше всякаго красавца силою великолѣпной души, которая отражалась во всѣхъ его словахъ, поступкахъ и даже манерахъ. Его нельзя было не любить и не почитать, и всѣ, кого судьба ставила въ какія либо соотношенія съ нимъ, его любили и почитали.“ Подобные же отзывы о немъ случалось намъ нерѣдко слышать отъ многихъ лицъ, разнаго возраста и разнаго общественнаго положенія.

*

Подобно славному соплеменнику своему, великому трудолюбцу прошедшаго столѣтія, графу Я. Е. Сиверсу, подобно дѣятельности В. И. Даля въ сферѣ Русскаго языкознанія и словесности, Е. Ѳ. Брадке заслужилъ себѣ почетное и признательное воспоминаніе Русскихъ людей. Такого рода дѣятели оставляютъ если и не особенно яркій, то неизгладимый и благодѣтельный слѣдъ въ исторіи своего Отечества. Тутъ мало блеску и шуму, за то много прочнаго созиданія. Вотъ почему мы особенно обязаны лицу, дозволившему помѣстить въ Русскомъ Архивѣ извлеченіе изъ Записокъ фонъ-Брадке.

*

Ѳ. И. Тимирязевъ, помогавшій намъ сдѣлать это извлеченіе, присоединилъ къ труду своему нижеслѣдующія строки. *П. Б.*

Предлагаемыя здѣсь выдержки изъ автобіографіи Е. Ѳ. фонъ-Брадке замѣчательны столько-же по событіямъ той эпохи, которую они изображаютъ, сколько и по тѣмъ довольно-рѣдкимъ пріемамъ, какіе употребляетъ авторъ въ своемъ разсказѣ. Обыкновенно подобныя автобіографіи или служатъ исключительнымъ выраженіемъ личныхъ мнѣній и взглядовъ біографа на всѣ событія пройденнаго имъ поприща, какимъ-то „profession de foi“, во имя котораго нерѣдко факты и дѣйствія освѣщаются довольно-одностороннимъ образомъ и не могутъ дать полнаго понятія объ историческомъ развитіи извѣстной эпохи; или-же подобныя біографическія свѣдѣнія всецѣло посвящаются дѣятельности самаго повѣствователя, его личнымъ отношеніямъ, родственнымъ связямъ, успѣхамъ и заслугамъ и потому не могутъ имѣть общаго интереса и содѣйствовать всестороннему изученію и оцѣнкѣ совершавшихся въ его время государственныхъ и общественныхъ событій. Сенаторъ Е. Ѳ. фонъ-Брадке, не смотря на то, что въ своихъ Запискахъ имѣлъ въ виду единственно своихъ дѣтей и „ту пользу, которую они могли извлечь изъ добытаго имъ труднымъ жизненнымъ путемъ тяжелаго опыта“, не впадаетъ однако-же ни въ одну изъ указанныхъ нами крайностей и ко всѣмъ событіямъ и дѣятелямъ современной ему эпохи сохраняетъ почти-объективное отношеніе. За исключеніемъ нѣкоторыхъ страницъ, относящихся до его семейныхъ отношеній и личнаго, служебнаго поприща, весь разсказъ его носитъ на себѣ характеръ исторической правды. Лица, имъ описываемыя, не выставляются только въ образѣ его доброжелателей и друзей или недруговъ и завистниковъ; а просто изображаются такими, какими онъ представлялъ ихъ себѣ въ то время, въ непосредственной связи съ обстоятельствами и обстановкою того времени. Событія, совершавшіяся въ его присутствіи и при его участіи, находятъ въ немъ, по возможности, безпристрастнаго и вѣрнаго истолкователя и представляются именно въ томъ видѣ, въ какомъ мы до сей поры привыкли ихъ видѣть, при чемъ однако весьма часто, одною мѣтко-подмѣченною чертою или однимъ вѣрно-схваченнымъ выраженіемъ, разоблачается вполнѣ ясно то, что́ смутно предполагалось или выводилось изъ прежде слышанныхъ и читанныхъ разсказовъ и подробностей.

Воспитаніе въ горномъ корпусѣ, потомъ дальнѣйшее пребываніе въ школѣ колоновожатыхъ и первоначальная дѣятельность въ Финляндіи составляютъ весьма живой и интересный очеркъ образовательнаго элемента того времени, со всѣми его хорошими и вредными особенностями. Затѣмъ краткій обзоръ достопамятныхъ событій 1813-1815 годовъ и характеристика нѣкоторыхъ лучшихъ дѣятелей той эпохи носятъ на себѣ отпечатокъ правды и прибавляютъ нѣкоторыя новые черты и оттѣнки въ запасъ нашихъ историческихъ свѣдѣній того времени. Но самою занимательною частью этого разсказа, по нашему мнѣнію, должно считать описаніе дѣятельности автора въ военныхъ поселеніяхъ, его отношеній къ графу Аракчееву и чрезвычайно вѣрно и правдиво очерченный имъ образъ знаменитаго временщика. Непреклонная и подчасъ свирѣпая и необузданная натура Аракчеева не въ состояніи поколебать безпристрастіе его изобразителя, и онъ охотно указываетъ на тѣ, хотя и рѣдкія, но все-же существовавшія достоинства и заслуги своего грознаго начальника *). Наконецъ разсказъ о дѣятельности Брадке въ Кіевскомъ учебномъ округѣ, объ основаніи Кіевскаго университета, о борьбѣ съ Польскимъ враждебнымъ элементомъ—все это безъ сомнѣнія уже давно извѣстно; но нѣкоторыя подробности дополняютъ картину той эпохи, и кромѣ того есть такіе предметы, которые, подобно Польскому элементу и живучести Польской интриги, никогда не могутъ быть вполнѣ исчерпаны, и всякое о нихъ упоминаніе можетъ принести новыя полезныя указанія для современной намъ системы дѣйствій, по отношенію къ нашимъ западнымъ окраинамъ. Автобіографія писана понѣмецки и отпечатана въ видѣ рукописи въ 1871 году, въ Петербургѣ, въ имп. акад. наукъ, на 215 страницахъ, въ 10 экземплярахъ.

Нѣмецкій подлинникъ автобіографіи носитъ такое заглавіе: Georg von Bradke's (geb. 16 Mai 1796, gest. 3 April 1861) eigene Aufzeichnungen über sein Leben bis zum Jahre 1854. Geschrieben 1857-1859. Als Manuscript gedruckt. т. е. Георга-фонъ-Брадке (род. 16 Мая 1796, ум. 3 Апрѣля 1861) собственныя замѣтки объ его жизни до 1854 г. Писано въ 1857-1859 гг. Напечатано въ видѣ рукописи.

Въ Русскомъ извлеченіи нашемъ сохранено, по возможности, все главное и обще-важное, и опущены главнѣйшимъ образомъ только подробности вполнѣ частнаго и семейнаго значенія. *П. Б.*

---

*) Аракчеевъ выразился о Брадке: «Способенъ и достоинъ; но жаль, что часто забываетъ свой малый чинъ передъ старшими». (Записки В. А. Инсарскаго въ Р. Архивѣ 1873, стр. 589).